

Кон И. С.

Дружба: Этико-психологический очерк

ВВЕДЕНИЕ. ИСТИНУ НАЗОВИ МНЕ. 1

1. ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ 4
 2. АНТИЧНАЯ ДРУЖБА: ИДЕАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ 14
 3. ОТ РЫЦАРСКОЙ ДРУЖБЫ К РОМАНТИЧЕСКОЙ 20
 4. ОСКУДЕНИЕ ИЛИ УСЛОЖНЕНИЕ? 32
 5. ПСИХОЛОГИЯ ДРУЖБЫ 39
 6. У ИСТОКОВ ДЕТСКИХ ПРИВЯЗАННОСТЕЙ 51
 7. ЮНОСТЬ В ПОИСКАХ ДРУГА 57
 8. ДРУЖБА ВЗРОСЛЫХ 66
 9. ДРУЖБА ИЛИ ЛЮБОВЬ? 71
 10. СКАЖИ МНЕ, КТО ТВОЙ ДРУГ... 82
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ 89

ВВЕДЕНИЕ. ИСТИНУ НАЗОВИ МНЕ.

Истинное государство, истинный брак, истинная дружба нерушимы, но никакое государство, никакой брак, никакая дружба не соответствуют полностью своему понятию.

К. Маркс

Вряд ли найдется человек, который не задумывался бы о сущности дружбы. Впервые это обычно случается в ранней юности, когда от школьных диспутов о дружбе, товариществе и любви ждут не только абсолютной ясности, но и практического решения жизненных проблем. Умудренные опытом взрослые улыбаются такой наивности. Однако их живо волнуют проблемы психологии общения, социальные и психологические причины некоммуникабельности, способы укрепления соседских и дружеских связей и т. д.

Трудно назвать классика философии, который не писал бы о дружбе: Платон и Аристотель, Феофраст и Эпикур, Цицерон и Сенека, Августин и Дунс Скотт, М. Монтень и Ф. Бэкон, К. Томазий и Х. Вольф, А. Шефтсбери и Д. Юм, П. Гольбах и К. Гельвеций, И. Кант и Г. В. Гегель, С. Кьеркегор и Л. Фейербах, А. Шопенгауэр и Ф. Ницше, В. Г. Белинский и Н. Г. Чернышевский. Но дружба как предмет серьезного научного исследования сразу же вызывает скептическое отношение. После моего доклада на первом Всесоюзном симпозиуме по проблемам общения (1970 г.), в котором предлагалась программа междисциплинарного изучения дружбы, кто-то прислал мне записку: "Жалею, что Вы так рано отходите от настоящей науки". Несколько лет спустя аналогичное отношение к проблеме выявилось в другой ситуации. Студентам физического факультета Ленинградского университета сказали, что они могут прослушать факультативный курс по психологии общения. "О!"—обрадовались физики. "Речь пойдет о психологии дружбы",—уточнил преподаватель. "А..."—разочарованно протянули студенты.

В чем же дело? Видимо, в том, что разговор о дружбе невольно ассоциируется в обыденном сознании с назидательными беседами, одобренными двумя-тремя хрестоматийными примерами и предназначенными главным образом для подростков. Но предмет и содержание науки изменяются в ходе истории. Еще немецкий просветитель XVIII в. Георг Кристоф Лихтенберг заметил: "Там, где прежде были границы науки, там теперь ее центр". Это как нельзя более верно и относительно дружбы.

Сегодня одно из центральных мест в науке о человеке заняла проблема общения. О ней пишут философы, социологи, психологи, этнографы, педагоги, психиатры и представители других научных дисциплин. Однако, как справедливо подметил В. Л. Леви, "общение", о котором так много спорят, не строгая аналитическая категория, а "слово-пакет, в которое можно завернуть радиопередачу... театр, младенческое "уа-уа", застолье, книгу, случайный взгляд, анонимку, музыку, дипломатию, матерщину... Я не знаю, что такое НЕ-общение". Одни авторы имеют в виду макросоциальные общественные отношения, другие — внутриколлективные взаимосвязи, третьи — взаимодействие индивидов вообще, четвертые — коммуникативные процессы, пя-

тые – личные (или, как теперь принято называть, межличностные) отношения и привязанности и т. д.

Чтобы преодолеть эту многозначность, некоторые ученые предлагают сузить объем категории "общение", выделив его субъектно-субъектную, индивидуально-личностную, "диалогическую" сущность, в отличие от более общих и элементарных процессов взаимодействия, коммуникации, обмена информацией и т. п. Но если принять такое, на мой взгляд, обоснованное ограничение, то самой "чистой", идеальной формой общения окажется именно дружба, которая вызывает к себе возвышенно-трепетное и одновременно скептическое отношение как раз вследствие несовпадения должного и сущего.

Люди всех времен и народов почитают дружбу величайшей социальной и нравственной ценностью. "Если найдешь разумного друга, готового идти вместе, праведно живущего, мудрого, преодолевающего все невзгоды, – иди с ним, радостный и вдумчивый. Если не найдешь разумного друга, готового идти вместе, праведно живущего, мудрого, – иди один, как царь, отказавшийся от завоеванного царства, или как слон в слоновом лесу", – учит Дхаммапада, собрание религиозно-этических изречений раннего буддизма (III-1 вв. до н. э.).

Вместе с тем люди неизменно считают подлинную дружбу редкой и расцвет ее, как правило, относят к прошлому. То и дело приходится слышать жалобы на то, что интимная, глубокая дружба часто подменяется у современной молодежи поверхностными и экстенсивными приятельскими отношениями, что телефон заменяет личные контакты, а телевизор – живой обмен мнениями. Эти рассуждения, подкрепленные ссылками на научно-техническую революцию, урбанизацию и рационализм современной жизни, кажутся довольно убедительными. Юрий Нагибин на страницах "Недели" пишет: "Меня недавно познакомили с результатами социологического исследования, там обсуждались мои рассказы о детстве и юности, по принципу "книги читают нас". Так вот, старшеклассники завидуют нашей более чем полувековой дружбе и прямо признаются, сетуют, что у многих из них нет настоящей потребности друг в друге, поэтому бестрепетно одних спутников меняют на других. А после школы – институт, там будет своя компания, на службе – своя. То неглубокое общение, которое связывает тебя с сегодняшними приятелями, легко завяжется с любыми другими – зачем за кого-то держаться? Такие молодые, а уже одиноки..." Б

Но если современные ребята завидуют прочной дружбе своих дедов, значит, потребность в такой дружбе у них есть. Да и сетования на оскудение дружеских отношений раздавались задолго до нашего времени, когда не было еще ни телефона, ни телевизора, ни научно-технической революции, ни частых переездов с места на место.

Перелистаем страницы истории. Западногерманский социолог Ф. Тенбрук относит расцвет высокоиндивидуализированной дружбы к периоду между 1750 и 1850 гг. Ныне, считает он, подобные отношения "теряют свою силу и распространенность. В сегодняшнем мире дружба играет сравнительно небольшую роль и уж, во всяком случае, персонализированные дружеские отношения составляют исключение". Однако романтики начала XIX в. тоже считали глубокую дружбу большой редкостью. По словам немецкого поэта Л. Тика, все люди любят или, по крайней мере, думают, что любят, "по лишь очень немногим дано быть друзьями в подлинном смысле слова".

Склонность проецировать царство дружбы в прошлое наблюдалась и раньше. В середине XVIII в. К. Гельвеций писал, что "во времена рыцарства, когда выбирали себе товарища по оружию, когда два рыцаря делили славу и опасность, когда трусость одного могла стоить жизни и потери чести другому", дружба, несомненно, была более избирательной и прочной. Напротив, при "настоящей форме правления" (имелся в виду французский абсолютизм) "частные лица не связаны никаким общим интересом... И нет больше дружбы; со словом "друг" уже не связывают тех представлений, которые связывали раньше..." В XVII в. о расчетливости и своекорыстии дружбы писал Ф. Бэкон, в XVI в. – М. Монтень, по словам которого для возникновения настоящей дружбы "требуется совпадение стольких обстоятельств, что и то много, если судьба ниспосылает ее один раз в три столетия".

Гуманисты эпохи Возрождения апеллировали к античным образцам дружбы. Античные авторы в свою очередь ссылались на более древних героев. Древ-

негреческий поэт Феогнид (VI в. до н. э.), воспевая достоинства дружбы, считал ее весьма несвойственной своим согражданам:

...Милых товарищей много найдешь за питьем и едою.
Важное дело начнешь-где они? Нет никого!..

Уже древнеегипетский автор "Спора разочарованного со своей душой" (XXIII-XXII вв. до н. э.) горько сетует на оскудение человеческого общения:

Кому мне открыться сегодня?
Братья бесчестны,
Друзья охладели...
Нет закадычных друзей,
С незнакомцами душу отводят!

Спрашивается, когда же было время "настоящей дружбы" и было ли оно вообще? Как иронически замечает А. Шопенгауэр, "истинная дружба - одна из тех вещей, о которых, как о гигантских морских змеях, неизвестно, являются ли они вымышленными или где-то существуют".

Трудности начинаются уже с определения самого понятия дружбы. Современные толковые словари и учебники этики определяют дружбу как близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов и т. д.

Какие же признаки отличают дружбу от прочих межличностных отношений и привязанностей?

В отличие от деловых отношений, где один человек использует другого как средство для достижения какой-то своей цели, дружба - отношение самоценное, само по себе являющееся благом; друзья помогают друг другу бескорыстно: "не в службу, а в дружбу".

В отличие от близости, обусловленной кровным родством, или от товарищества, где люди связаны принадлежностью к одному и тому же коллективу, узами групповой солидарности, дружба индивидуально-избирательна и основана на взаимной симпатии.

Наконец, в отличие от поверхностного приятельства, дружба - отношение глубокое и интимное, предполагающее не только взаимопомощь, но и внутреннюю близость, откровенность, доверие, любовь. Недаром мы называем друга своим alter ego ("другим Я").

Но обязателен ли этот канон для всех времен, народов и индивидов? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть дружбу сначала в культурно-историческом плане - как менялись ее образцы и образы в истории человечества, а затем в психологическом - как варьируют дружеские чувства и отношения у разных людей, в зависимости от их возраста, пола и других особенностей. Именно так и построена данная книга.

Первое ее издание (1980 г.), которому предшествовал ряд специальных публикаций, было с интересом встречено читателями и вышло также на латвийском, венгерском, немецком, болгарском, словацком, итальянском, испанском, польском и молдавском языках. Настоящее издание существенно переработано и расширено. Наиболее радикальной переработке в свете новых научных данных подверглась глава, посвященная особенностям дружбы в современную эпоху, и вторая, психологическая, часть книги.

По своей проблематике и задачам книга "Дружба" тесно связана с книгой "В поисках себя. Личность и ее самосознание", изданной Политиздатом в 1984 г. Не повторяя друг друга, обе книги освещают одни и те же социально-психологические и нравственные проблемы человеческого бытия. В одном случае отправной точкой является индивидуальное Я, а в другом - личные взаимоотношения. Но анализ объективных закономерностей и исторических тенденций развития человеческих взаимоотношений и индивидуальный мировоззренческий и нравственный поиск - вещи разные. Попытка совместить эти два круга вопросов, из коих первый предполагает взгляд снаружи, а второй - изнутри, создает определенные теоретические и стиливые трудности, которых не может не заметить вдумчивый читатель. Однако автор задался целью не поучать, как нужно или не нужно дружить, а ввести читателя в курс того, что мы на самом деле знаем о природе, генезисе и функциях

дружбы, дать тем самым ему пищу для самостоятельных размышлений.

Эта книга не для подростков, хотя надеюсь, что и они, любимые мои читатели, тоже найдут в ней нечто существенное о себе и для себя; она для взрослых. Насколько удалось осуществить этот замысел – пусть судит читатель.

1. ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

Дружба на время – рабство навечно.

Шумерская пословица

Этикет надо соблюдать даже в дружбе.

Японская пословица

Поскольку жалобы на оскудение дружбы апеллируют прежде всего к истории – раньше было хорошо, а теперь стало плохо, – мы тоже начнем разговор с истории. Из каких звеньев складывается сеть личных отношений у народов мира, стоящих на разных стадиях социально-экономического развития? По каким признакам, ожиданиям и ценностям разные народы отличают дружбу от прочих отношений? Каковы специфические функции и эмоциональные свойства их дружбы – круг участников, степень исключительности, близости, устойчивости?

Прежде всего, какое значение вкладывают разные народы в само понятие "дружба" – одно и то же или разное? Как показывает сравнительное языковедение, значения слов "друг" и "дружба" в большинстве языков тесно связаны с понятиями родства, товарищества (особенно воинского) и любви.

Единое этимологически праславянское слово *drugъ* значит "приятель, товарищ" и "иной, другой, второй, следующий". Древнеславянское "дружба" означало близость, товарищество, общество. Обращение "друзья и братья", имеющее сегодня метафорический смысл, некогда звучало буквально. Русский глагол "дружить" этимологически близок к сербохорватскому "дружите се" – "присоединяться", словенскому "druziti" – "соединять" и т. д. Обращает на себя внимание близость корней "семейных" и "воинских" понятий. Слово "дружина", в русском языке означающее воинский отряд, в словенском и болгарском языках означает семью, домочадцев. Лингвисты предполагают, что в основе всего этого гнезда слов находился глагол со значением "следовать"; это согласуется с реально засвидетельствованными значениями "спутник", "следующий", "идти походом", "отряд", "свита" и др. во многих германских, балтийских и славянских языках.

Немецкое существительное *Freund*-"друг" – с его готским прообразом *frijonds* этимологически восходит к глаголам *freien* ("свататься") и *freuen* ("радоваться"). Староанглийское *freond*, старонорвежское *fraend*, старосаксонское *friend*, староверхненемецкое *friunt* ("кровный родственник") восходят к староанглийским глаголам *freogan*, *freon* ("любить"); готское *frijonds* – причастие от глагола *fryon* ("любить"); тот же смысл имеет староисландское *fria*. В основе всех этих слов лежит германский корень *fri* – "оберегать, заботиться". Готские и древнегерманские корни, в свою очередь, связаны со староиндийским *priyah* – "собственный", "дорогой", "любимый", индоевропейским *prija* и авестийским *frya* – "дорогой", "любимый". Отсюда же происходит украинское слово "приятель" ("помочь") и русское "приятель". "Любовно-семейные" корни тесно переплетены с корнями, обозначающими "свободу": староанглийское *freo* значит "свободный", средневерхненемецкое *vrien* означает одновременно "любить" и "освободить". Это не случайные созвучия: определения "любимый", "свободный" были применимы только к свободным членам клана, в отличие от рабов.

За этимологической общностью прослеживается первоначальная нерасчетленность общественных и личных отношений и сопутствующих им эмоций. Когда же, на какой стадии исторического развития начинается их смысловая и функциональная дифференциация?

Если видеть в дружбе только непосредственную, нерефлексируемую эмоциональную привязанность отдельных индивидов, человечество отнюдь не об-

ладает в этом вопросе монополией. Этология, изучающая поведение животных в естественных условиях, располагает огромным материалом об индивидуальных эмоциональных привязанностях и союзах между животными, иногда даже разных видов.

Что и как переживают животные, мы, конечно, не знаем. Однако сила их привязанностей проявляется в степени интенсивности и характере их взаимодействий (физический, телесный контакт, прикосновения друг к другу, совместные перемещения, координация еды, питья и прочих действий, добровольный дефицит средств существования, жесты доверия и расслабления, координированный стиль общения, продолжительность зрительного контакта, отсутствие актов агрессии или избегания, наличие особых "игровых" ритуалов общения).

Такое "кооперативное" поведение, не сводимое ни к половому, ни к материнскому инстинкту, побуждает ученых говорить о своеобразной "дружбе" животных, выделяя несколько ее типов.

1. Тесная парная "дружба" детенышей и подростков, складывающаяся в процессе совместного развития и игровой активности. Она отличается высокой эмоциональной интенсивностью: животные тоскуют друг без друга, постоянно находятся вместе. Большею частью эта "дружба" однополая, но встречаются и смешанные пары.

2. Групповая дружба молодых самцов, существующая, например, у павианов и шимпанзе, менее индивидуальна и избирательна, нежели парная, но она выполняет важные функции.

3. Устойчивая парная "дружба" однополых взрослых особей, формы которой достаточно разнообразны, встречается у многих животных, хотя одни исследователи (Н. А. Тих, В. Рейнолдс) считают ее более характерной для самок, а другие (Д. Лавик-Гудолл) - для самцов, с

4. Реже наблюдается "дружба" разнополых животных, не связанных сексуальными отношениями.

5. Индивидуальная привязанность, напоминающая родительские отношения, между старшим и младшим членами стада (семьи) наблюдается как среди самок, так и среди самцов, которые проявляют при этом несвойственную им обычно нежность, прямо-таки материнскую заботливость по отношению к своим любимцам.

Теоретическая интерпретация "дружеских взаимоотношений" в мире животных неоднозначна и спорна. Ученые склонны считать разные виды "дружбы" между животными проявлением врожденной и всеобщей потребности в эмоциональном контакте, или средством обуздания агрессивных побуждений, или следствием переноса первоначальной привязанности к матери на других членов стада, или продуктом приспособления к условиям групповой жизни.

Как бы ни оценивать эти концепции, они имеют в виду только предпосылку человеческой дружбы, которая, в отличие от спонтанных привязанностей животных, представляет собой социальный институт. Его история неразрывно связана с такими фундаментальными макросоциальными процессами, как дифференциация социальной структуры и индивидуализация (персонализация) человека. Как писал К. Маркс, человек "не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться". Однако диалектика общения и обособления многомерна и многозначна.

Некоторые социологи конца XIX - начала XX в. пытались вывести свойства человеческого общения непосредственно из процессов социальной дифференциации. Так, немецкий социолог Ф. Теннис, которого иногда называют первым социологом дружбы, теоретически разграничил и противопоставил два типа социальных отношений: "общину" (Gemeinschaft), основанную на непосредственной эмоциональной близости людей, и "общество" (Gesellschaft), основанное на холодном рациональном расчете и разделении труда. Классическим примером "общественных" отношений Теннис считал капиталистический товарообмен, пренебрегающий всеми индивидуальными различиями, а воплощением "общинности" - родство, соседство и дружбу. А поскольку родство и соседство часто обозначают лишь "внешнюю", принудительно заданную близость, он полагал, что принцип "общинности" достигает своего высшего воплощения именно в дружбе.

По мнению Тенниса, "община" и "общество" присутствуют на всех этапах исторического развития, но в разной пропорции. На ранних стадиях разви-

тия, пока люди живут сравнительно небольшими группами и в патриархальных условиях, преобладает "общинность". По мере того как общественные связи становятся все более универсальными, значение "общинных" отношений, в том числе и дружбы, снижается. Они становятся всего лишь островками "человеческого" в мире безличной расчетливости.

В отличие от Тенниса, другой немецкий социолог - Г. Зиммель при определении исторических судеб дружбы выдвигает на первый план дифференциацию самих личностей. Человеческая индивидуальность, по Зиммелю, создается прежде всего наличием некой тайны, составляющей исключительное достоинство личности. На ранних стадиях социального развития индивид имел очень мало своего и поэтому не испытывал потребности в самораскрытии. Потребность в интимной дружбе возникает лишь в античности. Но "по мере растущей дифференциации людей такое полное самораскрытие должно было становиться все труднее. Современный человек, возможно, должен слишком многое скрывать, и это не позволяет ему поддерживать дружбу в античном смысле". Индивид с более сложным внутренним миром не может полностью раскрыться кому-либо одному. Отсюда - дифференциация его дружеских отношений, в каждом из которых раскрывается какая-то отдельная сторона его Я.

Позиции Тенниса и Зиммеля одновременно сходны и различны. По Теннису, в городской, индустриальной среде ("общество") дружеские отношения оскудевают, отесняясь на периферию социального бытия; по Зиммелю же, "закрытость" личности - результат ее собственного усложнения. Но не слишком ли прямолинейна сама постановка вопроса? Установить однозначную зависимость между дифференциацией социальной структуры и характером межличностных отношений невозможно. В. И. Ленин писал: "Абстрактное рассуждение о том, в какой зависимости стоит развитие (и благосостояние) индивидуальности от дифференциации общества, - совершенно ненаучно, потому что нельзя установить никакого соотношения, годного для всякой формы устройства общества. Самое понятие "дифференциации", "разнородности" и т. п. получает совершенно различное значение, смотря по тому, к какой именно социальной обстановке применить его". Этнографические описания дружеских отношений у народов мира, начавшиеся еще в XIX в. в связи с изучением возрастных групп, мужских союзов, обрядов перехода и т. п., многообразны. Однако они свидетельствуют, что у многих народов заключение дружбы совпадало с обрядом инициации. Так, у дагомейцев каждый мужчина обязан иметь трех друзей, которые называются "братьями по ножу" и располагаются по степени близости. Их дружба, предусматривающая прежде всего взаимную помощь, особенно материальную, считается священной и принципиально нерасторжима.

Каждый мужчина племени квома (Новая Гвинея) также должен был иметь трех друзей, которые не могли быть кровными родственниками, но с которыми, будучи подростком, он "породнен" актом инициации. Отношения дружбы строятся на взаимной поддержке во всем: по просьбе друга человек может даже украсть фетиши собственного рода; он называет отца своего друга своим отцом.

У полинезийцев тикопия (Соломоновы острова) дружба связывает только мужчин и выполняет преимущественно экономические функции; в случае необходимости друзья обязаны предоставлять убежище друг другу.

У индейцев навахо ритуализованная дружба возможна не только между мужчинами, но и между мужчиной и женщиной, однако женитьба на женщине, с которой заключен дружеский союз, равносильна кровосмешению.

У индейцев квакьютьль лучший друг служит посредником между молодым человеком и девушкой, к которой он сватается.

У индейцев команчей друг-побратим значительно ближе родного брата; в случае нужды сначала обращаются к другу и только потом к родственникам. Отказать в помощи побратиму или бросить его на поле битвы - значит покрыть себя несмываемым позором. Причем дружба может быть как между равными по рангу, так и между неравными людьми, из которых один оказывает покровительство Другому, пользуясь в обмен его услугами. В то же время у арапешей (Новая Гвинея) другом (или братом) называется просто наследственный партнер по торговле, живущий в другой деревне.

Вряд ли можно, однако, понимать буквально вытекающие из этих описаний формулы дружбы. Скажем, формула, что друзья относятся друг к другу "как братья", вовсе не означает, что их действительно считают братьями. У од-

них народов (например, у команчей) побратим вступает в символические родственные связи со всем кланом своего друга. У других же народов связь между друзьями остается исключительно индивидуальной, не распространяясь на их родственников.

Чтобы осмыслить и организовать эти пестрые данные, социологи и этнографы выработали несколько типологических моделей, которые можно условно разделить на два вида: ценностно-мотивационные и структурно-функциональные.

Ценностно-мотивационный подход классифицирует дружеские отношения прежде всего по их мотивам и по той ценности, которую они представляют для участников. Уже Аристотель различал три вида дружбы: 1) утилитарную, основанную на соображениях взаимной выгоды; 2) гедонистическую, основанную на эмоциональной привязанности к человеку, общение с которым доставляет удовольствие; 3) нравственную, когда друга любят бескорыстно, ради него самого. В этнографической и социологической литературе широкое распространение приобрело разграничение экспрессивной (эмоциональной, аффективной) и инструментальной (деловой, основанной на взаимной выгоде) дружбы. Нравственный тип дружбы, который Аристотель считал единственно подлинным, выпадает из этого деления либо молчаливо отождествляется с экспрессивными отношениями, где полнее выражено индивидуально-личностное начало. Противопоставление деловых, функциональных и эмоционально-личностных отношений, безусловно, правомерно, и не только в социологии дружбы. Однако глубинные субъективные мотивы человеческих отношений часто неосознаваемы, их трудно объективно разграничить, а попытка иерархизировать их, разделив на "высшие" и "низшие", уже предполагает наличие какой-то универсальной, транскультурной системы ценностей.

Структурно-функциональный подход, тесно связанный с одноименной социологической теорией, старается быть безоценочным и безличным, классифицируя формы дружбы по ее объективным функциям в рамках определенной социальной системы и по ее месту в ряду других социальных институтов. На первый план выступают при этом социальные функции дружбы, ее соотношение с другими общественными институтами, а также собственная ролевая структура дружеских отношений (являются они добровольными или обязательными, равными или неравными и т. д.).

Сегодня дружба понимается как нечто принципиально неформальное, чуждое какой бы то ни было регламентации. Но реальное соотношение дружбы и других социальных институтов подвижно и многообразно. Это могут быть отношения слияния, замещения, дополнения или конкуренции. В первом случае дружба сливается с какой-то другой, более значимой социальной ролью, выступая как ее частный аспект. Известно, что во многих обществах родство автоматически предполагает дружбу, последняя мыслится как аспект родства. Во втором случае дружба заменяет, компенсирует какие-то недостающие роли. К примеру, человек, не имеющий или потерявший родственников, активизирует общение с друзьями. В третьем случае дружба дополняет другие социальные роли, не сливаясь с ними. Так, даже самые идеальные семейные отношения не заменяют подростку дружбы со сверстниками, семейные и дружеские отношения выполняют здесь принципиально разные функции. В четвертом случае дружба выступает как антитеза другим социальным ролям, конкурирует с ними (дружеские обязанности могут, скажем, сталкиваться с семейными или служебными).

Хотя ценностно-мотивационный и структурно-функциональный подходы в известном смысле противоположны (первый исходит из подразумеваемых внутренних потребностей индивида, а второй - из нужд социальной системы), они вместе с тем взаимодополнительны. Поэтому в крупнейших этносоциологических классификациях дружбы (у С. Айзенштадта, И. Коэна и К. Дюбуа) эти принципы обычно пересекаются.

Концепция С. Айзенштадта в наибольшей степени последовательно функционалистская. С его точки зрения, древнейшие формы дружбы - разновидность ритуализованных личных отношений, с помощью которых архаическое общество может интегрировать индивидов, не связанных друг с другом кровным родством, и осуществлять над ними социальный контроль. Такие отношения - "искусственное родство" или "псевдородство", "кумовство", "названное" или "кровное братство", "соотцовство" или "институционализированная дружба" - обладают четырьмя общими признаками. Это отношения: во-первых,

партикуляристские: взаимные обязательства их участников всегда подразумевают конкретного другого (в отличие, допустим, от торговых отношений, регулируемых общими правилами и в которых партнер персонифицирует некую социальную категорию, а потому легко может быть заменен другим человеком), что сближает ритуализованные личные отношения с родством;

во-вторых, личные: в отличие от кровного родства или "заданной" принадлежности к возрастной группе, они связывают людей личными, индивидуальными узами;

в-третьих, добровольные: создаются путем свободного индивидуального соглашения, что также отличает их от родственных отношений;

в-четвертых, полностью институционализированные: права и обязанности друзей по отношению друг к другу и к общине в целом жестко фиксированы и охраняются традицией. И это решительно отличает их от современной дружбы.

С точки зрения привычного нам противопоставления деловых, "инструментальных" отношений ("службы") и эмоционально-личностной близости ("дружбы") древняя ритуализованная дружба внутренне противоречива, поскольку личное начало и добровольность сочетаются в ней с жесткой регламентацией поведения. Однако инструментальность этих отношений не безлично универсалистская (типа рыночных отношений, в которых партнеры практически обезличены), а партикуляристская, связывающая индивида только с определенным, конкретным партнером и ни с кем иным.

Ритуализованная дружба позволяет включить в состав общины человека из чужого рода или племени, покончить с былой враждой. Она особого рода механизм социальной интеграции, разрядки внутрigrупповой и междугрупповой напряженности. Ритуализованные личные отношения представляют собой, по-видимому, своеобразное звено, форму перехода от отношений, основанных на родстве или символизирующих в качестве таковых, к индивидуально-избирательным отношениям, которые, однако, еще остаются институционализированными, занимая вполне определенное место в социальной структуре общины.

Яркий пример ритуализованной дружбы-побратимства дают скифские обычаи, описанные Лукианом в диалоге "Токсарид, или Дружба". Участники этого диалога, грек Мнесипп и скиф Токсарид, спорят, у какого народа - эллинов или скифов - больше развита дружба. Каждый рассказывает по пять самых ярких подлинных историй о дружбе. Мнесипп рассказывает, что Агафокл отдает другу все свое состояние и даже следует за ним в изгнание; Эвтидик, спасая друга, кидается в бурное море; Деметрий ради друга идет в тюрьму и т. п.

Токсарид не видит в этом ничего особенно примечательного. У скифов дружба проверяется кровью и служит прежде всего воинским делам; друзья приобретаются у них "не на попойках" и "не потому, что росли вместе или были соседями". Дружбы доблестных воинов ищут, заключение дружбы оформляется специальным договором с великой клятвой: надрезав пальцы, побратимы сливают свою кровь в чашу и, омочив в ней концы мечей, отведают эту кровь. После этого ничто уже не может их разлучить. "Дозволяется же заключать дружбу, самое большее, с тремя; если же у кого-нибудь окажется много друзей, то он для нас - все равно что доступная для всех развратная женщина..."

Подвиги дружбы у скифов исключительно кровавые, а сама она становится выше всех прочих отношений. Абавах, который, спасая при пожаре раненого друга, бросил в огне собственную жену и детей, объясняет: "Детей мне легко вновь прижить, еще неизвестно, будут ли они хорошими, а такого друга, как Гиндан, мне не найти и после долгих поисков; он дал мне много свидетельств своего расположения" и.

Но является ли данный тип отношений универсальной фазой исторического развития института дружбы или только одним из возможных ее вариантов? Позднее С. Айзенштадт вынужден был признать, что даже в разных сегментах одного и того же общества могут существовать разные модели, "образцы" дружеских отношений, причем их вариации зависят не только от социально-структурных, но и от культурно-идеологических факторов.

То же самое можно сказать о классификации дружеских отношений по принципу их тесноты и устойчивости. Осуществить такую классификацию попытался, в частности, И. Коэн на основе изучения данных об отношениях

дружбы, сложившихся в 65 различных докапиталистических обществах. По степени прочности (тесноты) дружеских связей Коэн различает четыре типа дружбы: "неотчуждаемую", "тесную", "случайную" и "дружбу по расчету", а по характеру общинных отношений – также четыре типа социальной структуры: "максимально солидарную" общину, в которой родственные связи, территориальная близость и хозяйство составляют единое целое; "солидарно расслоенную", где привязанности индивида разделяются между общиной как целым и собственной семьей; "безъядерное общество", представляющее собой конгломерат автономных семейных групп, и, наконец, "индивидуализированную социальную структуру", главной социальной ячейкой которой является индивид.

Оказалось, что тип общества и тип дружбы взаимосвязаны. В "максимально солидарных" общинах преобладает "неотчуждаемая" дружба, символизируемая как родство, оформляемая специальным ритуалом и пронизывающая едва ли не все сферы жизнедеятельности. В "солидарно расслоенных" общинах преобладает "тесная" дружба, неритуализованная, основанная на свободном индивидуальном выборе, принципиально расторгжимая, но характеризующаяся высокой личной, в том числе эмоциональной, близостью друзей. В "безъядерных обществах" преобладает "случайная дружба", в которой нет ни глубокой эмоциональной близости, ни четко определенных обязанностей по оказанию взаимопомощи. Наконец, "индивидуализированной социальной структуре" соответствует "дружба по расчету", в которой эмоциональная близость отсутствует, преобладают соображения утилитарного порядка, не обязательно одинаковые у обоих партнеров. Таковы, например, отношения, основанные на покровительстве сильного слабому, который за это оказывает ему какие-то услуги.

Не ограничившись соотношением типа дружбы с типом общества, Коэн попытался классифицировать основные социальные функции дружбы, выделив такие, например, как материальный обмен и взаимная помощь, социально-политическая и эмоциональная поддержка, посредничество в любовных делах и заключении брака, участие в инициациях, участие в похоронных обрядах, обмен детьми. Характерно, что в более примитивных социальных организациях институт дружбы теснее связан с хозяйственно-экономическими функциями. Напротив, внутри более сложных и дифференцированных социальных систем увеличивается значение внеэкономических, особенно экспрессивных, функций дружбы.

Предложенная Коэном типология социальных структур вызывает ряд серьезных возражений. Прежде всего она формальна, поскольку не учитывает ни способ производства, ни характер производственных отношений соответствующих обществ. Народы, которых Коэн объединяет в одну и ту же рубрику, сплошь и рядом стоят на разных уровнях социально-экономического развития.

Вызывает сомнение и его классификация функций дружбы. В самом деле, можно ли достаточно определенно разграничить функции "экономической" и "социально-политической" поддержки? Ведь воинская дружба обычно сочетала в себе и то и другое. Еще сложнее вопрос о соотношении "социально-политической" и "эмоциональной" поддержки.

Длительное сотрудничество в достижении каких-то совместных целей само по себе способствует эмоциональному сближению, поскольку вряд ли оправданно считать экспрессивные функции дружбы поздним продуктом культуры. Другой вопрос – формы этой эмоциональной поддержки, которая может осуществляться и путем неформальных контактов, то есть вне рамок институционализированных социально-политических отношений.

Акцент на эмоционально-экспрессивных функциях дружбы в общественном сознании появляется, вероятно, лишь на такой ступени развития общества и личности, когда многообразные межличностные отношения уже не вмещаются в традиционные институционализированные формы. Впрочем, даже и там, где инструментальные (деловые) и эмоционально-экспрессивные функции дружбы признаются одинаково важными, институционализируются обычно только первые. Общество заинтересовано в безусловном выполнении социально значимых обязанностей, но оно не может предписывать людям испытывать те или иные чувства. Внутренний мир человека поддается более тонким способам регулирования, таким, как нравственные идеалы, поэтизация одних видов общения в противоположность другим и т. п.

Современному человеку договорные отношения и индивидуальная дружба кажутся несовместимыми, противоположными. Но исторически они восходят к одному и тому же источнику. Разграничение и тем более противопоставление инструментальных и экспрессивных функций общения – продукт лишь развитого классового общества. В любом доклассовом и раннеклассовом обществе дружеское общение теснейшим образом связано с обменом дарами, участием в совместных пиршествах. Именно такие отношения дружбы воспеваются в древнем скандинавском эпосе:

Оружье друзьям и одежду дари – то тешит их взоры;
друзей одаряя, ты дружбу крепишь, коль судьба благосклонна.
Надобно в дружбе верным быть другу, отдарить за подарки...
Если дружбу ведешь и в друге уверен, и добра ждешь от друга, – открывай ему душу, дары приноси, навещай его часто .

Инструментальные и экспрессивные ценности дружбы существуют здесь в единстве. Одаривание было неперенным ритуалом. Человек был обязан давать дары, принимать их и снова отдаривать. Не случайно в индоевропейских языках понятия "давать" и "брать" первоначально обозначались одним и тем же словом .

Отмечая "вещный", "инструментальный" характер дружеского общения, основанного на принципе *do ut des* ("даю, чтобы ты дал"), нельзя, однако, упускать из виду его символический смысл. Дар был ценен не только сам по себе, но и как персонификация человеческих отношений, то есть он имел экспрессивный смысл. Для современного человека ритуал и эмоция – понятия в какой-то мере взаимоисключающие. Что же касается наших древних предков, то для них характерно как раз "переплетение примитивного ритуала со страстной эмоциональностью" .

Начиная с древнейших ритуалов одаривания и кончая сегодняшними новогодними подарками, обмен дарами имеет прежде всего символическое значение: вещь как бы заменяет слова, выражающие стремление к поддержанию добрых отношений .

По мере дифференциации общественных отношений личные связи становятся все более подвижными и гибкими. В любой макро- или микросоциальной среде существуют неписанные правила типа:

Друг моего друга – мой друг.
Враг моего врага – мой друг.
Друг моего врага – мой враг.
Враг моего друга – мой враг.

Но эти правила могут быть более или менее жесткими. В более развитых обществах расширяется нейтральная, промежуточная категория "не друг, но и не враг", а сами дружеские отношения становятся все более неформальными и текучими, утрачивая свою былую ролевую определенность и жесткую нормативность .

Личные связи выступают теперь как нечто принципиально отличное от социальных отношений, поэтому чисто социологические классификации, игнорирующие ценностно-мотивационные аспекты, оказываются применительно к ним малопродуктивными .

В историко-этнографических исследованиях институт дружбы часто рассматривается в контексте эволюции родственных отношений с соответствующей терминологией. Понятие родства не менее многозначно, чем понятие дружбы. Хотя в первобытном обществе отношения "свой – чужой", "близкий – дальний" чаще всего символизировались как родственные, люди уже в глубокой древности отличали прирожденное, кровное родство от искусственного, создаваемого посредством особого социального ритуала. Характерна в этом смысле противоречивость понятия свойства. По определению советского этнографа Ю. И. Семенова, "свойство есть отношение, существующее между одним из супругов и родственниками другого, а также между родственниками обоих супругов" . С одной стороны, свойство является как бы расширением круга родственных связей. С другой стороны, оно систематически противопоставляется "естественному" родству: свойственники – "чужие" люди, ставшие "своими" .

Социальное расстояние "свои - не-свои - чужие - враги" не может быть полностью выражено в терминах родства, предполагающих иную логику дифференциации и социальных отношений: "родство - не-родство - антиродство (категория людей, с которыми никак нельзя породниться, хотя они вовсе не являются врагами) ".

Соотношение понятий дружбы и родства у разных народов зависит не столько от уровня их социально-экономического развития, сколько от специфики их культурного символизма. У одних народов дружба считается производной от родства. Например, в традиционной культуре полинезийского народа маори (Новая Зеландия) "друзьями" формально считаются только родственники, хотя в неформальных отношениях признается также партнерство, или дружба, не основанная на родстве (она обозначалась термином "хоа"). А вот папуасы телефолмин (Новая Гвинея) даже свои отношения с кровными родственниками предпочитают описывать в терминах дружбы, различая "друзей", с кем поддерживаются длительные тесные отношения, и "посторонних", с кем таких отношений нет. В третьем случае, скажем, у меланезийцев тангу и орокаива (Новая Гвинея) термины родства и дружбы как бы параллельны, независимы друг от друга.

Этнокультурные и лингвистические различия в области обозначения дружественных отношений очень велики. Так, описанные Б. Малиновским тробрианцы (жители островов Тробриан, в настоящее время часть государства Папуа - Новая Гвинея) имели для обозначения друга-соплеменника и друга-иноплеменика два разных термина, которые никогда не смешивались. В Бирме детская дружба обозначается одним словом, а взрослая - совсем другим. Множество тонких лингвистических градаций существует в японской и корейской терминологии дружбы.

Даже в пределах одного и того же общества разные этносоциальные группы могут следовать разным канонам дружбы. Например, в одном из городков горной Гватемалы среди потомков испанских поселенцев, так называемых "ладинос", преобладает "инструментальный" тип дружбы, основанной на взаимной выгоде, тогда как у местных индейцев дружба является высокоиндивидуализированным эмоционально-экспрессивным отношением; эти виды дружбы обозначаются разными терминами.

Очень велики и индивидуальные различия в форме дружеских отношений. Так, у таусугов острова Джоло (этническая группа, населяющая архипелаг Суду) они в целом укладываются в классификацию Коэна (здесь наличествуют все четыре типа дружбы - неотчуждаемая, тесная, временная и дружба по расчету), но разные типы дружбы не связаны с общественным положением людей, а, скорее, выражают разные социально-психологические потребности одного и того же населения.

Этнография общения тесно связана с новой отраслью знания - проксемикой (от лат. *proximus* - "ближайший"), изучающей пространственную организацию человеческих отношений и влияние пространственных факторов на общественную и личную жизнь. Какие это факторы? Во-первых, окружающие индивида личное пространство, территория, которую индивид считает своей и на которую другие при нормальных обстоятельствах не входят. Во-вторых, специфическая для разных ситуаций дистанция, на которой происходит общение. Она может быть интимной, на которой общаются только самые близкие люди, личной, составляющей норму бытового общения лицом к лицу, социальной, принятой в обращении с посторонними, и публичной, принятой в ситуациях публичного общения. В-третьих, взаимная ориентация, местоположение партнеров по отношению друг к другу.

"Принцип территориальности" (персонализация пространства) существует уже у животных, причем его проявления зависят от ситуации общения и от статуса особи: более влиятельные особи, как правило, контролируют большее пространство, занимают центральное положение в общении и т. д.

Знание культурно-специфических территориальных норм позволяет объективно оценить статус и степень психологической близости взаимодействующих индивидов, даже не зная содержания их коммуникации.

Сравнительно-историческое изучение пространственных факторов общения позволило также преодолеть ошибочное мнение, что обособление жизненного мира личности начинается только в развитом обществе. Сегодня мы знаем, что потребность в обособлении так же органически присуща человеку, как и потребность в общении. Хотя индейцы мехиану (Центральная Бразилия) не

имеют личной социальной автономии, живут в общих хижинах и вся их жизнь проходит на глазах соплеменников, у них существует сложная система территориального и психологического обособления. Территория семейной хижины нераздельна, но посторонним вход в чужую хижину запрещен. Каждый человек имеет в лесу свой "тайник", где может при желании уединиться. В племени действуют строгие правила сегрегации мужчин и женщин, ритуальная изоляция подростков в период инициации. Специальные правила запрещают рассказывать другим о своих чувствах и переживаниях и т. п. Такие социально-психологические барьеры, ограничивая свободу индивида, вместе с тем позволяют ему поддерживать чувство своей индивидуальности. Аналогичные механизмы существуют и в других обществах.

Таким образом, межкультурные различия в степени персонализации личных отношений – фундаментальная проблема теории и истории дружбы! – являются не просто количественными, а качественными, причем нормативная дифференциация физического пространства перекрывается дифференциацией пространства социального.

Как и любые другие отношения, дружба имеет свой специфический этикет, производный от более общих норм культуры, которые предусматривают, кто, с кем, когда, где, как и ради чего может, должен или не может и не должен поддерживать контакт или вступать в личные отношения.

У народов мира существуют многочисленные и весьма разнообразные правила избегания контактов, запреты общения между определенными категориями людей. Запреты эти различаются как по степени строгости (одни категории людей не могут вступать друг с другом в брак или сексуальную связь, другие не должны даже разговаривать друг с другом, третьи не смеют находиться в одном помещении, четвертым запрещается даже видеть друг друга), так и по своей длительности (одни запреты действуют постоянно, всю жизнь, другие – только на протяжении определенной фазы жизненного цикла или в определенной ситуации). Субъектные (кто с кем?) и пространственно-временные (где и когда?) ограничения и предписания контактов дополняются процессуальными (как?).

Все эти нормы культурно-специфичны. Территориальная дистанция, которую обычно поддерживают между собой американцы, почти вдвое больше принятой у арабов или греков. Объятия и поцелуи при встречах или прощаниях между мужчинами в древности были широко распространены по всей Европе. В Англии начиная с XVII в. этот ритуал стал казаться слишком интимным и был заменен рукопожатием; у романских же народов он сохранился. Эти факты весьма существенны для понимания исторической эволюции норм интимности и самораскрытия.

Кроме "субъектных" норм избегания существуют содержательные, объектные запреты, "табу слов", предусматривающие то, о чем нельзя говорить. При этом одни слова и сюжеты абсолютно запретны, о других можно говорить намеками, третьи допустимы лишь в определенном кругу (например, в мужском обществе) или при определенных условиях. Без учета таких культурных норм и запретов оценить степень доверительности, интимности дружеских отношений невозможно.

Но при всех межкультурных различиях дружба имеет одну общую особенность – ей почти везде приписывается исключительность, экстраординарность, выход за рамки общепринятых норм и правил. Но не противоречит ли это утверждение приведенным фактам об институционализированных отношениях дружбы, которая была элементом упорядоченной социальной структуры и сама жестко регламентировалась? Дело, однако, не в том, что дружба стоит вне этикета, а в том, что ее собственный этикет выходит за рамки общепринятого. Как эпический герой обязательно нарушает какие-то запреты, доказывая этим свою предызбранность, так и героическая дружба всегда предполагает совершение каких-то исключительных действий. Родовые фетиши неприкосновенны, но ради друга юноша-квома должен их похитить; нарушение правила в данном случае составляет обязанность.

То же самое и с другими нормами, например правилами вежливости. Их соблюдение обеспечивает поддержание между людьми определенной социальной дистанции, уменьшая тем самым вероятность возникновения конфликтов. Однако интимная дружба не только уменьшает такую дистанцию, но и предполагает частичное пересечение личных пространств. Грубоватая шутка или жест, оскорбительные для всякого постороннего человека, между друзьями

часто выражают близость, право на интимность. В этнографии есть специальный термин для обозначения такой признаваемой обществом связи - "шуточные отношения".

Конечно, проявления исключительности дружеских отношений отнюдь не единообразны. У некоторых народов (например, горных народов Кавказа) дружба, чаще всего мужская, связанная с традицией воинского братства, - предмет настоящего культа, ставится выше всех прочих отношений и привязанности. Другие народы отводят дружбе более скромное место.

На степень персонализации дружбы существенно влияет и специфический культурный код, посредством которого общество передает накопленный опыт следующим поколениям. В одних обществах обучение культуре осуществляется преимущественно путем индивидуального примера, а в других - путем усвоения системы более или менее общих правил. Поскольку первый тип обучения является более личным, верность учителю здесь нередко важнее, чем верность учению. Это хорошо иллюстрирует курдская поэма XIV в., излагающая принципы суфизма. В ней рассказывается, как престарелый благочестивый шейх Санан, влюбившись в прекрасную армянку, отрекся от Корана, стал пить вино и пасти свиней. Пятьсот суфиев, учеников шейха, оскорбленные его поведением, с плачем покинули учителя. Но когда они явились к "главе пророков", тот не одобрил их поступка, сказав, что ради учителя им следовало отречься от учения, даже если бы они при этом погибли. Противоположный полюс представляет древнеримская формула: "Пусть погибнет мир, лишь бы торжествовала справедливость". Нормативный идеал дружбы в таких культурах неизменно будет различным: в первом случае личная преданность другу абсолютизируется ("какой он мне друг, если он меня судит?"), а во втором - действует формула: "Платон мне друг, но истина дороже".

Но может быть, все эти нормативные образцы и образцы дружбы - только идеологические фикции, не имеющие ничего общего с реальными чувствами и переживаниями людей? Хотя важнейшие эмоциональные состояния - страх, гнев, стыд, радость и т. п. - общи для всех народов и имеют одни и те же психофизические предпосылки, в разных культурах они получают неодинаковое значение. Изучение словаря эмоций у разных народов свидетельствует, что по сравнению с европейскими нормами одни чувства могут быть эмоционально "переосознаны", гипертрофированы (проявлением этого служит богатство словаря, допускающего различие тонких нюансов и оттенков чувств), а другие, напротив, "недоосознаны". Так, таитяне, как показывают исследования, "переосознают" по сравнению с европейцами переживания гнева, стыда и страха и "недоосознают" чувства одиночества, депрессии и вины. Неодинаковы у разных народов и тестовые показатели по экстраверсии и интроверсии¹, что соответствует культурологическому различию "экстравертных" и "интровертных" культур. Различны и многие другие компоненты их субъективной культуры.

Особенно интересно соотношение таких мотивационных синдромов, как "потребность в достижении" (стремление к личному успеху и продвижению) и "потребность в принадлежности" (стремление быть принятым группой, иметь круг друзей и добрые отношения с людьми). Проведенные социально-психологические исследования, в процессе которых ученые проанализировали субъективные значения 100 понятий, с которыми мотив достижения ассоциируется у 16-18-летних юношей-старшеклассников из 30 разных культурно-лингвистических групп, показали, что мотив достижения статистически связан с уровнем самоуважения и личной инициативы, причем там, где личности приписывается большая ценность, жизненный успех обычно ассоциируется с достижениями социально-предметного характера (работа, учеба и т. д.), тогда как на противоположном полюсе сильнее выражены ценности "принадлежности" (семья, сотрудничество, дружба, любовь). Но оказалось, что в рамках разных культур неодинаково трактуется само понятие достижения, успеха. В одних преимущественной сферой самореализации выступает труд или учеба, в других же - игра и общение. Соответственно различны и предпочитаемые способы достижения: если самореализация определяется в индивидуалистических терминах, мотив достижения предполагает высокую соревновательность, при акценте на групповую солидарность и коллективные достижения обе потребности - в достижении и в "принадлежности" - скорее совпадают. Возьмем, к примеру, японскую культуру. У японцев, в отличие от американцев, высокая потребность в достижении сочетается с развитым

чувством групповой принадлежности.

Ученые объясняют это сохранением в Японии традиционной структуры семьи и тем, что в воспитании детей подчеркивается не столько желательность личного успеха, сколько требование не посрамить свою семью, род, группу и т. д. Юного американца учат, что он должен обязательно опередить всех, юного японца – что он должен не отставать от других.

Человек в Японии постоянно чувствует себя частью какой-то группы – то ли семьи, то ли общины, то ли фирмы. Он не выносит уединения, стремится всегда быть вместе с другими. "Сельский подросток, приехавший работать в Токио, не имеет представления об одиночестве его сверстника, скажем, в Лондоне, где можно годами снимать комнату и не знать, кто живет за стеной. Японец скорее поселится с кем-нибудь вместе, и, даже если он будет спать за перегородкой, ему будет слышен каждый вздох, каждое движение соседей. Люди, с которыми он окажется под одной крышей, тут же станут считать его членом воображаемой семьи. Его будут спрашивать, куда и зачем он уходит, когда вернется. Адресованные ему письма будут вместе читать и обсуждать" .

Однако тесное и не всегда добровольное общение сочетается у японцев с недостатком психологической близости и раскованности. "Строгая субординация, которая всегда напоминает человеку о подобающем месте, требует постоянно блюсти дистанцию в жизненном строю; предписанная учтивость, которая сковывает живое общение, искренний обмен мыслями и чувствами – все это обрекает японцев на известную замкнутость и в то же время рождает у них боязнь оставаться наедине с собой, стремление избежать того, что они называют словом "сабисий". Но при всем том, что японцы любят быть на людях, они не умеют, вернее, не могут легко сходитьсь с людьми. Круг друзей, которых человек обретает на протяжении своей жизни, весьма ограничен. Это, как правило, бывшие одноклассники по школе или университету, а также сослуживцы одного с ним ранга" .

Хотя сложившиеся в детстве и юности индивидуальные дружеские отношения считаются в Японии более интимными, чем внутри-семейные отношения, в целом японский идеал дружбы скорее спокоен и созерцателен, чем экспрессивен. Проявление глубокой, напряженной интимности шокирует японцев. Право личности на неприкосновенность ее частной жизни от посторонних оживленно обсуждается в современной японской художественной литературе. В пьесе Кобо Абэ "Друзья" описывается гибель молодого человека в результате вторжения в его жизнь бесцеремонного семейства, решившего "освободить" его от одиночества.

Современные массовые опросы показывают устойчивость и вместе с тем противоречивость традиционных стереотипов. Отвечая на вопрос о предпочтении иметь другом того, "кто вникает в ваши проблемы, когда вы ему о них рассказываете, так же серьезно, как в свои собственные", или того, "кто спросит вас о том, что вас тревожит, даже прежде, чем вы сами об этом заговорите". 73% японцев вы брали первый и только 23% – второй вариант. Зато с мнением, что не следует активно вмешиваться в дела других людей, согласилось лишь 30% японцев, в отличие от 82% французов, 67% немцев из ФРГ, 74% швейцарцев, 73% шведов, 63% англичан и 55% американцев. Получается, пишет японский социолог И. Сакамото, что японцы не хотят, чтобы посторонние, даже друзья, вмешивались в их дела, а сами любят вмешиваться в дела других.

Естественное следствие таких социокультурных ориентации – характерная для психологического склада японцев коммуникативная ранимость и чувство одиночества. При одном из массовых опросов желание обрести интимных друзей, с которыми можно делиться всеми своими делами и секретами, выразили 69% молодых японцев и только 12% их сверстников-французов; доля японцев, не имеющих близких друзей, составила 23%, а французов – лишь 15% .

Не совсем одинаковы каноны дружбы и у европейских народов. Воспитанный в духе традиционной сдержанности англичанин не способен к бурной экспрессивности итальянца или сентиментальной исповедности немца. В отношениях англичанина с друзьями, как и с членами собственной семьи, всегда присутствует некоторая отчужденность. Но, в отличие от японца, у которого дефицит интимности связан с недостаточной автономизацией личности от группы, английская сдержанность – результат гипертрофии принципа личной независимости. "Душа англичанина – это его крепость в не

меньшей степени, чем его дом. Англичанин традиционно чурается излишней фамильярности, избегает проявлений душевной близости. В его духовном мире существует некая зона, куда он не допускает даже самых близких".

Немецкий психолог К. Левин, проживший много лет в США, сравнивая стиль межличностного общения американцев и немцев, писал, что американцы кажутся более открытыми, оставляя "для себя" лишь небольшой, самый глухой участок своего Я; однако их дружеские связи сравнительно поверхностны и экстенсивны. Немцы поддерживают отношения с меньшим числом людей и строже соблюдают границы своего Я, зато в общении с немногими близкими людьми они раскрываются полнее.

Сравнение самоотчетов студентов четырех американских, одного австрийского и двух немецких университетов показало, что уровень самораскрытия американцев действительно выше, однако мнение, что немцы строже, чем американцы, отличают друзей от остальных значимых лиц, не подтвердилось. При сравнении дружеских отношений американских и датских старшеклассников обнаружилось, что юные датчане имеют меньше друзей, чем их американские сверстники, зато их дружба более исключительна, интенсивна и сильнее отличается от простого приятельства. Датские подростки общаются со своими друзьями значительно больше, чем с остальными товарищами, их дружба чаще бывает взаимной, и у них больше общих черт с их друзьями, чем у американских старшеклассников.

Велика разница между американским и советским каноном дружбы. Достоверных, строго научных данных об этом нет, но, судя по наблюдениям и впечатлениям от общения с американцами, можно сказать, что они очень доброжелательные люди, вежливы, избегают ссор. Однако присущий им индивидуализм и установка на максимальную личную самостоятельность часто оборачиваются равнодушием к другим. Жестокая повседневная конкуренция затрудняет психологическую интимность, признание собственной слабости. Средний американец охотно жертвует деньги на благотворительные цели, но редко поделится с другом последним. В личных отношениях здесь строже выдерживается психологическая дистанция. Чем объясняются эти различия? Отчасти это может быть следствием воздействия капиталистических общественных отношений. Отчасти – оборотной стороной гипертрофированного стремления к независимости и опоре только на собственные силы. Не исключено и влияние необычайной мобильности американского образа жизни, по сравнению с которой даже наши большие города кажутся патриархальными. Возможно, что эта разница несколько преувеличена. Однако многие американцы, причем отнюдь не поклонники социализма и коллективизма, говорили мне, что они нигде не ощущали такой теплоты от общения, как в обществе своих советских друзей. Интерес к этой теме среди западных, не только американских, психологов очень велик.

Итак, мы видели, что дружба фактически давно уже является предметом изучения многих общественных и гуманитарных наук, а это позволяет глубже понять ее социальные истоки и тенденции развития. Но историческая эволюция отношений дружбы, как и человеческой личности, не является единым линейным процессом. Диалектика общения и обособления неразрывно связана со всей совокупностью условий и образа жизни народов. Поэтому оставим далекие страны и континенты и рассмотрим исторические образцы и образы дружбы, сложившиеся в русле европейской культурной традиции, которые мы сознательно (а чаще неосознанно) принимаем в качестве нормативных эталонов восприятия и оценки сегодняшнего человеческого общения. Начать, естественно, придется с античности.

2. АНТИЧНАЯ ДРУЖБА: ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

...Самая прочная, верная и прекраснейшая дружба – это взаимная любовь людей достойных, в основе которой, естественно, лежат добродетель и благо.

Аристотель

В европейской культурной традиции античная Греция издавна считалась царством "подлинной дружбы". Имена Кастора и Полидевка, Ореста и Пилада, Ахилла и Патрокла стали нарицательными, вошли в пословицы и поговорки многих народов. Однако древнегреческий канон дружбы отнюдь не однозна-

чен, его истолкованию посвящена огромная специальная (философская и филологическая) литература .

Древнегреческое слово "филия" (philia), часто переводимое как "дружба", не имеет точного соответствия ни в русском, ни в английском, ни в немецком, ни во французском языках. Оно обозначает не только "дружбу", но и "дружественность", "расположение", "любовь", вообще "сближение", "соединение", доходящее до полного слияния и отождествления. Существительное "филия" достоверно впервые появляется у Геродота, обозначая не личные отношения, а мирный договор, союз между государствами. Что же касается раннегреческих философов, например, Эмпедокла, то "филия" у них обозначает универсальную космическую силу, соединяющую не только людей, но и природные элементы.

Слово philos ("друг") по своему происхождению местоимение, имеющее значение обладания - "свой". У Гомера это слово фигурирует и как прилагательное, и как существительное, причем по смыслу оно более многозначно и менее психологично, чем современное понятие "друг". Так, например, назывались все те, кто живет в доме Одиссея, кого он может считать своими. Женщина становится "своей" для мужа не потому, что он ее любит, а потому, что он приводит ее в свой дом и отныне она принадлежит ему. Чужой человек оказывается "своим", если его принимают в члены семьи или племени.

В первую очередь это слово означало кровных родственников, затем - вообще близких, далее - доброжелателей и соратников. Здесь прослеживается определенная линия развития - от "своего" к "другому", но "близкому", причем слово приобретает не только констатирующий, но и оценочный смысл, известную эмоциональную нагрузку, выражая идею взаимной поддержки, связи, союза. Им нарекаются люди, на которых можно положиться в окружающем ненадежном мире.

Желая выразить высочайшую степень своей привязанности друзьям, гомеровские герои постоянно уподобляют их родственникам - родителям, братьям. Ахилл над телом Патрокла "словно отец сокрушается, кости сжигающий сына". Выражая свою скорбь, он говорит:

Нет, не могло бы меня поразить жесточайшее горе,
Если б печальную весть и о смерти отца
я услышал...

Герои одного из самых древних и широко распространенных античных мифов Кастор и Полидевк (Диоскуры), считавшиеся воплощением и покровителями дружбы, не только неразлучные друзья, но и братья-близнецы - сыновья Зевса (в другом варианте - Посейдона). Связь понятий дружбы и родства сохраняется и в древнегреческой трагедии, поэзии, прозе. Короче говоря, у древних греков, как и у других народов, первоначальные формы и термины дружбы связаны с родством.

Но в гомеровской Греции уже существует вид дружбы, принципиально не связанный ни с кровным, ни с искусственным родством. Это воинское товарищество очень похоже на описываемые этнографами ритуализованные личные отношения.

Эпический синкретизм еще не знает разграничения общественных и личных отношений. "Боевые соратники", "спутники" гомеровского Одиссея, как правило, его "друзья", а "друзья" - это те, с кем он делит свои труды, дела и походы. "Друзьями" в "Илиаде" называются все, кто делает общее дело; вожди и дружинники, господин и его служители, воины-союзники, люди, связанные узами гостеприимства. Одно и то же слово обозначает и дружбу между двумя людьми, и союз между двумя народами. Вместе с тем дружеские отношения различаются по степени расположения и любви. Так, Ахиллу ближе всех Патрокл, а после него - Автомедон и Алким.

И все же основу эпической дружбы составляют не чувства, а действия, проявления взаимной поддержки. Подобно описанным Лукианом скифским побратимам, гомеровские друзья - Патрокл и Ахилл, Главк и Сарпедон - связаны прежде всего взаимными воинскими обязательствами. Они сражаются бок о бок, живут в одном шатре, делят стол и постель. Такие отношения ставятся выше всех прочих связей и обязанностей. Оскорбленный Ахилл не участвует в битвах против троянцев, и соотечественники не осуждают его за это, а

только просят о помощи. Но он, не задумываясь, кидается мстить за смерть Патрокла.

Для гомеровских героев привязанность к другому есть аспект любви к себе. Как справедливо подчеркивает французский исследователь Ж. К. Фресс, в то время эти чувства еще не противопоставлялись. Однако экспрессивные функции дружбы не подчеркивались культурой не потому, что их не было, а потому, что они молчаливо подразумевались.

В классической Греции картина постепенно усложняется. Разложение общинно-родовых связей, появление классов и государства существенно ослабляют узы родства, так что свободно выбранные дружеские связи все чаще не совпадают с родственными. "Не все родные - друзья тебе, но лишь те, у которых с тобой общая польза", - замечает Демокрит. Первоначальное единое понятие родства и дружбы расчленяется. Эта же мысль своеобразно выражена в игре слов у Еврипида: "Брат стал врагом и все-таки остается близким" (Финикиянки, 1448)². (Здесь обыгрывается двойное значение слова "филос" - "друг".)

Дружба, основанная на свободном выборе и личной склонности, теперь даже противопоставляется родственным отношениям. На вопрос Ифигении при виде связанных Ореста и Пилада: "Вы братья? Мать одна носила вас?" - Орест гордо отвечает: "Да, братья мы-сердцами, но не кровью" (Ифигения в Тавриде, 497-498). Если у гомеровских героев родственные отношения остаются важнейшим эталоном близости, то Еврипид ставит дружбу выше родства:

Добывайте друга, люди, недостаточно родных.
Верьте: если слит душой с нами чуждый, то его
Мириады близких кровью не заменят одного.
(Орест, 804-806)

Потеряв свою связь с родством, дружба стала более избирательной и рациональной. Она приобрела характер политического товарищества. Понятие "политическая дружба" распространяется и на межличностные отношения. Друзьями теперь называют приверженцев, единомышленников, людей, объединенных общими интересами. Такое понимание дружбы сохраняется и в дальнейшем: когда римские авторы говорят о "друзьях Гракхов" или "друзьях Августа", они имеют в виду не интимную личную привязанность, а политический союз. Но этот союз уже не институционализирован, а вытекающие из него взаимные обязанности друзей менее определены. Расширение сферы индивидуального усмотрения в отношениях дружбы постепенно переводит проблему из социальной в нравственно-психологическую плоскость.

Отражая эти социальные сдвиги, софисты развивают рационалистическую концепцию дружбы, выводя ее из утилитарных соображений взаимной пользы и совпадения интересов. Но наряду с прославлением полезности и необходимости дружбы учащаются жалобы на ее неустойчивость, предупреждения против коварства и неверности друзей.

Разумеется, такие жалобы встречались и раньше. Уже Эсхил грустно замечает, что "немногим людям свойственно друзей счастливых чтить и не завидовать" и что "преданность и дружба так же призрачны, как отражение в зеркале обманчивом" (Агамемнон, 824-825, 830-831). Неверность и предательство друзей - одна из любимейших тем Феогида.

На фоне ненадежности и инструментальности "политической дружбы" институционализированная дружба приобретает значение обращенного в прошлое идеала. Причем этот идеал наполняется качественно новым, несвойственным реально существовавшим ранее отношениям дружбы содержанием.

Распространение культа героической дружбы, в которой наряду с традиционной верностью все сильнее подчеркиваются эмоционально-экспрессивные ценности, свидетельствует как раз о проблематичности, неустойчивости межличностных отношений. С одной стороны, сами общественные отношения стали более сложными, текучими, мобильными, а с другой - дифференциация внутреннего мира личности рождает множество эмоциональных нюансов, неизвестных более примитивной культуре. Институционализированная дружба первобытного общества однозначна, в ней нет полутонов. Дагомеец точно знает (обязан знать), кто из его ритуальных друзей, "братьев по ножу", является первым, ближайшим, кто - вторым и чем он обязан каждому из них. Греку

периода классической античности подобная ясность уже заказана. Его взаимоотношения с другими людьми и сопутствующие им чувства противоречивы. Живя в атмосфере социального и личного соперничества, он уже познал чувство психологического одиночества и испытывает потребность разделить свои переживания с кем-то другим, найти душу, родственную собственной.

Тесен у Еврипида, мотивируя свою непоколебимую верность попавшему в беду Гераклу, ссылается в первую очередь на традиционные обеты, законы гостеприимства и т. д.

Та дружба, что ветшает,
Мне ненавистна. Как?
У друга за столом
Отведав брашен сладких, в дни невзгоды
Его корабль покинуть?
(Геракл, 1224-1227) °

Вместе с тем в разговорах о дружбе все больший упор делается на психологическую близость, необходимость не только помогать другу, но и разделять его чувства: "Скажи мне, царь, иль я достоин не был с тобой делить, как друг, твою печаль?" (Алкеста, 1009-1010) и.

Особенно сильно звучат эти мотивы в античной лирике. Уже у Феопида дружба по своей эмоциональной напряженности и индивидуализированности, по сути дела, не отличается от любви. В многочисленных посланиях Кирну поэт выдвигает в качестве важнейших критериев дружбы взаимную любовь, искренность, добровольность, психологическую совместимость.

Еще более индивидуализирован и экспрессивен идеал дружбы в философском кругу Сократа и Платона. По словам Сократа, "без дружбы никакое общение между людьми не имеет ценности" (Пир, VIII, 13). В противоположность утилитаристской тенденции софистов, Сократ видит в дружбе тотально-личностное отношение, окрашенное всем спектром человеческих эмоций. Точно так же и Платон ставит дружбу выше остальных человеческих привязанностей, акцентируя внимание прежде всего на эмоциональной и духовной природе этой формы общения. Друзья, говорит Платон, "гораздо ближе друг к другу, чем мать и отец, и дружба между ними прочнее, потому что связывающие их дети (имеются в виду совместно вырабатываемые духовные качества.- И. К.) прекрасное и бессмертное" (Пир, 209в).

Осознание эмоциональных аспектов дружбы и противопоставление интимной дружбы и расчетливого товарищества неизбежно порождает вопрос о соотношении дружбы и других эмоциональных привязанностей, прежде всего половой любви. От дифференциации общественных институтов и социальных ролей греческая культура переходит, таким образом, к проблеме дифференциации индивидуальных чувств и привязанностей, а одновременно и к разграничению понятий, в частности понятий дружбы и любви. Слова "филия" и "эрос" по своему первоначальному смыслу противоположны: первое означало близость и соединение подобного, а второе - борьбу и соединение противоположного. В дальнейшем эти слова стали обозначать разные виды или оттенки любви: "эрос" - стихийная страсть и жажда обладания, "филия" - любовь-дружба, обусловленная социальными связями и личным выбором. По Платону, любовь и дружба не столько разные чувства, сколько разные аспекты - духовный и чувственный - одной и той же тотальной личной привязанности, которую философ определяет как "жажду целостности и стремление к ней" : (Пир, 193а)

В обыденном сознании позднейших периодов платоническая любовь ассоциировалась преимущественно с духовностью, в противоположность чувственности. На самом деле ее специфика состоит в том, что она абстрагируется от различия полов. Как писал Ф. Энгельс, "для классического поэта древности, воспевавшего любовь, старого Анакреонта, половая любовь в нашем смысле была настолько безразлична, что для него безразличен был даже пол любимого существа" .

В древнегреческой культуре дружба мыслится как исключительно мужской институт и нередко ассоциируется с эротическими отношениями. Ученые по-разному объясняют этот феномен. Прежде всего отмечают наличие в Греции значительных пережитков древней традиции закрытых "мужских союзов". Какие-то формы сегрегации полов и выведения мальчиков из-под женского

вливания существовали, как известно, почти во всех первобытных обществах.

В Греции – на Крите, в Спарте, в Фивах – активно проявляли себя традиции мужского воинского братства и обучения. Совершенно очевидно, писал Ксенофонт, что "нет фаланги сильнее той, которая составлена из соратников-друзей..." (Киропедия, VIII, 1, 30). По словам Плутарха, именно на основе такого принципа в Фивах был сформирован особый "священный отряд", считавшийся непобедимым. "Ведь родичи и единоплеменники мало тревожатся друг о друге в беде, тогда как строй, сплоченный взаимной любовью, нерасторжим и несокрушим, поскольку любящие, стыдясь обнаружить свою трусость, в случае опасности неизменно остаются Друг подле друга" (Пелонид, XVIII).

Сложнее обстояло дело в Афинах. Сократ и Платон не случайно делают акцент на духовной стороне дружеских и любовных отношений. Разложение общинно-родовых связей в сочетании с усложнением человеческой личности пробуждает у нее напряженную потребность в интимности, которая не удовлетворяется примитивно-чувственными формами.

В общении с кем мог древний афинянин удовлетворить потребность в психологической близости? С женой? Приниженное социальное положение афинской женщины делало духовную близость с ней для мужчины невозможной. "Та скромная доля супружеской любви, которую знает древность, – не субъективная склонность, а объективная обязанность, не основа брака, а дополнение к нему". Социальные роли полов в Афинах резко разделялись; отношения между женщиной и мужчиной не отличались душевной близостью. Обязанностью женщины было вести хозяйство и рожать детей. И дело здесь не столько в психологических различиях между полами, сколько в подчиненном социальном статусе женщины. Понимая сложность проблемы равенства, Платон тем не менее констатирует:

"Истинная древняя пословица, что равенство создает дружбу..." (Законы, 757a–в). Зависимое положение женщины и обусловленная этим ее интеллектуальная неразвитость исключают возможность глубокой дружбы с ней.

Может быть, возможны дружеские отношения между родителями и детьми? Но мужчина-афинянин проводит дома слишком мало времени. Кроме того, семейные устои, основанные на безусловной родительской власти, уже начали расшатываться. Греческие авторы классического периода сетуют на растущую непочтительность сыновей, на то, что "отец привыкает уподобляться ребенку и страшиться своих сыновей, а сын – значить больше отца..." (Государство, 562e). Проблема "отцов и детей" стоит в Афинах достаточно остро.

Мало давала в смысле интимного общения и школа. Древнегреческая теория воспитания ("пайдейя") не знает понятия формального обучения, сводящегося к более или менее безличной передаче знаний и навыков. По словам Ксенофонта, "никто не может ничему научиться у человека, который не нравится". Воспитание мыслится здесь исключительно как глубокое личное общение, в котором старший должен быть одновременно наставником, другом и идеалом младшего и в свою очередь испытывать к нему чувство любви. Наемный педагог для этого не годится, и не только из-за его зависимого, рабского статуса.

Прогрессивные педагоги нового времени сравнивали школу, основанную на принуждении, с казармой. По самой своей сути такие отношения воспитательно неэффективны. Учитель, вооруженный палкой, не может вызывать добрых чувств. Ксенофонт, наоборот, сравнивает жестокого полководца Клеарха с учителем: "...в нем не было ничего привлекательного, он всегда был сердит и суров, и солдаты чувствовали себя перед ним, как дети перед учителем. При нем никогда не было ни одного человека, следовавшего за ним из дружбы или расположения" (Анабасис, II, 12–13).

В этих условиях, замечает французский историк А. И. Марру, эротизированная дружба между старшим мужчиной и юношей оказывалась необходимым институтом воспитания. Восполняя то, чего не могли дать другие социальные институты, она одновременно фокусировала в себе весь эмоциональный мир личности и потому была исключительно значима для обеих сторон.

Отсюда – повышенная экспрессивность, эмоциональность античного канона дружбы и одновременно тенденция к ее интеллектуализации и превращению в добродетель. Дружба, подчеркивает Сократ, "соединяет людей нравственных"

, для которых духовное общение важнее преходящих чувственных удовольствий. Платон специально обсуждает в этой связи вопрос о различиях дружбы между юношами-сверстниками, у которых "равенство возраста ведет к равным удовольствиям и, вследствие сходства, порождает дружбу" (Федр, 240с) В, и дружбы между старшим и младшим, в которой главная роль отводится обмену духовными ценностями.

Подчеркивая духовно-нравственные основы дружбы, Платон пытается решить сложную проблему: что может быть основой глубоких и прочных человеческих взаимоотношений, когда традиционная институционализированная дружба уже умерла, а "политическая дружба" корыстна и расчетлива? Если видеть в дружбе только чувство, эмоциональную привязанность, существующую независимо от общих интересов и целей деятельности, проблема вообще неразрешима. Поэтому Платон выводит дружбу за рамки непосредственных межличностных отношений. Эмоционально-психологическую близость друзей он считает производной от присущей им общей нравственной цели, общего стремления к совершенству. Если в "Пире", "Федре" и ряде других диалогов Платон подчеркивал преимущественно единство и взаимопроникновение дружбы и любви как духовного и чувственного начал, то в "Законах" он стремится их разграничить.

Подходя к проблеме уже не столько с точки зрения отдельного индивида, сколько с точки зрения общества, Платон подчеркивает социально-интегративные функции дружбы, замечая, что "рассудительность", "разумность" или "дружба" – "это не разные точки зрения, но все одна и та же" (Законы, 693с). Не только взаимоотношения друзей должны, по мнению философа, исходить из возвышенной общей цели, но все отношения – "к нашим потомкам, родственникам, друзьям, согражданам, к лицам, связанным с нами узами гостеприимства" (Законы, 718а) – должны направляться и регулироваться законами. Эмоционально-экспрессивные ценности, как ни важны они для дружбы, перестают, таким образом, быть самодовлеющими, а включаются в систему общественных отношений, которые регулируют их извне (законы) и изнутри (идеал добродетели).

В суммарном виде логика эволюции понятия и отношений античной дружбы сводится к следующему. Первоначально дружба возникает в греческой культуре в связи с отношениями родства, затем она выделяется в автономный социальный институт, в котором эмоционально-экспрессивные функции подчинены инструментальным. По мере разрушения общинных связей дружба становится более или менее временным союзом, основанным на осознанной общности интересов. Как протест против этого возникает идеал бескорыстной и безотчетной, основанной только на эмоциональном притяжении дружбы-любви. И наконец, как преодоление обеих крайностей – рассудочности и эмоциональности – появляется этическая теория дружбы, оценивающая мотивы друзей и их совместную деятельность на основании каких-то общих, универсальных критериев.

Своеобразный итог древнегреческой философии дружбы подвел Аристотель, который дал в "Никомаховой этике" первый цельный очерк теории дружбы как самостоятельного нравственного отношения, не совпадающего с другими видами социальных связей и эмоциональных привязанностей. Он рассматривает дружбу как "специфически человеческий факт, объяснение и цель которого следует искать без обращения к законам природы или к трансцендентному Благу, выходящему за рамки эмпирического существования". Иначе говоря, Аристотель подвергает дружбу не только философско-этическому, но и психологическому анализу.

Дружба, по Аристотелю, величайшая социальная и личная ценность, "самое необходимое для жизни. Действительно, никто не выберет жизнь без друзей (philoi), даже в обмен на все прочие блага".

Аристотель подходит к определению дружбы одновременно с нескольких сторон. Во-первых, в зависимости от типа партнера он различает отношения отеческие, братские, родственные, супружеские, соседские, политические, товарищеские, эротические и основанные на гостеприимстве. Такая классификация объективна, но вместе с тем содержит указание на специфику связанных с данными отношениями эмоциональных переживаний. Во-вторых, философ разграничивает равные отношения и отношения, основанные на социальном или нравственном превосходстве одного партнера над другим. В-третьих, он дифференцирует характер испытываемых человеком чувств,

различая спокойное дружелюбие, расположение и приязнь вообще, индивидуализированные дружеские чувства и страстную любовь, влечение. В-четвертых, Аристотель, как уже говорилось, классифицирует мотивы заключения и поддержания дружеских отношений: утилитарная дружба – ради пользы, выгоды; гедонистическая дружба – ради удовольствия, приятности; совершенная дружба, в которой эти мотивы подчинены бескорыстной любви к другу как таковому.

Выделяя названные "виды дружбы", Аристотель, однако, сомневается, что у этих "видов" имеется общий "род". "Дружба" как родовое понятие у него совпадает с совершенной "дружбой добродетельных", совмещая в себе все то, что есть в других "видах" дружбы: благо, благо для другого, удовольствие, удовольствие для другого.

Дружба, основанная на соображениях пользы или удовольствия, не может быть ни истинной, ни прочной. "...Это дружба постольку поскольку, ибо не тем, что он именно таков, каков есть, вызывает дружбу к себе тот, к кому ее питают, но в одном случае тем, что он доставляет какое-нибудь благо, и в другом – из-за удовольствия. Конечно, такие дружбы легко расторгаются, так как стороны не постоянны [в расположении друг к другу]. Действительно, когда они больше не находят друг в друге ни удовольствия, ни пользы, они перестают и питать дружбу".

Совершенная же дружба бескорыстна и не знает разграничения экспрессивных и инструментальных ценностей: "...питая дружбу к другу, питают ее к благу для самих себя, ибо, если добродетельный становится другом, он становится благом для того, кому друг". Соображения пользы, удовольствия, взаимопомощи не имеют в такой дружбе решающего значения, потому что отношение к другу в принципе не отличается от отношения чело века к самому себе. "...Все проявления дружбы из отношения к самому себе распространяются па отношение к другим. И все поговорки в этом согласны, например: "душа в душу", и "у друзей все общее", и "уравненность – это дружность", и "своя рубашка ближе к телу..."

Благодаря этому дружба является также необходимым средством самопознания: "Как при желании увидеть свое лицо мы смотримся в зеркало и видим его, так при желании познать самих себя мы можем познать себя, глядя на друга".

Друг – наше "второе Я". Ближе друга у человека никого нет. Поэтому, считает Аристотель, количество друзей имеет пределы. "...Близкая дружба – это дружба с немногими", "при товарищеской дружбе не бывает большого числа друзей, да и в гимнах говорится о парах".

Из такого понимания дружбы вытекает целый ряд психологических проблем: разграничение дружбы и простого расположения, выявление особенностей юношеской и старческой дружбы, зависимости дружбы от индивидуальных черт личности и т. п.

В понимании Аристотеля, дружба уже не является ни традиционным социальным институтом, ни разновидностью расчетливого товарищества, ни проявлением эротического влечения, ни абстрактной добродетелью, а самостоятельным высокоиндивидуализированным межличностным отношением.

По сути дела, Аристотель сформулировал все важнейшие вопросы психологии и этики дружбы. Однако он и мысли не допускает о возможности дружбы между свободным человеком и рабом.

Культ дружбы характерен не только для древнегреческой, но и для эллинистической и древнеримской философии. По выражению Эпикура, "дружба обходит с пляской вселенную, объявляя нам всем, чтобы мы пробуждались к прославлению счастливой жизни". Но хотя дружбу прославляют и Феофраст, и Эпиктет, и Диоген Лаэртский, и Цицерон, и Сенека, и Плутарх, расставляемые ими этические акценты различны.

Эпикур и его последователи подчеркивают утилитарно-рассудочные истоки дружбы. По словам Эпикура, "всякая дружба желанна ради себя самой, а начало она берет из пользы". Поскольку истинная дружба, по Эпикуру, порождается только мудростью, дружба приобретает у него черты некоторого духовного аристократизма. Она ставится в известном смысле даже выше мудрости, ибо мудрость – благо смертное, а дружба – бессмертное.

Если у эпикурейцев дружба – источник радости, то ригористическая этика стоиков (например, Эпиктет) трактует ее прежде всего как долг и добродетель, которой должны быть подчинены живые человеческие чувства. Это

делает дружбу еще более исключительной, доступной только мудрецу.

Особенно широко обсуждается в поздней античности вопрос о мосте дружбы в системе государства. В доклассовом обществе, где ритуализованные личные отношения непосредственно составляли ячейку социальной связи, такой вопрос практически не вставал. В классовом обществе он ставится чрезвычайно остро. Уем сильнее акцентируется индивидуальность и особенность дружбы, тем сложнее ее совместить с универсалистскими притязаниями государства. И если Диоген Лаэртский принимает в этом конфликте сторону индивида, утверждая, что мудрец всегда готов умереть за друга, хотя пальцем не шевельнет ради государства, то Цицерон решительно становится на точку зрения социального целого.

В своем диалоге "Лелий" ("О дружбе") Цицерон провозглашает стремление к дружбе природным свойством человека. Дружба возникает из взаимного расположения и симпатии, что предполагает также сходство в желаниях, стремлениях, убеждениях. Иначе говоря, "дружба не что иное, как согласие во всех делах божеских и человеческих в сочетании с благожелательностью и привязанностью" .

Цицерон высоко ценит интимность дружбы. Его переписка с друзьями, особенно с Аттиком, свидетельствует, что и сам он был способен на такое чувство. Однако интимность и взаимная любовь друзей не должны заслонять социально-нравственное содержание дружбы. Дружба дает людям радость взаимопонимания и общения, но и налагает па них определенные обязательства. "Основание стойкости и постоянства, которых мы ищем в дружбе, - верность; ведь неверное не может быть стойким" . Кроме того, дружба предполагает взаимную требовательность и контроль, а также взаимопомощь. До некоторой степени даже дозволено "помочь друзьям в их не совсем справедливых желаниях, - когда дело коснулось бы их гражданских прав или их доброго имени". Тем не менее внутренний кодекс дружбы тесно связан с общегражданским моральным кодексом и подчинен последнему. "...Мы не можем даже предположить, чтобы кто-нибудь из них (достойных людей прошлого. - И. К.) решился потребовать от друга чего-либо такого, что было бы противно совести, противно клятве, противно интересам государства" .

Долг гражданина выше личной дружбы. Поэтому "в дружбе должен быть незыблем закон - не просить друга о бесчестных действиях и самому таковых не совершать, уступая его просьбам; ибо позорно и никак не приемлемо оправдание, относящееся как к другим поступкам, так и к случаю, если кто-нибудь сознается в действиях, во вред государству совершенных ради друга" .

Концепция Цицерона выражает официальную позицию римского общества середины I в. до н. э. Современник Цицерона поэт Гай Валерий Катулл рисует образ дружбы иначе - этически нейтрально по отношению к обществу и государству. Акцент делается на взаимной эмоциональной привязанности и верности друзей, жизненный мир которых не только отличается от окружающего ("официального") общества, но и противопоставляется ему.

Как замечает И. В. Шталь, "друг Катулла и друг Цицерона изображены, "созданы" по единой образной модели. Чтобы стать другом, герой должен иметь ряд определенных свойств и качеств, которые он выявляет па деле, в поступках, и поступки эти приносят ему при одобрении друзей славу в веках". Но содержание и даже сфера этих поступков различны. "Все свойства "добропорядочного мужа" Цицерона раскрываются в сфере общественной государственной жизни, в то время как "добропорядочный муж", юноша Катулла совершает свои подвиги, проявляет себя лишь в жизни вне-общественной, в жизни частной... В дружбе, в дружеском союзе герои Катулла ищут спасения от превратностей судьбы, от жестокого и страшного внешнего мира, от разбушевавшейся гражданской стихии" .

Что стоит за этим различием? Разные идеологические позиции (идеолог официального общества Цицерон и оппозиционно настроенный Катулл)? Социально-возрастные различия (Цицерон говорит от лица зрелого общественного деятеля, Катулл - от лица пылкого и праздного юноши)? Разные типы личности? Или жанровые особенности (одно дело - нравоучительный трактат, обосновывающий определенное правило, другое дело - лирическое стихотворение, выражающее чувства автора)? Вероятно, все, вместе взятое. Полифония индивидуализированной дружбы, где личное переплетается с общественным и одно переходит в другое, не допускает однозначных объяснений.

Для нашей темы это не столь уж важно. Существенно то, что античность представляет завершённый цикл развития понятия дружбы. Сначала дружба выступает как синоним или частный аспект родства. Затем она превращается в самостоятельный институт; роль друга приобретает самодовлеющее социальное значение. Дальнейшая дифференциация социальной структуры приводит к тому, что межличностные отношения отделяются от социально-институционализированных. Это повышает индивидуальную избирательность дружбы, по одновременно делает ее социальные функции и взаимные обязанности друзей менее определенными и проблематичными. Отсюда – психологизация, интимизация дружбы и спор о соотношении ее инструментальных и экспрессивных функций. Из договорного отношения и социального союза дружба превращается в эмоциональную привязанность, на первый план выходит проблема ее мотивов и соотношения дружбы и любви. Но экспрессивные функции также имеют определенное общественное значение (дружба как институт социализации). Это привлекает внимание к ценностной стороне дружбы, побуждая рассматривать ее преимущественно в этическом, нормативном ключе. Задача описания дружеских отношений, какими они фактически являются (сделать это становится все труднее из-за индивидуальных различий), подчиняется обоснованию идеала дружбы, какой она должна быть, имея в виду природу дружеских обязанностей и соотношение дружбы и общественного долга.

3. ОТ РЫЦАРСКОЙ ДРУЖБЫ К РОМАНТИЧЕСКОЙ

Ты был мне братом много лет и зим.
 Друг другу не чинили мы обид.
 Коль дух ты испустил – и мне не жить .
 Песнь о Роланде

Поздняя античность, как мы видели, создала высокоиндивидуализированные образы дружбы. В раннем средневековье человек снова оказывается неотъемлемой частью общины. Вся его жизнь, от рождения до смерти, регламентирована. Он почти никогда не покидает места своего рождения. Его жизненный мир ограничен рамками сословной принадлежности. Как бы ни складывались обстоятельства, дворянин всегда остается дворянином, а ремесленник – ремесленником. Его социальная роль для него так же органична и естественна, как собственное тело. Каждому сословию присуща своя собственная система добродетелей, и каждый индивид должен знать свое место.

Античный идеал дружбы несозвучен христианской морали. Христианская формула "любви к ближнему" внешне напоминает аристотелевский принцип "относиться к другу, как к самому себе", видеть в нем "другого себя". Но Аристотель имеет в виду взаимоотношения между двумя конкретными индивидами, окрашенные всем спектром человеческих эмоций, тогда как теологи говорят об абстрактном "ближнем". Христианская "любовь к ближнему" не является избирательной, распространяется на всех и вытекает из общей морально-религиозной нормы. Сильная эмоциональная привязанность к какому-нибудь отдельному человеку, с точки зрения средневекового теолога, даже опасна, так как отвлекает от бога и легко принимает эротический характер.

Отождествляя "истинную дружбу" с "христианской любовью" к богу, "отцы церкви" и средневековая теология противопоставляют эту "божественную дружбу" реальным, земным привязанностям.

Что это значит на практике, ясно видно из "Исповеди" христианского богослова Августина Блаженного, жившего на рубеже IV-V вв. Едва ли не самые трогательные ее страницы – рассказ о юношеской дружбе автора с соучеником по школе, товарищем детских игр. Дружба эта, покоившаяся на полном совпадении склонностей и чувств, была искренней и нежной. Но – "божья кара" за греховные заблуждения – друг внезапно заболел и умер. Августин тяжело переживал эту утрату.

В "Исповеди" он так пишет об этом: "Какую печалью омрачилось сердце мое! Куда бы я ни посмотрел, всюду была смерть. Родной город стал для

меня камерой пыток, отцовский дом – обителью беспросветного горя; все, чем мы жили с ним сообща, без него превратилось в лютую муку. Повсюду искали его глаза мои, и его не было. Я возненавидел все, потому что нигде его нет, и никто уже не мог мне сказать: "Вот он придет", как говорили об отсутствующем, когда он был жив... Только илач был мне сладостен, и он наследовал другу моему в усладе души моей".

Однако боль утраты не убила собственной привязанности к жизни. Как же могло случиться, "что я, его второе "я", живу, когда он умер"? Ведь "моя душа и его душа были одной душой в двух телах". Но в позднейшем примечании Августин-теолог осудил этот крик души Августина-мемуариста как фривольную декламацию, ибо греховна не только мысль о слиянии душ, но и сама безоглядная любовь к смертному. Только тот не теряет близких своему сердцу, чья дружба покоится в боге – "в том, кого нельзя потерять" (IV, 4, 9; 6, 11; 9, 14).

"Истинная дружба", в понимании христианского теолога, возможна только на небе. Монах Ансельм Кентерберийский (XI в.) называет ее в числе четырнадцати признаков вечного небесного блаженства. И позднее, когда в церковной скульптуре (впервые – в северном портале Шартрского собора во Франции) появляется аллегорическое изображение дружбы в виде молодой, прекрасной женщины в короне и со щитом, украшенным четырьмя голубями, а в книжных миниатюрах изображаются эпизоды библейской дружбы Давида и Ионафана, это символизирует не столько земные, человеческие, сколько небесные, идеальные отношения.

Понятие и ценность дружбы были предметом долгих теологических дебатов. С одной стороны, "отцы церкви" всячески превозносят духовную дружбу в противоположность чувственной любви, вплоть до отождествления "истинной дружбы" и "христианской любви", коренящейся в боге. С другой стороны, они не могли игнорировать реальность "естественной дружбы", не зависящей от благочестия. "То, что по природе близко, неизбежно дружественно друг другу", – писал английский богослов XII в. Аделард Батский. Многие средневековые авторы расширительно трактуют понятие дружбы, отождествляя ее с любыми формами благожелательности, будь то отношение к природе, любовь к животным и т. д. Согласно Фоме Аквинскому, "естественная дружба", основанная на преходящих земных благах, сама по себе не является добродетелью и становится таковой, только подчиняясь благочестию.

Однако феодальное общество далеко не безлично. Индивидуальность в средние века и в эпоху Возрождения – скорее две противоположные системы индивидуализма и коллективности, чем упрощенно изображаемая противоположность средневековой системы коллективности и буржуазной системы индивидуализма.

Средневековый индивид – личность постольку, поскольку он наиболее полно соотнесен со всеобщим и выражает его. Но именно сопоставимость всех индивидов в этом плане делает их неравными (точно так же, как несопоставимость уравнивает буржуазных индивидов). "Средневековые люди всегда связаны корпоративными и т. п. узами, – и именно связанность делает их отношения конкретными и личностными. Они пребывают на разных ступенях бесконечной лестницы, различаясь мерой олицетворения предлежащих истин и ценностей". Средневековый канон дружбы и ориентированные на него реальные отношения откровенно сословны. Это проявляется и в выборе партнеров из своего социального круга, и в самой этикете дружеского общения. Существовали по меньшей мере три таких канона: феодально-рыцарской; бытовой, регулировавший отношения простых людей – крестьян и ремесленников; духовно-монастырский, имевший хождение среди духовенства.

Феодально-рыцарская дружба тесно связана с архаической воинской дружбой и обычаями побратимства, унаследованными от дофеодальных времен и дополненными символикой вассальной верности и покровительства сильного слабому. Характерный пример таких отношений – побратимство, "крестовое братство" русских былинных богатырей, описанное М. М. Громыко.

В "названное", или "крестовое", братство (обряд скреплялся обменом нательными крестами) вступают практически все былинные богатыри. Иногда союз заключается после честного поединка (например, в былине "Вой Добрыни с Ильёй Муромцем"), причем победитель приобретает статус старшинства. Иногда братание предшествует трудному походу против общего врага. Возможно и участие в этой процедуре третьего лица в качестве посредника

(Добрыню Никитича и Алешу Поповича, например, "сватает" Илья Муромец). "Крестовое" братство ставится выше всех прочих отношений, даже кровного родства: "крестовый брат паче родного" Б; "а и будь ты мне названный брат и паче мне брата родимого". Как правило, один из побратимов считается старшим: Илья Муромец старше Добрыни Никитича, Добрыня старше Алеши Поповича, а при встрече со Святогором сам Илья становится его младшим братом. Побратимы принимают обет взаимного послушания. С побратимством связан также ряд брачных запретов: вдова богатыря не может выйти замуж за "крестового" брата покойного мужа, нельзя жениться на своей крестной сестре и т. д.

Обряд побратимства, согласно данным М. М. Громыко, был известен на Руси еще в XI в. и имел явно дохристианские истоки. Постепенно эти отношения выходят за рамки воинского союза, приравниваясь к дружбе; к их описанию все чаще применяются психологические характеристики: "У молотца был мил н(а)дежен друг, назвался молотцу названой брат, прелстил его речами прелесными" .

Побратимство и вытекающие из него обязательства и брачные запреты признавала и церковь. Иногда обряд братания даже совершался в церкви или фиксировался в церковной метрической книге. Одно такое упоминание относится к 1801 г. Родившийся в воинской среде обычай перенимают и другие сословия. По этнографическим данным, побратимство нередко встречалось среди русских крестьян XIX в., особенно среди казаков и бурлаков, т. е. именно в тех ситуациях, где чаще всего требовалась взаимная выручка и восполнение семейно-родственных отношений.

Героическому эпосу свойственно возвышение и поэтизация дружбы. Идея дружбы как воплощения благородства и верности близка феодальному мышлению. Рыцарская мораль ставит мужскую дружбу выше любви и семейных отношений. В "Песне о Роланде" рассказывается, что невеста Роланда, красавица Аль-да, узнав о смерти своего рыцаря, тут же падает мертвой; напротив, умирающий Роланд не вспоминает о невесте, зато он горько оплакивает своего друга и соратника Оливье. Когда рыцарские романы позднего средневековья красочно описывают нерушимость рыцарской дружбы, выдерживающей самые невероятные испытания, за этим легко разглядеть идеализированные отношения вассальной зависимости, напоминающие ритуализованную дружбу древности с ее клятвами верности, обменом дарами и т. д.

Для средневекового человека иерархичность дружеских отношений вполне естественна. Данте в "Новой жизни" упоминает человека, "который, следуя степеням дружбы, является вторым другом моим, непосредственно после первого" . В письме к властителю Вороны Кап Гранде делла Скала, который был ему верным другом и покровителем, Данте пишет, что "священные узы дружбы связывают не столько людей равных, сколько неравных". Эта тема оживленно обсуждалась и позже, по крайней мере до XVII в.

Рыцарская дружба описывалась в нарочито возвышенных тонах. Дружеские связи крестьян и городских ремесленников выглядят более прозаически. Деревенская община даже в XVI-XVII вв. редко насчитывала больше 300-500 человек, так что все отношения в ней неизбежно имели непосредственно-личный характер. Дружеские связи обычно переплетались с родственными и соседскими и рассматривались как их дополнение. Английский священник Р. Джослин, дневник которого считается одним из ценнейших источников по истории повседневной жизни Англии того периода, говорит о "друзьях и соседях" слитно. Друзьями он называет всех родственников, независимо от интенсивности своих контактов с ними. Из числа "друзей-соседей" Джослин выделяет наиболее близких, с которыми поддерживает более тесные отношения. Но эти отношения были не столько индивидуальными, сколько семейными.

Особое место занимали дружеские отношения в среде молодежи. Понятие молодости в средние века было расплывчатым, охватывая период жизни от окончания детства до того момента, когда мужчина женился и станулся главой семьи. Иногда этот период растягивался на 15-20 лет. Посвященные в рыцари сыновья феодальных сеньоров томилась скукой или затевали скандалы в отцовских замках. Чтобы избавиться от них и одновременно помочь приобрести боевой опыт, их часто отправляли в дальние странствия. Соединяясь группами (нередко это были сыновья вассалов во главе с сыном их сюзерена), молодые люди вели жизнь бродячих рыцарей, сражались, грабили,

искали богатых невест. По словам французского хрониста XII в., эти "друзья" "любили друг друга, как братья" п.

Помимо бродячих компаний (кроме странствующих рыцарей были также бродячие ремесленники и студенты) в городах и селах существовали "оседлые" сообщества молодых людей-"мальчишники", "холостячества", "братства", "королевства шутов", "аббатства молодежи" и т. п. Объединяя юношей (а иногда и девушек) более или менее одного возраста, эти сообщества не только развлекались всевозможными озорными проделками, давая выход молодой энергии, но и выполняли ряд функций, связанных с социализацией: регулирование внесемейного общения юношей и девушек, воинское обучение и т. п. Эти молодежные группы четко вписывались в феодальную структуру и имели собственный порядок и организацию, но отношения внутри них были, по-видимому, значительно свободнее, чем в семье или ремесленном цехе.

По иным канонам строилась дружба в духовных, монашеских кругах. Более образованные, чем их современники, эти люди испытывали и большую потребность в вербальном общении, а дефицит эмоциональных контактов, связанный с обетом безбрачия, усиливал потребность в самораскрытии. Как писала своему духовному другу англо-ирландская аббатиса Эангита, "каждый человек, когда он не достаточен сам для себя и не доверяет собственной мудрости, ищет верного друга, которому он мог бы оказать доверие и открыть тайну своего сердца" .

Дружба духовных лиц в средние века также не была единообразной. Иногда призывы к дружбе имели чисто риторический смысл. В других случаях "дружба" служила заменой официальных связей (путем рекомендательных писем и т. п.). Но нередко она выступает и как форма эмоционального контакта и духовного самораскрытия, преодолевающего границы места и времени.

Своеобразной формой институционализации духовной дружбы были распространённые в Европе в VIII-IX вв. "молитвенные братства", напоминавшие по форме воинские союзы, но имевшие своим главным содержанием совместные или заочно возносимые молитвы друг за друга. Позже на этой основе возникают, с одной стороны, воинствующие монашеские ордена, а с другой - формы общения, характерные для мистиков XII в.- эпохи, которую некоторые исследователи даже называют "столетием дружбы". Черпая вдохновение у Цицерона и Сенеки, мистики (Бернар Клервоский, Ансельм Кентерберийский, Петр Достопочтенный и др.) стремились соединить "любовь к богу" и "естественную дружбу", основанную на природном расположении и симпатии одного человека к другому.

Настоятель монастыря в Рьеволксе (Англия) аббат Аэльред в трактате "О духовной дружбе", написанном в период между 1150 и 1165 гг., осмелился даже перефразировать слова Иоанна Богослова: "Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем". У Аэльреда это изречение звучит так:

"Бог есть дружба, и пребывающий в дружбе пребывает в Боге, и Бог в нем" . Таким образом, "любовь к богу" выводится из "естественной дружбы", что, конечно, выглядит оресью. Проблема соотношения дружбы и любви к богу занимает важное место в позднейшей теологии (Фома Аквинский, Дунс Скот и др.) .

Отношение средневековой мысли к психологической интимности было неоднозначно. Хотя многие авторы XII-XIII вв. говорят о необходимости полной откровенности с другом, глубокое самораскрытие, предполагающее на прямой интерес к собственному Я, почиталось греховным.

Средневековый человек жил открыто, на глазах у своих соседей и близких, его быт не был отгорожен от быта остальных членов общины.

Не существовало и особых запретов на выражение сильных эмоций. Персонажи героического эпоса не только гомерически хохочут и легко приходят в ярость, но и публично, при всех, рыдают:

Сдержат не может слез великий Карл,
С ним плачет вся стотысячная рать...
Рвет бороду, сдержат не может гнев,
Рыдает он, и с ним бароны все...
Нет рыцаря и нет барона там,
Чтоб в грудь себя не бил и не рыдал...

Без чувств от горя многие лежат...
Над нею, сострадавая, он заплакал .

Конечно, это не буквальное описание. "Песнь о Роланде" имеет свою стилистику. Но, по-видимому, такое поведение не противоречило правилам рыцарского этикета. В то же время более тонкие, внутренние переживания были еще относительно неразвиты, для их выражения людям не хватало слов. Да и вообще делиться своими переживаниями с кем бы то ни было, кроме бога, считалось нескромным и даже неприличным. Не следует много говорить о себе, "ибо нет человека, который бы правдиво и справедливо оценивал самого себя, столь обманчиво наше самолюбие", - писал Данте. Откровенность "Исповеди" Августина Данте оправдывает только ее назидательностью, "как образцовое и поучительное превращение его жизни из нехорошей в хорошую, из хорошей в лучшую, а из лучшей в наилучшую..." . Признать потребность в самовыражении достаточным оправданием "Исповеди" автор "Божественной комедии" еще не решается.

В новое время положение резко изменилось. Быт постепенно (особенно в XVII-XVIII вв.) индивидуализируется, люди отгораживаются друг от друга, а потребность в коммуникации и самовыражении, напротив, усиливается. Одним из проявлений этого было рождение новой концепции и канона дружбы.

Первый шаг в направлении секуляризации (освобождения от влияния религии) и индивидуализации человеческих отношений сделали гуманисты эпохи Возрождения, прославляющие дружбу как самое естественное и высокое человеческое чувство. Эта тенденция была тесно связана с возрождением античной традиции. Гуманисты часто обращаются к Аристотелю, Плутарху, Лукиану, Сенеке, Цицерону. В их личной переписке ощущается упоение дружеским общением.

Среди историков культуры существует мнение, что дружба у гуманистов - скорее литературный образ, чем личное переживание, так как в своей переписке многие из них говорят не столько от собственного лица, сколько от лица некоего искусственного "литературного Я", именуя "друзьями" едва ли не всех своих корреспондентов.

Однако такую постановку вопроса вряд ли можно признать правильной. Гуманисты называли свою дружбу "святой" или "божественной", вершиной земного счастья. Но "литературность" выражения чувств и стилизация самой жизни (позже нечто подобное наблюдалось у романтиков) не означает, что эта жизнь неподлинна. Как справедливо замечает Л. М. Баткин, "личные отношения имели для гуманистов надличный смысл, не переставая, однако, от этого быть личными... Общение осуществлялось посредством топики, за которой, как и за любыми формулами общения в любые времена, могли в одном случае скрываться искренние чувства, а в другом - ничего, кроме ритуальных жестов" .

Тот факт, что в гуманистической концепции дружбы на первый план выступает интеллектуальное общение, означал разрыв с феодально-рыцарской традицией. Важнейшей предпосылкой дружбы становится теперь не сословное равенство или иерархическая взаимозависимость, а общность духовных интересов. Человек не чувствует больше необходимости оправдываться в своих дружеских или любовных привязанностях; наоборот, он гордится ими. В жизнеописаниях и автобиографиях эпохи Возрождения друзья занимают все более заметное место, а отношения с ними предстают значительно более многообразными, чем в средневековых хрониках.

Все большую ценность приобретает экспрессивная сторона дружбы. Монтень, например, ставит дружбу даже выше супружеской любви. Любовь - "пламя безрассудное и летучее, непостоянное и переменчивое, это - лихорадочный жар, то затухающий, то вспыхивающий с новой силой и гнездящийся лишь в одном уголке нашей души. В дружбе же - теплота общая и всепроникающая, умеренная, сверх того, ровная, теплота постоянная и устойчивая, сама приятность и ласка, в которой нет ничего резкого и ранящего". Брак, которым завершается любовь, для Монтеня равноценен сделке, добровольной лишь в момент ее заключения, ибо длительность ее навязывается партнерам принудительно и не зависит от их воли. Дружба же абсолютно свободна и добровольна, "в дружбе нет никаких иных расчетов и соображений, кроме нее самой".

Монтень подчеркивает тотальность дружбы, ставящую ее выше всех "роле-

вых" отношений: "...та совершенная дружба, о которой я говорю, неделима: каждый с такой полнотой отдает себя другому, что ему больше нечего уделить кому-нибудь еще... В обычных дружеских связях можно свое чувство делить: можно в одном любить его красоту, в другом - простоту нравов, в третьем-щедрость; в том-отеческие чувства, в этом - братские и так далее. Но что касается дружбы, которая подчиняет себе душу всецело и неограниченно властвует над нею, тут никакое раздвоение невозможно".

Сходные мысли высказывает и Ф. Бэкон. Подчеркивая, что нужно выбирать друзей "тщательно и разумно", не поддаваясь страсти, он вместе с тем видит в дружбе высшую форму человеческого общения. "Человек может говорить со своим сыном только как отец; со своей женой - только как муж..." Друг - единственный, с кем можно быть просто самим собой. Суть дружбы - "раскрытие своего Я другу", а "главный плод дружбы заключается в облегчении и освобождении сердца от переполненности и надрыва, которые вызывают и причиняют всякого рода страсти" Э.

Большинство мыслителей эпохи Просвещения склонны считать дружбу, в противоположность любви, спокойным и рассудочным отношением, основанным на соображениях разума и морали. Если любовь, по словам Д. Юма, беспокойная, переменчивая страсть, то "дружба - это спокойная и тихая привязанность, направляемая разумом и укрепляемая привычкой, возникающая из долгого знакомства и взаимных обязательств...". По мнению П. Гассенди, дружба - одновременно добродетель, благо и удовольствие; она завязывается обычно "с практической целью или ради какой-либо пользы", а затем приходит взаимная любовь, которая поддерживает дружбу безотносительно к ее первоначальной цели.

В этот период дружба все чаще начинает осмысливаться в аспекте ее нравственной ценности. Так, К. Томазий считает любовь и дружбу наиболее общими предпосылками морали. Немецкий просветитель Х. Вольф расширяет понятие дружбы до идеи всеобщей любви к человечеству, а английский философ А. Шефтсбери утверждает, что дружба к отдельному человеку невозможна без более широкого чувства долга и отношения к обществу: быть другом конкретного человека - значит быть также другом человечества.

Новое антропоцентристское мировоззрение возводит дружбу в ранг символа "подлинно человеческих" отношений и делает ее предметом настоящего культа. При этом границы должного и сущего сплошь и рядом стираются. Поэты, начиная с Петрарки, воспевают ее в одах и лирических стихах. Аллегорические изображения дружбы - одна из главных тем живописи и скульптуры XVII-XVIII вв. Образы Ореста и Пилада многократно варьируются в драме и в опере. Во второй половине XVIII в. многие княжеские парки украшаются специальными "храмами дружбы" (один из лучших - в Павловском парке под Петербургом, построенный по проекту Ч. Камерона. На фризе храма - изображение символов дружбы, например дельфина).

Как символ человечности, дружба оказывается в оппозиции не только религиозному аскетизму, но и сословному неравенству. Рождается глубоко чуждая феодальному мышлению идея, что личные, индивидуальные привязанности людей важнее их происхождения и сословного ранга. Хотя в дворянской культуре этот пасторальный мотив звучал приглушенно, не посягая на социальную реальность, с течением времени, сливаясь с идеализированным образом "естественного человека" философских сочинений, он станет одним из критериев осуждения "извращенного" сословного строя.

Стремление к интимному душевному слиянию с другим человеком прорывается даже в сферу религиозного мирозерцания. В понимании пиетистов (мистическое течение в протестантизме в XVI-XVIII вв.), бог не столько грозный, таинственный вседержитель, сколько объект интимных излиятий одинокой, исстрадавшейся души. Но от наделения бога чертами интимного друга только один шаг к обожествлению реального друга и самой дружбы. Именно такие чувства испытывает герой одной немецкой пиетистской повести начала XVIII в. к своему другу Титу: "...бог и Тит так близко сошлись в его сердце, что часто ему было трудно решить, любит ли он Тита в боге или бога в Тите".

Та же тенденция проявляется в изобразительном искусстве, в частности в портретной живописи. Первые парные портреты XV-XVI вв. изображали людей только рядом друг с другом, никак не выражая их внутреннюю близость. Это характерно и для XVII в. Ван Дейк трижды рисовал одну и ту же

дружескую пару – графа Ньюпорта и лорда Горинга, и на всех трех портретах они не соприкасаются и смотрят не друг на друга, а перед собой. В портрете тонко выражена субординация возраста и ранга, но изображаемые лица вполне самостоятельны. В парных портретах сентименталистов меняется не только выражение лиц, но и подчеркивается их взаимосвязь. Друзья заняты каким-то общим делом (чтение книги, совместное музицирование) либо держат друг друга за руки. Нежные объятия, которые раньше встречались только в семейных сценах, теперь появляются и в портретах друзей (особенно женщин). Общность настроения изображаемых лиц оттеняется ландшафтом. В романтическом портрете дружеская близость передается средствами не только внешней, но и внутренней выразительности.

Обогащается палитра эмоциональных переживаний, ассоциирующихся с дружбой, и способов их выражения. Доминирующей темой рыцарской дружбы была верность. У гуманистов дружба чаще всего ассоциируется с радостью и весельем. Сентиментализм создает образ "скорбящей дружбы", появляется лирическая тема прощания друзей, часто изображаются дружеские объятия. Рукопожатие, которое в символике Ренессанса обозначало верность, теперь интерпретируется как выражение нежности. Это не значит, конечно, что подобные ассоциации впервые появляются в новое время. Достаточно вспомнить переписку средневековых мистиков или поразительное по своей экспрессивности обращение из одного русского текста XVI в. – "сострадальник и друг". Однако изменение расстановки эмоциональных акцентов в искусстве в этом отношении весьма показательно: разделенная скорбь предполагает большую интимность, чем разделенная радость.

Отчетливее всего прослеживается интимизация дружбы в немецкой поэзии XVIII в. "Песни дружбы" Пира и Ланге, оды Ф. Г. Клоп-штока, у которого, по образному определению одного из исследователей его творчества, дружба становится нерелексированным выражением бьющего через край чувства, драмы Ф. Шлегеля, стихи Ф. Шиллера не просто воспевают дружбу, но все сильнее подчеркивают ее интимный, эмоциональный характер. Даже И. Кант, считавший идеальную дружбу "коньком сочинителей романов", признает, что "человек – существо, предназначенное для общества (хотя и необщительное), и в развитом общественном состоянии он чувствует сильную потребность делиться с другими (даже без особой цели)..." .

Но чем ярче и возвышеннее становился идеал, тем проблематичнее выглядело его воплощение в действительности. Создание павловского "Храма дружбы" было всего лишь безуспешной попыткой нелюбимого сына угодить ненавистной и скуповатой царственной матери, а люди, называвшие друг друга "сердечными друзьями", нередко не упускали случая навредить один другому.

Трезвые, скептически настроенные наблюдатели житейских нравов не обольщались красивыми фразами. "...По природе своей мы ищем не друзей, а почта и выгоды, которых можем от них получить; этого мы желаем прежде всего, а друзей уже потом" м, – писал Т. Гоббс. "Люди обычно называют дружбой совместное времяпровождение, взаимную помощь в делах, обмен услугами – одним словом, такие отношения, где себялюбие надеется что-нибудь выгадать" , – вторит ему Ф. Ларошфуко. "Как мало друзей остались бы друзьями, если бы они могли полностью узнать мысли друг друга" , – как бы продолжает эту мысль немецкий просветитель Г. Лихтенберг.

Предостережения против неразумной откровенности и веры в дружбу – лейтмотив знаменитых "Писем к сыну" лорда Честерфилда.

В противоположность идеализировавшим дружбу моралистам, французские материалисты утверждают, что в основе дружеских, как и любых иных человеческих, отношений лежит личный интерес. "Основой дружеской привязанности являются те выгоды, которые друзья рассчитывают получить друг от друга: Лишите их этих выгод – и дружба перестанет существовать, интерес к ней будет потерян", – писал П. Гольбах.

Сведение дружбы к интересу вовсе не означало пошлого эгоизма. Истинный друг, по мнению Гольбаха, – подлинное благо, которое следует предпочитать всем другим благам. Просто само понятие "бескорыстная дружба" толкуется французскими материалистами не как отсутствие личного интереса, а как то, что этот интерес основан "скорее на личных качествах и достоинствах человека, побуждающих нас предпочитать его другим, нежели на каких-либо внешних преимуществах" .

Такое толкование дружбы развивает и углубляет К. Гельвеций. Всякая дружба, считает он, порождена какой-то потребностью. Человеческие потребности неодинаковы: "Одни нуждаются в удовольствиях и деньгах, другие – во влиянии; эти желают разговаривать, те – поверять свои заботы; в результате бывают друзья ради удовольствий, ради денег, ради интриг, ради ума и друзья в несчастье". Моралисты утверждают, что дружба не должна основываться на расчете. Но спрашивается, если друг нужен вам для того, чтобы терпеливо выслушивать бесконечную повесть о ваших несчастьях, разве вы менее эгоистичны, чем человек, стремящийся воспользоваться деньгами своего друга или сиять отражением его славы? И Гельвеций приходит к выводу, что сила дружбы измеряется не добродетелью двух друзей, а силою связывающего их интереса.

Из дружбы часто делают роман, продолжает мыслитель. Фактически же она сохраняется лишь до тех пор, пока люди испытывают взаимную потребность друг в друге; поэтому она, как правило, неустойчива и эгоистична, даже независимо от материальных выгод. "Мы желаем иметь друга, чтобы, так сказать, жить в нем, чтобы излить нашу душу в его душу и наслаждаться беседой, которую доверие делает всегда восхитительной". Люди любят возвышать и приукрашивать собственную дружбу, поэтому "всякий повторяет за Аристотелем, что друзей вообще нет, и каждый, в частности, уверяет, что он хороший друг". В действительности же главное очарование дружеского общения состоит "в удовольствии говорить о себе".

Рассуждения Гельвеция не просто блестящая ирония, противопоставляющая сентиментальному культу дружбы культ безличного разума. Это первый опыт социологии дружбы. Вместо того чтобы оценивать существующее общество в соответствии с "интуитивно ясной" моральной ценностью, Гельвеций саму мораль оценивает с точки зрения того, насколько она соответствует действительности. Если реальные отношения между людьми основаны не на эмоциональных привязанностях, а на обмене, выгоде, интересе, к чему подерживать идеалистические фикции? Гельвеций стремится объяснить то, что есть, а не создавать утопию. Но в глубине души ему хочется, чтобы мир стал другим. Недаром, высмеивая сентиментальные фикции, он, как, впрочем, и Ларошфуко, и Честерфилд, нет-нет да и обмолвится насчет "подлинной дружбы".

Просветители пытались "заключить" появившуюся у человека рефлексию и потребность в самораскрытии, направив внимание вовне, на объективный мир, и разложив самое человеческое Я на сумму ощущений. Но в этой "объективной" ориентации сквозит неосознанное стремление заглушить тоску по идеалу. Романтики конца XVIII – начала XIX в. выводят это противоречие наружу, противопоставляя жестокости и холоду социального мира напряженную субъективность Я, сердечность и теплоту интимного общения. Культ субъективности в романтизме был одновременно культом глубокой и интимной дружбы.

Понятие романтической дружбы крайне неопределенно. Оно то обозначает дружбу эпохи романтизма, включая и предшествовавший ей период "бури и натиска", то соотносится со специфическими представлениями о дружбе, имевшими хождение в кругу немецких поэтов-романтиков, то ассоциируется с психологическим типом "романтической личности". Свойства последней также описываются по-разному: одни подчеркивают ее экзальтированность, другие – гипертрофию воображения и чувствительности, третьи – интроверсию, уход в себя.

Все это порождает много неясностей. В эпоху романтизма, как и в любой другой период истории, люди имели неодинаковые характеры и представления о дружбе. Так, Дж. Байрону и М. Ю. Лермонтову были совершенно несвойственны сентиментальность и тяга к исповедальности, характерные для большинства немецких романтиков. Да и среди последних были люди, которые "действовали в романтическом духе, романтически думали, но не обладали романтическими характерами". Перевод художественно-эстетических понятий в термины личностной типологии – задача вообще крайне сложная.

Если отвлечься от психологических нюансов, романтический канон дружбы означал, во-первых, резкое повышение требований к ее интимности и экспрессивности и, во-вторых, ассоциацию "истинной дружбы" с той частью жизни человека, которая приходится на юность. Юность – период наиболее интенсивного и эмоционального общения со сверстниками, групповой жизни и

т. д. Напомним, что древняя ритуализованная дружба чаще всего формировалась в юношеских возрастных группах. Да и не только древняя. Хрестоматийные примеры глубокой и прочной дружбы во все времена, как правило, повествуют об отношениях, зародившихся в юности или, по крайней мере, в молодости. С другой стороны, мыслители прошлого единодушно ассоциировали прочную дружбу со зрелым возрастом. Таково было мнение и Аристотеля, и Цицерона. В новое время, до XVIII в. включительно, дружба считалась главным образом добродетелью, долгом. Отсюда и мнение, что способность к дружбе человек обретает лишь после того, как созреет, избавится от юношеского легкомыслия и ветрености.

Лорд Честерфилд с раннего детства пытался внушить сыну, что сверстников надо рассматривать прежде всего как конкурентов, которых он должен стремиться превзойти, что дружбу между юношами нельзя принимать всерьез. "Горячие сердца и не умудренные опытом головы, подогретые веселой пирушкой и, может быть, избытком выпитого вина, клянутся друг другу в вечной дружбе и, может быть, в эту минуту действительно в нее верят и по неосмотрительности своей сполна изливают друг другу душу, не сдерживая себя ничем". Но привязанности эти непрочны, а откровенность - опасна. "Пове- рь им (сверстникам.- И. Д.), - советует Честерфилд сыну, - если хочешь, свои любовные похождения, но пусть все твои серьезные мысли остаются в секрете.

Доверь их только истинному другу, у которого больше опыта, чем у те- бя, и который идет по жизни совсем другой дорогой и соперником твоим ни- когда не станет" .

Эти поучения по-своему логичны: если высший судья человеческих пос- тупков - разум, а чувствам отводится подчиненная роль, то юность не мо- жет претендовать на серьезное к себе отношение. Романтики, напротив, ставят чувства выше объективного и благонамеренного разума. Дружба у них не добродетель, а живое чувство, непосредственное жизненное переживание, носителем которого становится не зрелый муж, а пылкий юноша. В литерату- ре второй половины XVIII в. утверждается единство понятий "юность" и "дружба", которые предстают почти как синонимы.

Новому типу дружеской риторики соответствовали и новые нормы реальных взаимоотношений. Одной из предпосылок автономизации дружбы и повышения ее роли в процессе становления личности было ослабление влияния и конт- роля родительской семьи.

Интимная близость и теплота между детьми и родителями были в патриар- хальной семье скорее исключением, чем правилом. "Смирненное желание всех отцов: видеть осуществленным в сыновьях то, что не далось им самим, как бы прожить вторую жизнь, обязательно использовав в ней опыт первой", часто оборачивалось для детей суровым деспотизмом и далеко не всегда "просвещенным".

Н. П. Огарев, родившийся в 1813 г., писал о своем отце: "Несмотря на мягкость, он был деспотом в семье; детская веселость смолкала при его появлении. Он нам говорил "ты", мы ему говорили "вы"... Внешняя покор- ность, внутренний бунт и утайка мысли, чувства, поступка - вот путь, по которому прошло детство, отрочество, даже юность. Отец мой любил меня искренне, и я его тоже; но он не простил бы мне слова искреннего, и я молчал и скрывался" .

Аналогичны и воспоминания его друга А. И. Герцена: "...отец мой был почти всегда мною недоволен... товарищей не было, учителя приходили и уходили, и я украдкой убегал, провожая их, на двор поиграть с дворовыми мальчиками, что было строго запрещено. Остальное время я скитался по большим почернелым комнатам с закрытыми окнами днем, едва освещенными вечером, ничего не делая или читая всякую всячину" .

Социальная зависимость и традиция сыновней почтительности до поры до времени удерживали этот бунт в определенных рамках. В начале XIX в. он становится явным. Тема конфликта отцов и детей занимает важное место в автобиографической и художественной литературе XIX в.

Суровость семейного быта нередко отягощалась отсутствием у детей и подростков общества сверстников. "Все детство я провел между женщина- ми... - вспоминает Огарев. - Ни единого сверстника не было около; редко появлялись два-три знакомых мальчика, но я их больше дичился, чем лю- бил". Неудивительно, что, когда гувернантка предложила восьмилетнему

мальчику написать первое свободное сочинение, им стало "письмо к мечтаемому другу, которого у меня не было..." зв.

Эти особенности семейного воспитания были характерны прежде всего для имущих классов. В крестьянских семьях и семьях городской бедноты воспитание было иным. На подростков здесь рано ложился груз материальных обязанностей, способствовавший их более раннему повзрослению, а их общение со сверстниками меньше ограничивалось. Не столь одинокими чувствовали себя подростки и в многодетных семьях.

Романтический канон дружбы формировался не в низах, а в привилегированных слоях общества. Педагогика конца XVIII – начала XIX в. считала общество сверстников скорее опасным, чем полезным для подростка. Ж.-Ж. Руссо, который сам всю жизнь страдал от одиночества, лишил своего Эмиля общества сверстников, полагая, видимо, что их полностью заменит любящий друг-воспитатель. Юный герой его педагогической робинзонады "рассматривает самого себя без отношения к другим и находит приличным, чтобы и другие о нем не думали. Он ничего ни от кого не требует и себя считает ни перед кем и ничем не обязанным. Он одинок в человеческом обществе и рассчитывает только на самого себя".

Дефицит эмоционального тепла в семье не могла восполнить и школа. Не говоря уже о том, что далеко не все ее посещали, казенная атмосфера, палочная дисциплина и формальное обучение отталкивали юные умы. Это касалось как гимназии, так и университета. В XVIII и в начале XIX в. редко кто вспоминал их добром. Единственное, за что молодые люди были благодарны школе, так это за относительную свободу от семейного контроля и возможность неформального общения со сверстниками.

Характерно свидетельство писателя С. Т. Аксакова. Застенчивый, нежный и болезненный мальчик, очень близкий с матерью, маленький Сережа "не дружил с сверстниками, тяготился ими" и вначале настолько трудно переносил гимназический интернат, что его вынуждены были забрать оттуда домой. Но позже, после ухода из университета (в 1807 г.), он сохранил о нем и о гимназии самые светлые воспоминания, и прежде всего об отношениях с товарищами: "Я убежден, что у того, кто не воспитывался в публичном учебном заведении, остается пробел в жизни, что ему недостает некоторых, не испытанных в юности, ощущений, что жизнь его не полна..."

Новый тип дружеского общения возникает в студенческой среде прежде всего как антитеза семейной скованности и формализму университетской системы.

В Германии начало этого процесса относится к 70-м годам XVIII в. В это время в немецких университетах, в противовес традиционным шумным и грубым студенческим корпорациям ("буршенштафтам"), возникают тесные дружеские кружки молодых людей, объединяемых общими интересами, чаще всего художественными, и личной привязанностью. Таковы, например, геттингенский "Союз роши" и лейпцигский кружок литературной молодежи, группировавшийся вокруг поэта К. Ф. Геллерта. Сначала такие кружки складывались вокруг какого-либо старшего поэта, выступавшего в роли наставника и советчика молодых. Позже они становятся объединениями сверстников. Так, младшему из членов "Союза роши" было 19, а старшему – 25 лет.

Вместе с изменением состава и структуры дружеских кружков менялась и их эмоциональная тональность. Первые такие кружки культивировали настроения коллективного веселья. Их идеал – быть "другом всего света", свобода от опеки старших. Причем вольное "мужское братство" как якобы специфически "немецкое" явление противопоставлялось "французской изнеженности".

Более поздние кружки имеют уже иную настроенность. Веселая групповая дружба уступает место интимному союзу избранных сердец. "Томное адажио сентиментализма" сделало главным символом сердечной близости сострадание и слезы. Юноши последней трети XVIII в. льют слезы над каждым письмом, над каждой книгой. Плачут, созерцая природу, встречаясь или прощаясь с другом, плачут от разделенной и от неразделенной любви. Молодые люди упиваются собственной чувствительностью. "Слезка сближает друзей" ээ, – записал юный Фридрих Шиллер в дневник своему другу Фердинанду Мозеру. А вот как описывается встреча друзей – взрослых женатых мужчин – в популярном в то время романе Жана Поля (Ф. Рихтера) "Зибенкэз": "...и когда Фирмиан вошел в их общую комнату, освещенную лишь угасающей алой зарей,

его Генрих обернулся, и они молча, с поникшей головой, упали друг другу в объятия и пролили все горевшие в их душах слезы. Но то были и слезы радости, и они положили конец объятиям, но не прервали молчания". Эта выпренность стиля и слезливость кажутся нашим современникам такими же манерными и неискренними, как эпистолярные излияния гуманистов. Но в конце XVIII – начале XIX в., форма дружеского общения была именно такой. Недаром это был "век чувствительности".

Поскольку романтизм возник в Германии, некоторые исследователи склонны считать романтическую дружбу специфически немецким явлением. Но стиль дружбы молодых людей той эпохи, насколько о нем позволяет судить их переписка, дневники и т. д., не обнаруживает особенно заметных национальных различий (другое дело – индивидуальные вариации).

Один из апостолов романтической дружбы в немецкой литературе – Жан Поль своим личным идеалом считал дружбу английских просветителей Дж. Свифта, Дж. Арбетнота и А. Попа. "О вы, оба друга, умерший и оставшийся! – писал он в "Зибенкэзе" после очередной трогательной сцены прощания друзей, – Но зачем же мне постоянно подавлять в себе то давнее, бьющее ключом чувство, которое вы с такой силой пробудили во мне и которое обычно во дни моей юности у меня вызывала... дружба, например, между Свифтом, Арбетнотом и Попом, выраженная в их письмах? Разве не были многие другие, подобно мне, согреты и ободрены трогательной спокойной любовью этих мужественных сердец?..". Их опубликованная переписка была весьма популярна в конце XVIII в. Однако письма молодого Александра Попа значительно теплее и эмоциональнее ответов более старшего по возрасту Джонатана Свифта. В письме от 20 сентября 1723 г. Свифт писал: "Ваши понятия о дружбе новы для меня. Я думаю, что каждый человек от рождения обладает определенным запасом дружелюбия, и он не может дать одному, не ограбив другого. Я отлично знаю, кому я отдал бы первое место в моей дружбе, но их нет со мной, я приговорен к другой сцене, и поэтому я раздаю свою дружбу по мелочам тем, кто вокруг меня".

Эволюция стиля дружеского общения русской литературной молодежи начала XIX в., прослеженная Л. Гинзбург в книге "О психологической прозе", весьма напоминает аналогичный процесс в Германии конца XVIII в.

Молодой В. А. Жуковский в дневниках и переписке определяет дружбу как главную жизненную добродетель, пишет о своем желании "сделаться достойным дружбы". Для него дружба "есть все, только не в одном человеке, а в двух (много в трех или четырех, но чем больше, тем лучше)". Высшей похвалой себе он считает, если о нем скажут, что "он истинный друг".

У поколения А. С. Пушкина стиль дружбы уже иной. Тема дружбы занимает важное место в творчестве великого поэта. Однако на разных этапах его жизни и творческого пути эта тема получает несколько иное поэтическое звучание. В произведениях лицейского периода (например, в стихотворении "Друзьям") дружба описывается преимущественно в анакреонтовских тонах бесшабашного группового веселья, перемежающегося настроениями элегической тоски и грусти. Тема дружеской пирушки, "где просторен круг гостей, а кружок бутылок тесен" ("Веселый пир"), близка сердцу молодого поэта и после выхода из лицея. Однако он уже познал эфемерность подобных радостей и отношений. В стихотворении "Дружба" (1824 г.) поэт глубоко задумывается над тем, что составляет суть дружеских отношений.

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор .

Для зрелого Пушкина "блаженство дружбы" не просто время, проведенное за бутылкой и праздным разговором, а "приют любви и вольных муз, где с ними клятвою взаимной скрепили вечный мы союз..." ("Из письма к Я. Н. Толстому"). Друзья в понимании поэта – это уже не просто товарищи детских игр и юношеских пиров, которым "даны златые дни, златые ночи", не просто веселые, интересные собеседники, а прежде всего единомышленники.

Пушкин свято верит в нерушимость дружеских связей, способных противостоять всему окружающему миру:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
 Он как душа неразделим и вечен -
 Неколебим, свободен и беспечен
 Срастался он под сенью дружных муз.
 Куда бы нас ни бросила судьбина,
 И счастье куда б ни повело,
 Все те же мы: нам целый мир чужбина;
 Отечество нам Царское Село .

Приведенный отрывок - из стихотворения "19 октября", написанного незадолго до восстания на Сенатской площади. Год спустя после восстания в знаменитом послании к

И. И. Пущину ("Мой первый друг, мой друг бесценный...") Пушкин снова обращается к друзьям и дружбе. Стихотворение исполнено драматизма, беспоконья и глубокой скорби по поводу утраты друзей или вынужденной разлуки с ними. В первой редакции послания ностальгия по ушедшей юности и тревога за судьбу разбросанных бурей друзей сочетается с одобрением гражданского выбора, сделанного другом-декабристом: "Но ты счастлив, о брат любезный, счастлив ты, гражданин полезный, на избранной чреде своей" .

Верность светлым идеалам юности и дружбы - важнейшая нравственная ценность и принцип пушкинского поколения. Недаром обращенные к декабристам пушкинские слова "Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье" прямо перекликаются с "Прощальной песней воспитанников Царскосельского лицея", написанной А. А. Дельвигом и исполненной на выпускном акте:

Храните, о друзья, храните
 Ту ж дружбу с тою же душой,
 То ж к славе сильное стремленье,
 То ж правде - да, неправде - нет,
 В несчастье гордое терпенье,
 И в счастье - всем равно привет!Э

По свидетельству современников, реальные дружеские отношения между людьми пушкинского круга отличались не только возвышенностью идеалов, но и настоящим человеческим теплом. Особенно нежная, тесная дружба связывала Пушкина с Пущиным, Дельвигом и В. К. Кюхельбекером. А. П. Керн, которая была свидетельницей встречи Пушкина с Дельвигом в 1826 г., вспоминает, что они, казалось, "не могли наглядеться один на другого. Они всегда так встречались и прощались: была обаятельная прелесть в их встречах и расставаниях" . Смерть Дельвига была для Пушкина тяжелым ударом. "Вот первая смерть, мною оплаканная... - писал он П. А. Плетневу.- Никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изю всех связей детства он один оставался на виду - около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели" .

Однако дружеские связи Пушкина, как и других представителей его эпохи, не были единообразными. Лишенный в детстве родительского тепла, вызывающе дерзкий и одновременно застенчиво-ранимый, Пушкин-лицеист трудно сходилась с ровесниками, больше тяготел, по выражению Ю. М. Лотмана, к людям "взрослого" мира - Чаадаеву, Каверину, Карамзину. Затем, уже в Михайловском, на первый план выходят сверстники, а старые лицейские отношения наполняются новым, более глубоким смыслом. Позже круг друзей и приятелей поэта пополняется более молодыми людьми. Личные и деловые отношения переплетались, взаимно дополняя друг друга.

Были в этой дружбе и свои трудности. Личная преданность и верность дружбе сочетаются у пушкинского поколения с внутренней закрытостью. Их интимная жизнь "не открывалась ни дружеской беседе, ни письмам и дневникам (чему свидетельством дневники Пушкина, записные книжки Вяземского и проч.). Она открывалась только клячком поэзии, чтобы в этом, эстетически преобразованном виде стать достоянием всех читающих. Ни психологическое неблагополучие Батюшкова, которое вело его к душевной болезни, ни тяжелая ипохондрия Вяземского, ни бурная эмоциональная жизнь Пушкина почти не оставили следов в их обширной переписке. Люди пушкинской поры в письмах легко сквернословили и с упорным целомудрием скрывали сердечные

тайны. Они с удивлением и брезгливостью отвернулись бы от невероятных признаний дружеской переписки 1830- 1840-х годов" .

Напротив, дружба эпохи Н. В. Станкевича, М. А. Бакунина и В. Г. Белинского требует постоянного глубочайшего самораскрытия, исповеди, самообнажения. Конечно, здесь проявилась разница не только поколений, но и индивидуальностей, а также - не забудем этого! - сословий, классов. Юные аристократы пушкинской поры умели владеть собой и держать даже самых близких людей на почтительном расстоянии, полагая в этом один из признаков своего достоинства. Напротив, юные разночинцы, попадая в чуждую среду, жестоко страдали от застенчивости и неумения держаться, что усиливало их потребность в человеческом тепле.

Как бы то ни было, вылетая из семейного гнезда и формируя собственные, независимые от родителей жизненные планы, молодые люди остро нуждаются в задушевной дружбе, которую не могут заменить никакие другие лично-общественные отношения.

Эта тяга нередко обострялась социально-политическими обстоятельствами, что особенно существенно было для таких стран, как Германия и Россия. Дети, если взять хрестоматийный пример А. И. Герцена и Н. П. Огарева, слышали отголоски декабризма (особенно много говорилось об этом в семье Огарева), живо интересовались им. Но взрослые не хотели, не могли и не смели обсуждать такие проблемы с младшими. У них самих не было ответов на "проклятые вопросы". Хочешь не хочешь, подростки должны были обдумывать свою жизнь сами, втайне от старших. Разглашение этих "тайных дум" было куда опаснее, чем быть застигнутым за подглядыванием в девичью или признаться, что влюблен в кузину. Когда в доме появлялся жандарм, перепуганные родители нередко спешили отречься от собственных детей. Понять подобные тревоги и раздумья мог только тот, кто сам переживал то же самое, и такое дружеское доверие стоило очень дорого.

Представители романтизма вносят новую струю и в дискуссию о соотношении дружбы и любви, существенно сближая как сами эти понятия, так и связанные с ними чувства и переживания. По определению Ф. Шлегеля, "дружба есть "частичный брак", а любовь - это дружба со всех сторон и во всех направлениях, универсальная дружба. Знание необходимых границ - самое необходимое и самое редкое в дружбе" .

Для многих немецких романтиков эта проблема была глубоко личной. Их дружеские письма близки по эмоциональной интонации к любовным. Некоторые из них даже называли свою дружбу "браком" (писатели К. Brentano и Л. Арним, философы Ф. Шлегель и Ф. Шлейермахер), что отнюдь не мешало им одновременно испытывать радости и страдания любви к женщинам.

Сопоставляя любовные неудачи немецких романтиков (романы многих из них не пошли дальше помолвки, а браки К. Brentano и З. Вернера, основанные на страстной любви, оказались несчастливymi и т. п.) с их дружескими связями, некоторые западные исследователи приходят к выводу, что "романтическая личность" по природе своей больше приспособлена к дружбе, чем к любви. Но такие обобщения нельзя признать убедительными, поскольку они предполагают существование единых для всех людей канонов любви и дружбы, которых в действительности не существует.

Идея романтической любви, возведенной в ранг религиозного откровения, не менее таинственна и мистична, чем романтическая дружба. "В романтической любви, - писал академик В. М. Жирмунский, - соединяется учение романтиков о сущности жизни и о долге, мистическая онтология и этика. Любовь для романтика есть мистическое познание сущности жизни; любовь открывает любящему бесконечную душу любимого. В любви сливается земное и небесное, чувственное одухотворено, духовное находит воплощение; любовь есть самая сладкая земная радость, она же - молитва и небесное поклонение". Перевод этого религиозно-философского понятия на язык житейской психологии всегда сопряжен с известным упрощением.

Можно лишь отметить, что общее свойство "романтической личности" - напряженная потребность в эмоциональном тепле и психологической интимности. Удовлетворяется ли эта потребность лучше в любви или в дружбе или не удовлетворяется совсем - сказать трудно. Ясно одно: разрыв между идеалом и действительностью в романтической дружбе ничуть не меньше, чем в романтической любви. За очарованием в ней также следуют разочарования, за клятвами в вечной верности - забвения.

Романтический канон дружбы, как никогда ранее, подчеркнул ее аффективно-экспрессивное начало. "Что такое дружба или платоническая любовь, как не сладостное слияние двух существ? Или созерцание себя в зеркале другой души?" – вопрошал юный Шиллер. Но уподобление друга зеркалу – проявление крайнего эгоцентризма. Зеркало само по себе не представляет для нас интереса, мы ищем в нем только собственное отражение. Что же тогда остается на долю друга? Сознает это человек или нет, его общение всегда имеет какое-то предметное содержание, будь то совместная деятельность, общие интересы или обмен мыслями. Построить устойчивые взаимоотношения на одной экзальтации невозможно.

"О, дружба, подобная нашей, могла бы длиться вечно!.. Верь, верь мне всей душой, каждый из нас был подобием другого; верь мне, свет небес мог бы пасть на нашу дружбу, она выросла бы на прекрасной, плодородной почве; нам обоим она не предвещала ничего, кроме рая" , – пишет Шиллер своему другу Ф. Шарфенштейну. Но восклицания – свидетельство того, что светлая перспектива под угрозой. Почему? Оказывается, Шарфенштейн неодобрительно отозвался о стихах Шиллера. А какое уж тут "подобие", если друг не понимает твоих стихов?! Для юного поэта такая реакция естественна, но как тут не вспомнить грустную иронию Ларошфуко или Гельвеция?

Гипертрофированная экспрессивность оказывается при ближайшем рассмотрении столь же эгоистической, как и отношения, основанные на взаимном использовании. Сводя счеты со своим собственным прошлым, В. Г. Белинский писал, что романтиков "тянет к дружбе не столько потребность симпатии, столь сильной в молодые лета, сколько потребность иметь при себе человека, которому бы они беспрестанно могли говорить о драгоценной своей особе. Выражаясь их высоким слогом, для них друг есть драгоценный сосуд для излияния самых святых и заветных чувств, мыслей, надежд, мечтаний и т. д., тогда как в самом-то деле в их глазах друг есть лохань, куда они выливают помой своего самолюбия. Зато они и не знают дружбы, потому что друзья их скоро оказываются неблагородными, вероломными, извергами...".

Свойственная романтикам ассоциация "подлинной дружбы" с юностью содержала намек на ее возрастной, преходящий и отчасти иллюзорный характер. Не случайно уже в 1805 г. автор популярного учебника педагогики отмечал, что юноши идеализируют не только себя в дружбе, но и дружбу в себе.

Страстная юношеская дружба часто не выдерживает испытаний жизни. В зрелом возрасте люди оглядываются на нее со смешанным чувством сожаления, зависти и иронии. "Я открыл сегодня, что дружба длится еще меньше, чем любовь", – писал один из представителей немецкого романтизма – К. А. Фарнхаген фон Энзе. Тринадцать лет спустя, записывая в дневник посещение Беттины фон Арним, молодость которой прошла в самом центре немецкого романтизма, он отмечает: "Она называет все дружеские излияния обманом и ложью" .

Романтический канон дружбы уже в середине XIX в. становится предметом насмешек. Вероятно, самую глубокую критику романтического идеала дружбы дал Гегель.

Тотальная дружба, по мнению Гегеля, "имеет своей почвой и своим временем юность" не потому, что юношеский мир богаче и индивидуальное взрослого, как считали романтики, а как раз потому, что он недостаточно индивидуален. "Каждый человек должен сам по себе проделать свой жизненный путь, добыть себе и удержать некую действительность. Лишь юность, когда индивиды живут еще в общей неопределенности их действительных отношений, есть то время, когда они соединяются и так тесно связываются друг с другом в едином умонастроении, единой воле и единой деятельности, что дело одного тотчас же становится делом другого. Этого уже нет больше в дружбе мужчин... В зрелом возрасте люди встречаются друг с другом и снова расстаются, их интересы и дела то расходятся, то объединяются. Дружба, тесная связь помыслов, принципов, общая направленность остаются, но это не дружба юношей, в которой никто не решает и не приводит в исполнение того, что не становилось бы непосредственно делом другого. Принцип нашей более глубокой жизни требует, чтобы в целом каждый заботился сам о себе, то есть чтобы каждый был искусным в своей собственной области действительности" . Отсюда – иллюзорность романтической дружбы с ее гипертрофированной чувствительностью. На самом деле, подчеркивает Ге-

гель, "дружба основывается на сходстве характеров и интересов в общем совместном деле, а не на удовольствии, которое получаешь от личности другого" .

Как ни важны для поддержания дружбы взаимная симпатия и душевная близость, они всегда предполагают более широкую общность интересов и реальной лично и социально значимой деятельности. Не случайно особенно тесная дружба и взаимная привязанность складывались в среде участников революционного движения, которое невозможно без доверия и сплоченности. Ярчайший пример тому – дружба Карла Маркса и Фридриха Энгельса, начавшаяся в их молодые годы (в 1844 г. Марксу было 26 лет, а Энгельсу – 24 года) и продолжавшаяся до самой смерти. Общие идейные интересы, совместная творческая и революционная деятельность, организационная работа по созданию Интернационала породили между ними величайшую человеческую близость и взаимную преданность. Они не только мыслили и боролись совместно. Чтобы помочь нуждавшемуся в деньгах Марксу, Энгельс долгое время выполнял скучную и ненужную ему конторскую работу. П. Лафарг вспоминает, что, "когда Энгельс объявлял о своем приезде, это было торжеством в семье Маркса. В ожидании его шли нескончаемые разговоры о нем, а в самый день приезда Маркс от нетерпения не мог работать. Подкрепляя свои силы табаком, друзья просиживали вместе всю ночь, чтобы досыта наговориться обо всем, что произошло со дня их последнего свидания" .

"...Какое счастье – дружба, подобная той, какая существует между нами. Ты-то знаешь, что никакие отношения я не ценю столь высоко" , – писал Маркс Энгельсу. Теплом и взаимной заботой проникнута вся их переписка. Маркс пишет: "...меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что нам вдвоем предстоит сделать еще на свете кое-что разумное". "Уже один вид твоего почерка прибавляет мне бодрости". Сообщая другу об окончании первого тома "Капитала", Маркс прямо говорит: "Без тебя я никогда не мог бы довести до конца это сочинение... Только тебе обязан я тем, что это стало возможным!"

После смерти Маркса Энгельс взял на себя заботу о его литературном наследии и продолжил теоретическую и революционную деятельность, начатую ими совместно.

Следует отметить, что романтический канон дружбы подчеркнуто элитарен. Приписывая своим тончайшим переживаниям особый, высший смысл, недоступный непосвященным, романтики стремились подняться над уровнем обыденности и всякой организованной коллективности. Подобно гуманистам эпохи Возрождения, а до них – средневековым мистикам, романтики называют свою дружбу "святой", "священной" и т. п. "Жизнетворческая" сила романтических образов и в самом деле заставляла многих реальных лиц вживаться, по меткому выражению А. И. Герцена, "в свои литературные тени", жить не по велению собственной природы, а по литературным образцам.

Однако жизнь никогда не совпадает со своими художественными образами. Поэтому дружба в современную эпоху не должна и не может строиться по романтическим образцам, какими бы привлекательными они ни казались.

4. ОСКУДЕНИЕ ИЛИ УСЛОЖНЕНИЕ?

Узнать можно только те вещи, которые приручишь... У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей.

А. Сент-Экзюпери

Как же изменились нормативный канон и ценностные ориентации дружбы в современную эпоху, под влиянием урбанизации и научно-технической революции? Сент-Экзюпери, высказывая которого открывает главу в качестве эпиграфа, склонен считать это влияние сугубо отрицательным, и он далеко не одинок в такой оценке. Слова "отчуждение", "разобщенность", "некоммуникабельность" все чаще мелькают на страницах прессы и специальных изданий. Но верно ли описаны симптомы и поставлен диагноз болезни? Вслушаемся, не перебивая, в уже привычные жалобы, а потом подумаем, что за ними скрывается.

Прежде всего мы слышим, что "массовое общество" разрушило или, во всяком случае, подорвало "промежуточные" социальные структуры, опосредствующие взаимоотношения индивида и общества (семья, соседство, общинные связи). Это привело к тому, что человеческое общение становится все более экстенсивным, анонимным, стандартным и деиндивидуализированным.

Высокая социальная мобильность, частые перемены места жительства, работы и т. д. подрывают устойчивость личных отношений и привязанностей, делают их краткосрочными, ненадежными и эфемерными. Как писал американский футуролог А. Тофлер, "с приближением к супериндустриализму отношения людей друг с другом приобретают все более временный, непостоянный характер. Люди, так же как вещи и места, проходят через нашу жизнь, не задерживаясь, во все убыстряющемся темпе. Чаще всего мы вступаем с окружающими нас людьми в поверхностные, деловые отношения. Сознательно или нет, мы строим наши отношения с большинством людей на функциональной основе".

Современный человек общается с множеством разных людей. Даже семья потеряла былую устойчивость. "Мобильность вырывает корни и делает отдельных людей менее значимыми в их взаимоотношениях друг с другом", - заявляет другой американец, социолог О. Клэпп. В "массовом обществе", где конкретный индивид, по выражению Клэппа, "растворяется в общей категории", перечеркивающей его индивидуальность, глубокая и длительная дружба практически невозможна.

С ускорением ритма жизни связано и изменение чувства времени. Патриархальное средневековье не воспринимало время как нечто вещественное, тем более имеющее цену. "Понимание значимости времени пришло вместе с ростом самосознания личности, начавшей видеть в себе не родовое существо, а неповторимую индивидуальность, то есть личность, поставленную в конкретную временную перспективу и развертывающую свои способности на протяжении ограниченного отрезка времени, отпущенного в этой жизни".

С одной стороны, это как будто повышает степень личной свободы - человек может "овладеть" временем, ускорить его своей деятельностью. Идея необратимости времени тесно связана с мотивом достижения и с принципом оценки человека по его заслугам. С другой стороны, время, мыслимое как нечто вещественное, что можно "потерять", отчуждается от индивида, навязывает ему свой ритм, заставляет спешить, тем самым увеличивая степень несвободы, порождает страх отстать от других, "упустить время". Это не может не сказываться на общении, особенно на характере личных отношений.

Патриархальное средневековье не знало жесткого противопоставления труда и досуга. Общественные отношения еще сохраняли свою личностную форму, а свободное время, точнее, непроизводительная деятельность, общение, досуг, был так же тщательно и детально регламентированы, как и труд. Никому не могло прийти в голову "экономить время" на приеме гостей или общении с соседями. Это никому не было в ущерб, так как круг общения оставался более или менее стабильным, жизнь всех текла в одном и том же неспешном ритме.

В условиях городской жизни, особенно в современном мегагороде, все усложняется. Человек, стремящийся чего-то достичь, должен беречь время, и прежде всего это сказывается на неутилитарном общении: банкет для налаживания отношений с "нужными людьми" - это совсем не то же самое, что дружеское застолье. В системе ценностей буржуазного общества свободное общение стоит ниже производительной, предметной деятельности. "В прямом соответствии с ростом стоимости мира вещей растет обесценение человеческого мира".

Рассматривая других как средство собственной деятельности, человек и сам незаметно "овеществляется". В переводе на язык социальной психологии это значит, что потребность в достижении выражена у такого человека сильнее, чем потребность в человеческом тепле, общении, сопереживании.

Яркое воплощение такого социально-психологического типа - герой повести французского писателя П. Виалара "И умереть некогда..." Жильбер Ребель. Преуспевающий американский делец французского происхождения, Ребель летит через Париж в Лион для заключения очередного выгодного контракта. В аэропорту Орли он получает две телеграммы. В первой жена извещает Ребеля, что уходит от него, так как не может больше выносить вечно

спешащего, занятого мужа, для которого дела важнее любви. Вторая телеграмма – сообщение, что деловая встреча в Лионе откладывается. Оказавшись в Париже, Ребель, которому впервые за много лет некуда спешить, останавливается в маленьком отеле, где жил когда-то в юности. Жизнь его вдруг обретает почти забытые краски: Ребель наслаждается вкусом пищи, замечает красоту природы, его начинают интересовать люди, в которых накануне он увидел бы только средства для достижения своих целей. И Ребель решает начать новую жизнь. Он едет на Лазурный берег, встречается с очаровательной девушкой, которая не стремится к материальным благам... Кажется, начинается идиллия. Но, увы, на жизнь нужны деньги. Сначала Ребель начинает работать, только чтобы просуществовать. Но его деловая хватка сильнее его самого – его снова неудержимо тянет вверх. Ни просьбы жены, ни прошлый опыт не могут остановить его. Он сколачивает новое состояние и... гибнет в авиационной катастрофе, не успев даже осознать бессмысленность своей жизни.

Ребель – не просто делец, а человек дела. Им движут не одни только деньги, но и жажда успеха, подтверждения собственной силы. Хотя он не чужд сильным эмоциям, удовлетворение, которое он получает от своих деловых предприятий, сильнее его привязанности к кому бы то ни было. Он сам порой страдает от этого, но стать иным не в состоянии.

Но является ли этот тип личности социально-всеобщим? В его описаниях социально-исторические свойства причудливо переплетаются с индивидуально-психологическими. Между тем сама "потребность в достижении" по-разному проявляется в условиях разных культур и общественных систем. Принцип "использовал-выбросил", который, по мнению А. Тоффлера, лежит сегодня в основе межличностных отношений, не принцип индустриализма вообще, а плоть от плоти капиталистической системы, в которой рабочая сила является товаром. Трагедия не в том, что человека "выбрасывают" быстрее, чем в прошлом веке, а в том, что его вообще рассматривают и используют как вещь. В мире, где жизнь основана на таком принципе, неутилитарные личные отношения действительно могут существовать лишь как отдельные хрупкие островки, а то и просто миражи.

Однако так обстоит дело не везде. Даже в рамках одной и той же капиталистической системы "японская" иерархия ценностей не тождественна "американской". В социалистическом же обществе, где велико ценностное значение групповой солидарности и личные достижения определяются с коллективистских позиций, принцип "успех любой ценой" вызывает моральное осуждение.

Неоднозначно влияет на дружбу и характерная для городского образа жизни экстенсивность общения. На первый взгляд здесь все ясно: стандартизация условий жизни и быта, делающая город похожим на муравейник, не только подрывает чувство своей индивидуальности, отличия от других, но и ведет к обезличиванию самого процесса общения. Телефон в значительной степени вытеснил из современной жизни личную переписку, телевизор заменяет живой, непосредственный обмен информацией, а под воздействием средств массовой коммуникации люди незаметно для себя начинают ориентироваться на одни и те же шаблоны поведения, чувства и мысли.

Общее следствие всех этих процессов – растущее одиночество и некоммуникабельность. "Одномерный человек" – так назвал типичного представителя этого общества американский философ Г. Маркузе – не способен к глубокой, интимной дружбе и не испытывает потребности в ней.

Но насколько основательна эта мрачная картина современного оскудения человеческих контактов, нарисованная западными критиками "массового общества"? Чтобы ответить на этот вопрос, сопоставим их доводы с конкретными данными социологических исследований по трем основным параметрам: пространственные факторы и предпосылки дружбы в современном городе; влияние социальной мобильности; место дружбы в системе личных отношений и ценностей.

Начнем с элементарных территориально-демографических предпосылок – плотности населения и размеров населенных пунктов. Исторические сдвиги здесь действительно колоссальны.

Круг личных контактов человека аграрной цивилизации был ограничен, по существу, его родными и близкими, хорошо знакомыми ему соседями, жителями той же самой деревни или небольшого города. Посторонние, незнакомые

люди встречались сравнительно редко и уже в силу этого вызывали к себе повышенный интерес.

С ростом плотности населения число человеческих контактов резко увеличивается. По условным подсчетам ленинградского социолога А. В. Баранова, если предположить, что человек передвигается со скоростью 5 км в час четыре часа в сутки, вступая в контакт с каждым встречным, с которым он сближается на расстояние менее 25 м, когда можно распознать выражение лица, и что все остальные люди движутся хаотично, с той же самой скоростью, то при плотности 40 человек на 1 км (это выше средней плотности населения в сельской местности европейской части СССР) индивид встретится за день с 32 людьми. При плотности населения центральных районов Ленинграда 12 тыс. человек на 1 км число таких мимолетных суточных встреч возрастает до 10 тыс.

Избыточное общение усиливает потребность в обособлении, приватизации личного пространства, установлении определенной дистанции между собой и другими, причем с возрастом и повышением образовательного уровня эта потребность возрастает. Экспериментально установлено, что, выбирая место в библиотеке, городском транспорте, столовой, человек, как правило, старается установить некоторую дистанцию между собой и другими, предпочитая не занимать соседних мест. Приватизация проявляется и в семейном быту, в частности, в повышении уровня требований к жизненным условиям. Потребность каждой семьи иметь отдельную квартиру и отдельную комнату для каждого из своих членов – не просто роскошь. По данным социологического исследования, проведенного в 1984 г. в эстонском городе Тарту, семьи, члены которых могут при желании уединиться, обособиться от других (такая возможность возрастает вместе с увеличением количества комнат и уменьшается с увеличением плотности населения квартир), больше удовлетворены своим браком. По данным эстонского психолога М. Хейдметса, в семьях, где у ребенка старше 9–10 лет не было в квартире "своего места" (своего стола, шкафа, уголка или комнаты), то есть объектов личного контроля, взаимоотношения детей и родителей гораздо конфликтнее, чем в других семьях.

Пространственные факторы среды – степень многообразия и разнородности, уровень информационной насыщенности, открытость или замкнутость пространства – сильно влияют и на социально-психологические механизмы общения. Но влияние это опять-таки многозначно.

С расширением круга человеческих контактов у горожанина вырабатывается особый механизм психологической защиты – равнодушие, индифферентность к посторонним, случайным встречным. Незнакомый человек в городе значительно более "чужой", чем в деревне, на него просто не обращают внимания. Поскольку физическое личное пространство горожанина суживается, он вынужден строже охранять границы своего психологического пространства, тщательно дифференцируя свои отношения с родными, соседями, коллегами по работе и посторонними. Чем безличнее и анонимнее среда, тем рельефнее выступают на ее фоне индивидуализированные личные отношения.

Сеть наших личных отношений, одним из звеньев которой является дружба, в значительной степени "задана" объективными социальными условиями. Тезис, что высокая плотность и социальная разнородность городского населения неизбежно порождают рост социального отчуждения, ослабление семейных, родственных и иных "первичных" связей, был впервые сформулирован и эмпирически обоснован американским социологом Л. Виртом на примере Чикаго 30-х годов. Однако Чикаго тогда отличался исключительно бурным и неуправляемым ростом; пришельцы из сельской местности и особенно иммигранты из Европы переживали там огромные социальные трудности и еще не успели обзавестись личными связями. Для более или менее стабильного, хотя и растущего, городского населения, даже в условиях капитализма, столь острая дезорганизация "первичных групп" не типична и не обязательна.

Например, крупнейшее английское социологическое исследование 70-х годов (было опрошено 2199 человек) показало, что размеры населенного пункта и плотность населения сами по себе не ослабляют родственных и семейных связей и не приводят к замене первичных, неформальных контактов более формальными, "вторичными" отношениями. Расширение круга деловых, функциональных отношений в известной степени даже стимулирует активизацию личных связей, а прочность дружеских и родственных отношений зависит не столько от плотности населения и размеров города, сколько от дли-

тельности проживания данной семьи в одном и том же месте. Миф об одиноких, не имеющих друзей или неспособных к дружбе горожанам опровергают и новейшие исследования.

Стало быть, главный фактор социальной разобщенности, отчуждения и одиночества – частые миграции, перемены места жительства? Американский публицист В. Паккард, автор популярной книги "Нация посторонних", объясняет чувство личного отчуждения и социальной изоляции американцев именно нестабильным, "кочевым" стилем их жизни. По подсчетам Паккарда, средний американец в течение своей жизни меняет место жительства в 14 раз чаще англичанина, в 6 раз чаще француза, в 5 раз чаще японца. Отсюда и неустойчивость их личных отношений.

Но и это заключение слишком категорично и социологически поверхностно. Во-первых, нужно учитывать мотивы переселения: многие люди живут на одном месте не потому, что им здесь хорошо, а просто потому, что не могут сменить опостылевшую среду. Во-вторых, психологическое благополучие личности зависит не столько от размеров населенного пункта и длительности проживания в нем, сколько от качественных характеристик взаимоотношений с окружающими людьми и степени личной эмоциональной привязанности к месту жительства.

Социологическое исследование местных общинных отношений в девяти индустриально развитых странах (США, ФРГ, Швеция, Канада, Австрия, Испания, Швейцария, Бельгия и ПНР) и выявило, что, несмотря на высокую территориальную мобильность горожан, привязанность к месту жительства остается важным элементом их личного самосознания. Это чувство местной принадлежности включает множество элементов, субъективная значимость и сила которых (например, привязанность "к месту" – природе, климату, дому и к привычному человеческому окружению) весьма индивидуальны. Их соотношение изменяется с течением времени, возрастом и жизненными условиями и в полной мере осознается только в критических ситуациях, скажем при перемене места жительства. Однако важнейшее условие сравнительно безболезненного привыкания к новой пространственно-социальной среде – личная вовлеченность в местную субкультуру, приобщение к групповой жизни в этой среде. Иными словами, существенно не столько то, как долго человек живет на одном месте, сколько то, как он себя ощущает: посторонним, чужим или же активным соучастником совместной деятельности. Чем демократичнее и живее общинная связь, тем быстрее вписываются в нее вновь прибывшие и тем легче налаживаются их человеческие контакты.

Организация быта – не в последнюю очередь организация человеческого общения. Соседство, территориальная близость – одна из важнейших социально-психологических предпосылок личного знакомства и установления дружеских отношений. Первичной ячейкой, где завязывается детская дружба, обычно бывает "свой двор", чуть позже – "своя улица". С возрастом (а также с получением образования) территориальные рамки выбора друзей заметно расширяются, но все-таки сохраняют свое значение.

Американский социолог К. Бродерик, опросив 7622 пары дружественных городских семей, обнаружил, что почти 30 % из них – соседи, а 28% познакомились благодаря тому, что раньше были соседями. У 300 мужчин, которых французский социальный психолог Ж. Мезоннёв спрашивал о причинах прекращения их прежних дружеских связей, на первом месте (45% всех ответов) оказалась не ремена местожительства своего или друга.

На первый взгляд территориальная близость – только одно из внешних условий возникновения и сохранения дружбы. Однако проведенный французскими социологами эксперимент говорит о большем. В одной военной школе-интернате 400 курсантов (мужчины от 21 до 35 лет) были поселены группами по 40 человек. Расселение проводилось строго по списку, в алфавитном порядке; ничего общего, кроме совместного проживания, у этих людей поначалу не было. Тем не менее, когда спустя несколько недель был произведен социометрический тест – курсантам предложили выбрать тех, кто им более симпатичен, – число взаимных выборов в пределах общей зоны местожительства составило 68 %. По данным социолога З. А. Янковой, соседи по этажу обмениваются услугами чаще, чем соседи по дому, живущие на разных этажах.

Дружеские отношения тесно переплетаются с семейно-родственными и трудовыми. Свыше половины таганрогских рабочих, обследованных Л. А. Гордо-

ном и Э. В. Клоповым, познакомились со своими друзьями на работе;

две пятых друзей инженеров и техников "приобретены" в годы совместной учебы и около трети – на работе. По данным других исследований, свыше 40% друзей у горожан составляют сослуживцы, с которыми они регулярно встречаются на работе. Вполне естественно, что деловое сотрудничество в трудовой деятельности – основной для взрослого здорового человека – часто перерастает в личную близость.

Но как бы ни были хороши личные отношения на службе, интенсивность (частота) домашнего общения зависит в первую очередь от близости проживания: чем больше расстояние, тем реже встречи. Если затраты времени на дорогу превышают один час, подавляющее большинство (84,6%) опрошенных москвичей видится с друзьями не чаще раза в месяц. Это побуждает жителей большого города особенно ценить хороших соседей.

В 1973 г. почти две трети жителей нового микрорайона Москвы через пять лет после его заселения еще не имели личных контактов с соседями. Отчасти потому, что прочные связи еще не успели сформироваться, отчасти потому, что градостроители не предусмотрели соответствующих условий для общения, а также, возможно, и вследствие психологической реакции на вынужденные и слишком тесные контакты с соседями в старых коммунальных квартирах. В 1979 г. при опросе жителей другого сходного московского микрорайона доля людей, не имеющих никаких контактов с соседями, уменьшилась до 30%, а количество дружеских отношений с соседями выросло с 40 до 66%. Изменились и социальные установки. В 1979 г. в пользу тесных дружеских связей с соседями высказались 47,4% опрошенных (в 1973 г. – 33%), за взаимопомощь и совместную общественную деятельность, но без личных отношений – 41,4% (в 1973 г. – 55%), против всяких контактов – 8,2% (в 1973 г. – 23%).

Как видим, люди стремятся не к самоизоляции, а к персонализации своего жизненного Пространства и отношений с окружающими. Тем не менее соседство не сливается с дружбой...

Сравнивая степень субъективной значимости и конкретные функции разных межличностных отношений – семейных, родственных, соседских, дружеских и т. п., социологи выделяют несколько формальных параметров. Плотность (теснота) связи обозначает интенсивность, частоту повседневных бытовых контактов. Например, связь между членами семьи обыкновенно теснее, чем между соседями и тем более между друзьями, живущими в разных районах или городах. Однако понятие плотности связи не отражает субъективной личностной значимости взаимоотношений. Для ее обозначения введено понятие силы связи, которая измеряется сочетанием количества совместно проводимого времени, эмоциональной интенсивности отношений, силы взаимной привязанности, психологической интимности, взаимного доверия и объема оказываемых друг другу услуг. Хотя каждый из этих параметров относительно автономен, между ними существует определенная зависимость.

"Сильные связи", однако, далеко не всегда важнее и эффективнее "слабых". Факторы, усредненные в понятии "силы", сплошь и рядом рассогласованы. Например, количество совместно проводимого времени и объем оказываемых бытовых услуг между соседями зачастую выше, чем между друзьями, живущими в разных районах или городах; тем не менее эмоциональная привязанность и психологическая интимность дружбы будут сильнее. Даже когда соседские отношения достаточно персонализированы, они строятся преимущественно как обмен разного рода услугами (уход за детьми, бытовая взаимопомощь) и в меньшей степени как обмен информацией (обсуждение политических или местных новостей, разговоры о работе, семейных делах и т. д.). Интимность, самораскрытие и другие личные ценности, в которых проявляется специфика дружбы, с соседством не ассоциируются. Исключение представляют лишь случаи, когда соседские отношения перерастают в дружеские, то есть повышаются в ранге. :

Следует заметить, что иерархия и функции разных первичных групп – членов семьи, родственников, сослуживцев, соседей и друзей – не даны раз и навсегда. Они зависят от конкретных житейских ситуаций. Например, в одном из социологических исследований большой группе венгров (573 человека) было предложено ответить, на чью помощь они больше всего рассчитывают, если понадобится присмотреть за детьми в течение часа или в течение недели. В ситуации краткосрочной помощи у большинства (73%) опро-

шенных первое место заняли соседи, второе (56%) – родственники и лишь третье (33%) – друзья. Во второй ситуации на первое место (66%) вышли родственники, на второе (47%) – друзья, соседи же оказались на последнем (46%) месте. Отвечая на вопрос, кто больше помог им во время тяжелой болезни, 293 американца назвали в первую очередь (от 43 до 46%) ближайших родственников, во вторую (38%) – друзей, в третью (29%) – соседей и в четвертую (20%) – дальних родственников.

Иерархию отношений практической взаимной помощи установить сравнительно легко. Но дружба сегодня больше, чем когда-либо в прошлом, ассоциируется прежде всего с духовной близостью, потребность в которой принципиально безгранична, ненасытаема. С этим связано и представление о ее "оскудении".

Каждому человеку хочется, чтобы его любили не за что-то, а ради него самого. Если мы замечаем, что друзья обращаются к нам преимущественно в момент нужды, нам становится обидно. Но мы и сами поступаем так же! Дружеские отношения ценны прежде всего потенциально, давая уверенность в том, что нам есть с кем поделиться, есть к кому обратиться за помощью. Реальная потребность такого рода возникает не так часто, в зависимости от конкретных обстоятельств. Однако это не значит, что в остальное время мы забываем или перестаем любить своих друзей, как и они нас. Дружба просто ждет своего часа. Только наши личные часы не всегда синхронны: актуальная потребность в душевной близости или практической помощи возникает у нас и у наших друзей в разное время, порождая чувство обиды и непонятости. Но так было во все времена! Необходимое условие прочной дружбы – вера в друга и взаимная терпимость. И современный человек в этом отношении не лучше и не хуже своих предков.

То же можно сказать и относительно "овеществления" дружбы. Законы товарного производства, в частности обобществление сферы услуг, освобождают социально-бытовые отношения от той личной формы, в которую они облекались в патриархальном прошлом.

Приобретение какой-либо вещи или услуги уже не требует личных контактов, осуществляясь по принципу "деньги – товар". Но как только система товарообмена разлагается, например возникает пресловутый "дефицит", на авансцену снова выступают личные связи. Эти связи по своей сути чисто функциональны. Формула "ты мне – я тебе" предполагает всего лишь более или менее эквивалентный обмен. Но поскольку этот обмен услугами закрыт для посторонних, он становится привилегией и осуществляется исключительно "по знакомству". А поддержание знакомства требует усилий, времени и морального обоснования. "Нужные люди" не только для приличия именуются друзьями, но и в самом деле вызывают расположение – надо же ценить оказанные услуги! – побуждая закрывать глаза на их сомнительные махинации. Все это в полной мере проявилось в советском обществе в годы застоя. С одной стороны, вследствие растущего дефицита и коррупции резко повысилось значение личных, персонализированных отношений и связей, позволяющих индивиду преодолевать холодное равнодушие и неэффективность бюрократической системы. С другой стороны, расширение круга псевдоличных, а по сути – сугубо прагматических, функциональных отношений повлекло за собой оплошление и инфляцию самого понятия дружбы, которое сводится к отношениям обмена.

Но выводить такую деформацию понятия дружбы из глобальных процессов "массового общества" столь же наивно, как винить в оскудении общения телефон или телевизор. Такие опасения были всегда. Платон, к примеру, считал, что уже появление письменности подрывает индивидуальность мышления, так как отныне люди будут усваивать знания "по посторонним знакам", в результате чего будут "казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых" (Федр, 275 а-в). Сегодня мы виним в оскудении общения телевизор и компьютеры.

Характерно, что самый тезис о "некоммуникабельности" современного человека существует в двух прямо противоположных вариантах. В первом случае утверждается, что "одномерный человек" не испытывает потребности в прочных и интимных контактах, а во втором – что он не в силах удовлетворить эту потребность. Между тем многие факты, которые на первый взгляд кажутся проявлениями деиндивидуализации, на самом деле отражают гиперт-

рофированный эгоцентризм.

Вот один пример. Двое влюбленных из рассказа А. Моравиа "Игра" пытались, объявив войну "избитым истинам", устранить из своего лексикона штампы и тривиальности. Но вскоре выяснилось, что без этих шаблонов они просто не могут общаться. Их политические суждения и оценки оказались заимствованными из газет и радио, а слова любви – из массовой литературы. Даже попытка самоубийства и та безнадежно банальна. Убедившись в этом, герои Моравиа вынуждены отказаться от опасной игры: "Ничего не поделаешь: мы, бедняги, выросли на иллюстрированных журналах, комиксах, телевидении, радио, кино и дешевом чтиве. Так давай же признаем это со всей откровенностью, смирился и – дело с концом!"

Явная мораль рассказа итальянского писателя состоит в том, что дешевый массовый стандарт нивелирует личность, лишая ее средств индивидуального самовыражения. Однако найти оригинальный способ выражения наиболее массовых (и в этом смысле банальных) человеческих переживаний ничуть не легче, чем сделать научное или художественное открытие. Оно и есть открытие! Большинство людей всегда пользуются при этом "готовыми" формулами, привнося "от себя" лишь интонации. "Протест" героев Моравиа говорит не столько об их обезличенности, сколько о гипертрофированном чувстве собственной индивидуальности, которая не удовлетворяется готовыми экспрессивными формами и мучается их неадекватностью. Их конформизм заключается в том, что они не верят сами себе и жаждут внешнего подтверждения своей индивидуальности. Но если ты в самом деле любишь, по все ли тебе равно, сколько миллионов людей произносили слова любви до тебя? Для тебя и твоей любимой они единственные и несравненны.

Таким образом, социологические исследования дружбы в современную эпоху, если рассматривать их выводы на фоне исторического опыта прошлого, демонстрируют не столько "оскудение" дружеских чувств и отношений, сколько усложнение и психологизацию их критериев, в свете которых реально существующие личные связи выглядят бедными и неудовлетворительными. Отсюда – и характерный, хотя отнюдь не новый, парадокс массового сознания.

Дружеские отношения возглавляют список важнейших ценностей и условий личного счастья, часто считаются даже более важными, чем семейно-родственные связи. Из 40 тыс. американцев, ответивших на анкету популярного журнала, свыше половины сказали, что в кризисной ситуации обратились бы к друзьям раньше, чем к членам собственной семьи. У советской молодежи вера в дружбу еще сильнее. Даже при сравнительно редких встречах и большом расстоянии, дружеские отношения, как правило, считаются наиболее интимными и психологически важными, наличие близких друзей служит важнейшим условием субъективного благополучия.

В то же время повсеместно раздаются жалобы на одиночество. Отвечая на вопрос о своих жизненных планах, молодые ленинградцы поставили на второе место (88,1% всех ответов) – "найти верных друзей" (на первом месте стоит получение любимой работы). Хотя с возрастом иерархия ценностей меняется, дружба всегда занимает одно из первых мест. Сравнивая ценностные ориентации большой группы советских инженеров с аналогичными американскими данными, социологи во главе с В. А. Ядовым выявили, что у советских людей ориентация на друзей ("хорошие, верные друзья") стоит на шестом месте (ей предшествуют такие ценности, как сохранение мира, здоровье, интересная работа, счастливая семейная жизнь и любовь), а у белых американцев – на десятом месте. Из числа ответивших американцев "часто" или "иногда" чувствуют себя одинокими две трети. В девяти странах Западной Европы на сходный вопрос аналогичным образом ответили свыше трети опрошенных. Эта проблема существует и у нас. Стоило "Комсомольской правде" напечатать письмо 15-летней ленинградки, которая жаловалась на отсутствие настоящего друга, как в редакцию поступило свыше полутора тысяч сочувственных откликов. Такой же широкий резонанс среди людей старшего возраста встретила опубликованная в "Литературной газете" статья публициста Е. Богата "Концерт по радио. Исповедь одинокого человека".

Можно ли как-то ослабить это противоречие, уменьшить трудности личных отношений, связанные с урбанизацией, массовыми миграциями населения и т. п.? Безусловно.

Прежде всего, этому способствует улучшение морально-психологического

климата в трудовых коллективах, где завязываются и развиваются многие личные контакты и привязанности людей. Во-вторых, необходимо создание более благоприятных объективных предпосылок для неформального человеческого общения, удовлетворяя как потребность в приватизации жилого и вообще социального пространства, так и потребность в общении, совместном отдыхе, развлечениях и т. д. Это в большой степени зависит от архитекторов и градостроителей. В-третьих, нужна активизация самих процессов общения путем поощрения более разнообразных и автономных форм свободной самодетельности – добровольных обществ, клубов по интересам, возрождения традиционных народных праздников и т. п. В-четвертых, требуется специальная забота о тех категориях людей, которые по тем или иным причинам испытывают особые коммуникативные трудности (подростки, одинокие старики, жители новых городов и микрорайонов).

Пока наше общество переживало засилье бюрократии, сделать это было практически невозможно, так как любая личная или групповая инициатива вызывала настороженность бюрократического аппарата и встречалась в штыки. Сейчас положение постепенно меняется. Демократизация общества означает, в частности, появление множества разных организованных и неформальных групп и сообществ, в том числе альтруистических, направленных на оказание помощи нуждающимся в ней людям.

Но никакое общество не может "снабдить" всех своих членов друзьями и гарантировать им счастье и благополучие. Личные отношения в силу их глубокой субъективности не поддаются налаживанию и регулированию извне.

Глобальные теории "отчуждения", "дегуманизации" и "оскудения" личности и личных отношений ставят очень важные социально-философские проблемы, по делают это слишком абстрактно. Их социальный критицизм иллюзорен, так как не оставляет места индивидуальному выбору и нравственному поиску. Если все трудности и зловключения "современной дружбы" коренятся в глобальных процессах урбанизации или НТР, мы практически бессильны. Мы жертвы не столько нашего собственного эгоизма, равнодушия и вещизма, сколько общих тенденций исторической эпохи. Но это неправда!

Сегодня, как и вчера, люди дружат и любят по-разному. Характер социальных проблем и уровень требований действительно изменились. Раньше человек страдал, часто не сознавая этого, от слишком жесткого общинного контроля. Обязательное соблюдение церковных ритуалов, вынужденное общение с многочисленными соседями и родственниками, постоянная оглядка на то, "что будет говорить княгиня Марья Алексевна" – вот что лимитировало свободу и индивидуальную избирательность дружбы. Ныне мы жалуемся на суєтность быта, рационализм и эфемерность человеческих контактов. Но разве наш стиль жизни не зависит от пашей собственной воли? Разве нет людей, которые ставят тепло человеческих отношений выше заработка, которые приглашают в дом не "нужных", а близких людей и предпочитают задушевную беседу самой увлекательной видеокассете? Трудно? Приходится чем-то жертвовать? Но глубокие чувства и отношения потому и ценились во все времена, что они никому и никогда не давались даром.

Людям свойственно преувеличивать свои и преуменьшать чужие трудности. В историческом сознании это выражается прежде всего в ссылках на "среду" и "эпоху". Древнеегипетский автор "Спора разочарованного со своей душой", слова которого приводились во введении к книге, делал это еще два с половиной тысячелетия назад. Но если мы не просто ищем себе оправдания, а хотим жить по нормам собственного разума и совести, не стоит пенять на кривое зеркало. "Наше время" – это мы сами, а нравственный поиск начинается с осознания того, что мы таковы, какими себя создаем.

Это подтверждается не только историей дружбы, но и ее психологией.

5. ПСИХОЛОГИЯ ДРУЖБЫ

У меняі есть друг, я люблю – .значит, я существую.
М, Пришвин

Что же такое дружба с точки зрения психологии? Все ее житейские определения суть метафоры, каждая из которых высвечивает какой-то один ракурс проблемы. "Друг – товарищ" подразумевает наличие совместной деятельности и общих интересов. "Друг – зеркало" подчеркивает функцию самопознания, а партнеру в этом случае отводится пассивная роль отражения; "Друг – сострадальник" олицетворяет эмоциональное сопереживание. "Друг – собеседник" высвечивает коммуникативную сторону дружбы, самораскрытие и взаимопонимание. "Друг – "альтер эго" прдразумевает как ассимиляцию, уподобление другому себе, так и идентификацию, уподобление себя другому, саморастворение в другом.

Каждая из этих метафор по-своему правомерна. Но обозначают ли они разные типы дружбы, или разные ее компоненты, или разные стадии, развития одного и того же взаимоотношения? Реальный прогресс в изучении психологии дружбы начинается не с уточнения определений, а с дифференциации вопросов.

Возникшая в конце XIX в. психология дружбы, как, впрочем, и другие науки о человеке, первоначально (и вплоть до середины XX в.) ставила вопросы общего характера: каков источник дружбы, как соотносятся ее рациональные и эмоциональные компоненты и чем поддерживается однажды возникшее отношение? Исследователи этого периода собрали большой эмпирический материал о том, как разные люди – преимущественно дети и подростки – понимают дружбу и выбирают друзей. Но интерпретация данных большей частью не выходила за рамки представлений обыденного сознания и не увязывалась с какими-либо специальными психологическими теориями.

Аналитический период психологии дружбы, начавшийся в конце 50-х годов, был связан с социально-психологическими исследованиями межличностной аттракции. Слово "аттракция" (attraction), как и древнегреческое "филия", обозначает буквально притяжение, влечение. В социальной психологии понятие "межличностной аттракции" определяют как когнитивный (познавательный) компонент эмоционального отношения к другому человеку, или как некоторую социальную установку, или, наконец, как эмоциональный компонент межличностного восприятия (социальной перцепции).

Главный вопрос психологии аттракции: "Что привлекает людей друг к другу?" – содержательно неоднозначен. Он охватывает и потребности субъекта, побуждающие его выбирать того или иного партнера; и свойства объекта (партнера), стимулирующие интерес или симпатию к нему; и особенности процесса взаимодействия, благоприятствующие возникновению и развитию диадических (парных) отношений; и объективные условия такого взаимодействия (например, принадлежность к общему кругу общения). Эта многозначность проблемы обусловила тематическую пестроту психологических исследований аттракции. Из 403 эмпирических ее исследований, опубликованных в 1972–1976 гг. в американских научных журналах, 147,5 были посвящены формированию у людей впечатлений друг о друге, 128,5 – процессам словесного и поведенческого взаимодействия, встречам и контактам, лишь 127 – более или менее длительным дружеским (33) или любовным (94) отношениям.

Столь же многообразными были и сами теории аттракции. Одни из них описывали преимущественно ее интраиндивидуальные, внутренние предпосылки, другие – механизмы общения, третьи – стадии его развития, четвертые – конечные результаты. В зависимости от исходных теоретико-методологических установок авторов дружба рассматривалась то как своеобразная форма обмена, то как удовлетворение эмоциональных потребностей, то как информационный процесс взаимного познания, то как социальное взаимодействие индивидов, то как уникальный и неповторимый диалог личностей.

Самая простая, поведенческая модель аттракции, характерная для необихевиоризма (Д. Хоманс, Д. Тибо и Г. Келли), считает важнейшим условием всякого парного взаимодействия обмен вознаграждениями (положительное подкрепление) и издержками (отрицательное подкрепление). Чтобы личные отношения развивались и поддерживались, согласно теоретикам необихевиоризма, партнеры должны получать друг от друга и от самого процесса взаимодействия максимум поощрений и минимум издержек. Эксперименты, поставленные в соответствии с этой теоретической ориентацией, стараются взвесить прежде всего объективные следствия, "исходы" процесса дружеского взаимодействия: удастся ли партнерам получить искомое "вознаграждение" в виде удовольствия, "уменьшения напряженности", практической пользы и т.

п. Более сложные модели, например Дж. Клора и Д. Бирна, А. и Б. Лотт, анализируют не только "исходы", но и типы стимулов - соотношение таких факторов дружбы, как сходство личных черт, близость социальных установок и характер. эмоционального взаимодействия партнеров. Однако их общей методологической основой остается теория научения.

Для объяснения такого сложного явления, как дружба, этот подход нельзя признать удовлетворительным - он слишком элементарен. Его прообраз - деловое партнерство, в котором партнер выступает как средство удовлетворения эгоистических потребностей, субъекта и не предполагается ни глубины, ни интимности, ни моральных обязательств друг перед другом. Да и самый "обмен" рассматривается на уровне отдельных, изолированных потребностей и желаний индивида, без учета их места в жизненном мире целостной личности. Это своего рода психологический эквивалент старой философской теории "разумного эгоизма".

Хотя "обмен";-деятельностью, мотивами, ценностями и т. п.-объективно присутствует в любых межличностных отношениях, в более гибких теориях дружбы он фигурирует в качестве частного, подчиненного элемента.

Психодинамическая теория, представленная, в частности, психоанализом, усматривает истоки дружбы, как и всех прочих привязанностей, в неосознаваемых эмоциональных потребностях личности. Основоположник психоанализа З. Фрейд считал, что все человеческие влечения и привязанности, будь то дружба, родительская любовь или преданность идее, имеют в конечном счете инстинктивную природу, являясь формами полового влечения, либидо, которое он, впрочем, определял весьма расширительно.

Авторы более поздних психоаналитических теорий мотивации, сложившихся в рамках неопрейдистских концепций, признают наличие у человека особых межличностных, коммуникативных потребностей. Например, американский психолог У. Шутц, автор модели "фундаментальной ориентации межличностных отношений", утверждает, что человек обладает, определенным соотношением трех межличностных потребностей: в принадлежности, (аффилиации), контроле и любви. Уровень каждой из этих потребностей закладывается в раннем детстве, предопределяя будущие коммуникативные свойства и реальное общение взрослого. Решающую роль "значимых, других" в формировании личности подчеркивает основатель "межличностной теории психиатрии" Х. С. Салливан.

В целом психодинамическая теория атракции лучше подходит для описания безотчетных и неподконтрольных разуму привязанностей, нежели для свободно создаваемых дружеских отношений. В психоаналитических концепциях другу чаще всего отводится роль зеркала, на которое субъект проецирует собственные неосознаваемые черты, или идеального образца для подражания, идентификации. Кроме того, эта концепция склонна абсолютизировать "травматические" последствия отрицательного детского опыта, оставляя в тени процессы и механизмы межличностных отношений взрослых.

Если поведенческий подход фиксирует "молекулярные" процессы межличностного взаимодействия, а психодинамический - внутри-личностные потребности, то когнитивная психология анализирует информационную и процессуальную сторону общения, пытаясь ответить на вопрос, как именно происходит межличностная коммуникация. Представители этого направления (Ф. Хайдер, Т. Ньюком, Э. Уолстер, З. Рубин и др.) исследуют прежде всего познавательные и символические моменты человеческих взаимоотношений: социальные установки, ценностные ориентации, знаки, значения и т. д.

В отличие от "наивной" психологии, которая пыталась вывести атракцию, тягу тех или иных людей друг к другу непосредственно из их объективных сходств или различий, когнитивная психология подчеркивает значение процессов атрибуции (приписывания).

По мнению ее теоретиков, в дружбе важно не столько фактическое совпадение или несовпадение индивидуальных черт, сколько их восприятие, то, какие качества друзья приписывают один другому и какова тенденция такой атрибуции (в друзьях мы склонны видеть только хорошее, а во врагах - только плохое). "Обмен подкреплениями", который необихевиористы трактуют наивно-механистически, в свете когнитивной "теории справедливости" предстает более сложным психологическим процессом: желание получить от общения максимум удовлетворения индивид обычно соизмеряет со своими представлениями о справедливом обмене, и это побуждает его заботиться не

только о собственной выгоде, но и об интересах партнера.

Когнитивная психология положила начало систематическому изучению "языка дружбы" – терминов, в которых люди осмысливают и описывают свои взаимоотношения и представления друг о друге, а также "личностных конструктов" (Д. Келли, С. Дак и др.) – специфических оппозиций, противоположных понятий, используемых субъектом для категоризации себя или других людей. Из этих понятий складывается его имплицитная (молчаливо подразумеваемая) теория личности. Например, категоризация окружающих по оси "люди цели" – "люди эмоций" отражает представление индивида об антагонизме, целенаправленности и эмоциональности и определяется, по-видимому, спецификой его личного жизненного опыта. Знание "репертуарных позиций" индивида, структуры значимых для него социальных ролей и их субъективного смысла позволяет психологу заглянуть в его внутренний мир и его интимное окружение. Важное значение для психологии дружбы имеет также межличностная компетенция – освоение индивидом необходимых навыков общения, умение завязывать знакомство, раскрываться и понимать других.

Символический интеракционизм (Д. Мид, Д. Мак-Колл и др.) выдвигает на первый план социально-структурные (ролевые) и культурно-символические (значение) аспекты личных отношений в связи с развитием самосознания. Поскольку личность формируется и осознает себя только во взаимодействии с другими людьми, приверженцы этого направления видят цель изучения дружбы в расшифровке психологического содержания этого процесса – уяснения, почему данное Я привязывается к данному Другому. Межличностная аттракция, по определению Мак-Колла, отличается от формальных или деловых взаимоотношений тем, что в ней присутствует Я, желающее на "основе своей положительной привязанности к Другому установления личных взаимно активных отношений с ним.

Интеракционисты оперируют такими категориями, как. принятие роли другого, ролевое поведение, определение ситуации и Я. Принятие роли предполагает способность поставить себя на место другого лица, представив себе требования его социальной позиции, испытываемые им чувства и смысл, который имеет для него данная роль и поведение. Исполнение роли подразумевает овладение системой правил, от соблюдения которых зависят эффективность и уместность соответствующих поступков, жестов и т. п., а определение ситуации – координацию собственных намерений и целей с намерениями и целями остальных участников взаимодействия. Это возможно лишь при наличии устойчивой системы самооценок и одновременно способности взглянуть на себя глазами других. Подобный подход имеет смысл применительно к описанию таких явлений, как развитие межличностной компетенции, зависимость личных отношений индивида от его положения и популярности в группе, связь дружбы с уровнем развития самосознания.

Хотя по своим исходным посылкам все перечисленные подходы к осмыслению психологических аспектов межличностного взаимодействия различны, а кое в чем даже противоположны, вместе с тем они взаимодополнительны, каждый из них имеет определенное рациональное зерно. Любой отдельно взятый акт межличностного взаимодействия и весь этот процесс в целом можно рассматривать и как поведенческий процесс сближения и соотнесения двух независимых друг от друга субъектов, и как познание одного субъекта другим, и как удовлетворение какой-то внутренней эмоциональной потребности субъекта, и как процесс символического взаимодействия, в ходе которого индивиды не просто обмениваются информацией, а усваивают точки зрения и жизненные перспективы друг друга, расширяя тем самым границы собственных Я.

При этом более сложная теоретическая модель потенциально включает в себя элементарные как свои аспекты или частные случаи. Так, модель общения как взаимодействия самосознательных Я и Ты включает процессы их взаимного познания (поскольку самосознание предполагает самопознание, а усвоение жизненной перспективы другого невозможно без уяснения его роли и позиции) и удовлетворения эмоциональных потребностей (поскольку "образ Я" охватывает и эмоционально-оценочные компоненты). Когнитивистская модель, в свою очередь, предполагает наличие элементарных процессов обмена и подкрепления, описываемых бихевиористской схемой, и т. д.

Однако, несмотря на интересные частные результаты, самым важным и неожиданным выводом психологии аттракции оказалось доказательство от-

сутствия факторов, жестко детерминирующих уровень атракции. Ее причины действительны лишь в определенном диапазоне условий и в сочетании с другими переменными. Будучи объективно обусловленным, человеческое общение, в том числе и такая его форма, как дружба, определяется в то же время и волей его участников, их желанием, тем, какой стиль поведения они выберут, и другими непредсказуемыми, зависящими только от них особенностями.

В начале 80-х годов психологам стало ясно, что исследование отдельных установок, потребностей мешает разглядеть целостность жизненного мира личности, а сведение личных отношений к серии "взаимодействий" затемняет их глубинный личностный смысл. Лабораторные методы больше подходят для анализа статичных, неразвивающихся однократных встреч посторонних людей, чем естественных, жизненных отношений. В лабораторных исследованиях практически невозможно учесть развитие личных отношений во времени, а также активные усилия и потребности их участников. Дружеские отношения и их "уровни" мыслились не как живые, динамические, изменчивые, имеющие субъективный смысл процессы, а как стабильные "состояния".

Новая научно-теоретическая парадигма, пришедшая на смену теории межличностной атракции, рассматривает дружбу как особый вид личных отношений. В чем ее особенности?

1. Круг явлений, охватываемых понятием "личные отношения", гораздо уже и определеннее феноменов "межличностной атракции". Речь идет не о случайных краткосрочных контактах, а только об относительно устойчивых, развивающихся взаимоотношениях.

2. В отличие от функционально-ролевых отношений, личные отношения индивидуальны, персонализированы, в ходе их становления и развития образуется новый субъективный, личностный смысл, обогащающий обоих участников, чего не происходит при простом информационном или поведенческом обмене.

3. Личные отношения необходимо изучать в естественной среде с учетом фактора времени, причем не только в восходящей (знакомство, углубление, поддержание), но и в нисходящей (ухудшение, ослабление, разрыв отношений) стадиях развития.

4. Поскольку речь идет о субъектно-субъектных отношениях, их развитие складывается не автоматически, в соответствии с универсальными нормами, а в зависимости от сознательных усилий и коммуникативной стратегии партнеров.

5. За иллюзией стабильного состояния и плавного- перехода из одной стадии отношений в другую скрывается драматический процесс изменений, неопределенности, переговоров, атрибуций и т. п.

6. Значение и смысл этих процессов сплошь и рядом не осознаются, а их последствия по-разному интерпретируются участниками отношения. Поэтому важно различать их объективную детерминацию, субъективную мотивацию и ретроспективную легитимацию (объяснение и оправдание).

Психология личных отношений как особое направление научных исследований впервые получила конкретное оформление и закрепление в одноименном пятитомном труде, созданном при участии советских психологов и вышедшем под редакцией С. Дака и Р. Гилмура. Кроме того, с 1984 г. выходит специальный междисциплинарный журнал "Journal of Social and Personal Relationships" под редакцией того же Дака, а в 1985 г. организовано Международное общество для изучения личных отношений.

В философско-методологическом плане подходы этого направления близки, с одной стороны, к идеям получившей развитие на Западе "гуманистической психологии", а с другой -- "диалогическому" пониманию общения, развиваемому на базе идей М. М. Бахтина, Л. С. Выготского и А. А. Ухтомского советскими философами В. С. Библером и М. С. Каганом, психологами А. Н. Леонтьевым, А. В. и

В. А. Петровскими, культурологами Л. М. Баткиным, Ю. М. Лотманом и др. Можно ли, однако, перевести столь сложную проблематику в русло эмпирических научных исследований и что нам фактически известно об объективных предпосылках дружбы, ее подразумеваемых правилах, стадиях развития и психологических механизмах?

Что касается объективных предпосылок, то, как и все прочие личные отношения, дружба во многом зависит от системы социальных связей, круга непосредственного общения личности, обусловленных территориальной близостью, социально-групповой принадлежностью - и совместной дея-

тельностью. Однако психологическая значимость этих факторов неодинакова.

Американский социальный психолог Т. Ньюком в порядке эксперимента расселял студентов-первокурсников Мичиганского университета по комнатам в разных сочетаниях по принципу сходства или несходства установок, а затем изучал динамику их взаимоотношений. Оказалось, что на ранних стадиях знакомства аттракция больше зависит от пространственной близости, чем от сходства установок, однако в дальнейшем положение меняется и сходство установок перевешивает влияние соседства.

Влияние пространственной близости на личные отношения в большинстве случаев опосредствуется и дополняется другими названными факторами - групповой принадлежностью и совместной деятельностью, связанной с определенным разделением функций, кооперацией и взаимопомощью. Как и обыденное сознание, научная психология различает деловые, функциональные отношения и личные, индивидуальные привязанности, а также обусловленное принадлежностью к одному и тому же коллективу товарищество и основанную на индивидуальном выборе и личной симпатии дружбу.

Деловые отношения, или, как называют их вслед за А. С. Макаренко некоторые советские ученые, отношения ответственной зависимости, подчинены достижению какой-то вне-индивидуальной цели - производственной, учебной и т. д. Они всегда специализированы, и личность участвует в них как исполнитель определенной социальной функции, роли. Принадлежность к данному коллективу и вытекающее из нее чувство солидарности с другими его членами (товарищество) не обязательно предполагают личную симпатию к каждому из них в отдельности, без чего немыслима дружба. "Вопрос отношения товарища к товарищу, - писал Макаренко, - это не вопрос дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости" .

Однако различие дружбы и товарищества относительно. Тесная кооперация и взаимопомощь в совместной деятельности легко и незаметно перерастают во взаимную симпатию. Коллектив сплавляется не только общей заинтересованностью его членов в результатах их совместной деятельности, но и чувством групповой солидарности, сопричастности к целому. Степень эмоциональной идентификации индивидов с группой - один из главных показателей сплоченности коллектива. А идентификация с коллективом невозможна без взаимной поддержки и заботы об отдельных товарищах. "Чувство локтя" - важнейший общий компонент товарищества и дружбы. Поэтому товарищеские отношения не просто фон, а живая питательная среда для возникновения и развития индивидуализированной дружбы.

Недаром большую часть своих друзей люди приобретают именно в процессе совместной деятельности, в своих производственных или учебных коллективах, причем значение этого вида общности значительно перевешивает роль территориально-бытовых факторов. Об этом свидетельствуют, в частности, данные уже упоминавшихся исследований Л. А. Гордона и Э. В. Клопова.

Важное значение совместной деятельности и коллективной принадлежности для возникновения дружбы доказывается и социально-психологическими экспериментами. Известен, например, эксперимент американского социального психолога М. Шерифа .

Группа мальчиков 11-12-летнего возраста, взятых из разных школ и ранее никогда не встречавшихся друг с другом, была вывезена в загородный лагерь. В течение трех дней подростки имели возможность совершенно свободно общаться друг с другом, у них складывались какие-то привязанности, возникали группировки, игровые компании и т. д. После того как между ребятами установились определенные личные взаимоотношения, был проведен социометрический тест, в ходе которого каждый назвал своих лучших друзей. Затем ребята были разделены на две команды таким образом, чтобы две трети лучших друзей каждого оказались в противоположной команде. Каждая команда получила собственное задание, общение между членами разных команд было сведено к минимуму, а сами команды поставлены в отношения соревнования и соперничества. Через несколько дней мальчиков снова просили назвать своих лучших друзей, подчеркнув, что они могут выбирать но только из собственной команды, но и из другой. На сей раз выбор оказался совершенно другим. Членство в команде решительно перевесило первоначальные личные симпатии: число "лучших друзей" из собственной команды составило в одном случае 95%, в другом - 88%.

Эксперимент свидетельствует, что индивидуальное предпочтение полностью определяет выбор друзей там, где отсутствуют сложившиеся коллективы и -группы. Но если индивид уже находится в составе какой-то группы, имеющей собственные цели, определенное распределение ролей и т. д., это накладывает отпечаток и на его личные предпочтения. Как правило, он выбирает друзей из числа тех людей, с которыми чаще общается в повседневной деятельности и с которыми его связывает чувство групповой солидарности.

Разумеется, реальная жизнь сложнее экспериментальной ситуации. Каждый человек одновременно принадлежит не к одному, а к нескольким разным коллективам (производственным, общественно-политическим, семейно-бытовым) и имеет целый ряд референтных групп, с которыми он соотносит свое поведение. Между тем количество близких друзей ограничено. Отсюда - проблема индивидуального выбора, с которого, собственно и начинается психология дружбы, в отличие от психологии коллективной деятельности или психологии общения.

Как и все прочно человеческие отношения, дружба регулируется определенной системой правил. Кодекс древней институционализированной дружбы был, как мы видели, достаточно четко выраженным. Сегодня правила дружбы большей частью молчаливо подразумеваются. Тем не менее их соблюдение очень важно для поддержания и оценки глубины дружеских отношений. Каковы же эти правила?

Английские психологи М. Лргапл и М. Хендерсон путем серии опросов установили, какие из 43 предполагаемых общих правил поведения считаются наиболее важными для дружбы среди англичан, итальянцев, японцев и жителей Гонконга (мужчин и женщин в возрасте от 18 до 25 и от 30 до 60 лет). Затем по критериям соблюдения или нарушения этих правил ученые сравнили успешные, продолжающиеся отношения дружбы с распавшимися, а также дружеские отношения, высоко или низко оцениваемые их участниками. И наконец, проверили, нарушение каких правил чаще всего приводит к разрыву дружбы или воспринимается как причина ее прекращения.

При этом исследователи исходили из следующих гипотез.

Как и все прочие отношения, дружба предполагает набор неформальных правил. Эти правила позволяют друзьям поддерживать определенный уровень того или иного положительного подкрепления, а также избегать ревности к третьим лицам.

Существуют правила, обеспечивающие сохранение тайны и уважение к индивидуальности другого.

При всех межкультурных различиях разные культуры имеют сходный неформальный кодекс дружбы.

Правила взаимного вознаграждения позволяют различать тесную интимную дружбу от менее интимной.

Правила женской дружбы придают большее значение самораскрытию и эмоциональной поддержке, чем аналогичные правила мужской дружбы.

В дружбе молодых людей помощь и совместное времяпрепровождение имеют большее значение, чем в дружбе лиц старшего возраста.

При разрыве дружеских отношений люди чаще приписывают нарушение правил другим, чем себе.

При разрыве дружбы нарушение правил, обеспечивающих положительное подкрепление, упоминается реже, чем нарушение правил, регулирующих конфликтные ситуации, например обман доверия или вторжение в личные сферы.

Нарушение некоторых правил воспринимается как естественная причина прекращения дружбы; например, несоблюдение норм доверия и взаимного уважения ведет к ухудшению отношений, а нарушение правил, предотвращающих конфликты, вроде запрета вторгаться во внутренний мир партнера, - к разрыву.

В общем и целом гипотезы подтвердились. Из 27 общих правил дружбы, сформулированных на основе первого этапа исследования, наиболее важными оказались 13, которые были распределены на четыре группы: обмен, интимность, отношение к третьим лицам, взаимная координация.

Неписанные правила дружбы

Обмен

Делиться новостями о своих успехах
Выказывать эмоциональную поддержку
Добровольно помогать в случае нужды
Стараться, чтобы другу было приятно в твоём обществе
Возвращать долги и оказанные услуги

Интимность

Уверенность в другом и доверие к нему

Отношение к третьим лицам

Защищать друга в его отсутствие
Быть терпимым к остальным его друзьям *
Не критиковать друга публично **
Сохранять доверенные тайны **
Не ревновать и не критиковать прочие личные отношения другого **

Координация

Не быть назойливым, не поучать *
Уважать внутренний мир и автономию друга **

Самыми важными представляются шесть правил, не отмеченных звездочками, так как они отвечают всем четырем критериям: единодушно признаются важными для дружбы; отличают продолжающуюся дружбу от распавшейся и высоко оцениваемые отношения от низко оцениваемых; несоблюдение этих правил считается вероятной и уважительной причиной прекращения дружбы.

Правила, отмеченные одной звездочкой, отвечают трем критериям, но не позволяют отличить близких друзей от менее интимных. Иными словами, они важны для обычных уровней дружбы, но при особенно тесных отношениях могут быть нарушены: близкие друзья не считаются одолжениями, прощают непереносимость к общим знакомым и даже некоторую назойливость.

Правила, отмеченные двумя звездочками, отвечают двум критериям: они считаются важными и их нарушение может способствовать прекращению дружбы, однако оценка глубины дружеских отношений от них не зависит. Эти правила – избегать публичной критики, хранить доверенную тайну, не ревновать к третьим лицам и уважать личный мир другого – неспецифичны для дружбы, они действуют во многих других личных отношениях и ситуациях.

Изучение неписаного кодекса дружбы имеет важное теоретическое и практическое значение. Очевидно, что дружба предполагает соблюдение всех основных правил человеческого общежития, действующих и в менее тесных общественных, коллективных и личных отношениях. Однако соотношение, значимость и иерархия этих правил неодинаковы. По мере углубления и индивидуализации дружеских отношений элементарные общие нормы "обмена" утрачивают часть своего значения, уступая место более сложным и тонким правилам интимности.

При всем отличии современных дружеских отношений от древней институционализированной дружбы понятию дружбы внутренне присуща идея исключительности, экстраординарности, допускающая возможность нарушения и превышения некоторых более элементарных, общепринятых норм и правил.

Друзьям позволено многое такое, что неминуемо осложнило и даже испортило бы отношения с менее близкими людьми – соседями, товарищами по работе и т. д. Но за счет ослабления требований к внешним нормам поведения и к эквивалентности "обмена" резко повышается уровень нравственно-психологических требований. И поскольку важнейшие специфические правила дружбы – делиться своими переживаниями, оказывать моральную поддержку, добровольно помогать в случае нужды, заботиться о друге, доверять ему и быть уверенным в нем, защищать друга в его отсутствие – являются альтруистическими, их принятие и соблюдение предполагает достаточно высокий уровень нравственного сознания личности, а также зрелость самого дружеского отношения. Можно сказать иначе:

социальная психология подтверждает, что дружба есть нравственное от-

ношение и иной быть не может.

Но как практически происходит выбор друзей?

Еще Платон и Аристотель задавались вопросом: что делает одного человека привлекательным для другого и, в частности, ищет ли он в другом собственное подобие или, напротив, дополнение? Экспериментальные психологические исследования дружбы (конец XIX-начало XX в.) также долгое время концентрировались вокруг этой проблемы. С точки зрения житейского здравого смысла оба мнения одинаково правдоподобны. Понимание друга как "другого Я" молчаливо предполагает принцип сходства: люди, расходящиеся между собой в существенных характеристиках, вряд ли могут быть особенно близки. Однако alter ego не просто второе, а именно другое Я; друзья призваны не дублировать, а взаимно обогащать один другого.

А коль скоро это так, прежде чем обсуждать вопрос о сходстве или несходстве друзей, нужно уточнить целый ряд вопросов.

Во-первых, класс подразумеваемых сходств. Идет ли речь об общности пола, возраста, социального положения, профессии, образования и других объективных, непсихологических признаков? Или об общности ценностных ориентации, взглядов, интересов? Или о сходстве характеров, темперамента, личностных черт и т. п.? Это ведь совершенно разные вещи.

Во-вторых, степень предполагаемого сходства. Имеется ли в виду полное совпадение качеств или какое-то более ограниченное сходство?

В-третьих, значение и смысл данного сходства для самой личности. Чем важнее данное качество для личности, тем выше требования, которые она, вероятно, предъявляет в этом отношении к своим друзьям. Человек, живущий напряженной эстетической жизнью, вряд ли сможет дружить с тем, кто не выносит искусства. И для того, кто видит в искусстве только развлечение, эстетические вкусы его друзей, пожалуй, несущественны.

В-четвертых, объем, широта диапазона сходств. Сходство друзей может ограничиваться одной какой-либо сферой, а может охватывать сразу несколько черт – и социальные характеристики, и ценностные ориентации, и личностные черты.

Кроме того, необходимо уточнить, идет ли речь об установках и о том, какими люди представляют самих себя и своих друзей, или об их реальных качествах.

Разные люди видят себя в дружбе, как и в других отношениях, по-разному. Напомним, что для юного Ф. Шиллера дружба – это "созерцание себя в зеркале другой души". Р. Роллаи, напротив, отрицал стремление к подобию: "Пусть другие, подобно Нарциссу, любят себя своим отражением в зеркале! Я же ищу глаза, которые мне говорят: "Я – не ты!" Тогда стоит войти! И если подобное желание является обоюдным, две скрещенные шпаги приводят к наивысшему слиянию двух человеческих существ".

Но самовосприятие не всегда достоверно. Многочисленные социально-психологические исследования показывают, что в установках людей, в тех требованиях, которые они предъявляют к своим друзьям, ориентация па сходство (любовь к подобию, гомофилия) решительно преобладает над ориентацией на дополнение (любовь к различиям, гетерофилия). Подавляющее большинство людей предпочитает дружить с людьми своего возраста, пола, социального положения, образования и т. д. Почти столь же желательно совпадение или по крайней мере сходство основных ценностных ориентации, интересов и черт характера. Но как проявляется эта установка в реальном поведении? Действительно ли друзья больше похожи друг на друга, чем на окружающих, или им это только кажется? В том, что касается объективных характеристик (пол, возраст, социальное положение, образовательный уровень), однородность действительно преобладает. Люди в большинстве случаев дружат с представителями собственного "круга" – возрастного, социального, культурного. Несколько меньшая, но все-таки значительная степень сходства наблюдается также в социальных установках и ценностных ориентациях друзей. Хотя здесь нет полного совпадения, друзья, как правило, придерживаются более или менее общих взглядов по наиболее важным для них вопросам.

Это имеет не только и, вероятно, даже не столько субъективно-установочные, психологические, сколько социальные причины.

Большинство личных отношений складывается в процессе длительного взаимодействия, организованного вокруг каких-то центров, очагов совместной

деятельности, причем круг вовлеченных в эту деятельность людей во многих отношениях однороден. Чем однороднее круг общения, тем вероятнее, что формирующиеся в нем дружеские пары и триады окажутся во многом сходными. Например, возрастная однородность детской дружбы вытекает не только и даже не столько из желания непременно дружить со сверстниками, сколько из объективных условий выбора, из преобладания в данном центре деятельности (например, в школьном классе) детей одного и того же возраста.

Однако относительная однородность круга общения, из которого подбираются друзья, не снимает проблемы их индивидуально-психологического сходства и вопроса: является ли это сходство результатом изначального выбора похожих на себя партнеров или их взаимной адаптации, приспособления друг к другу?

Хотя личностные особенности многообразны и не всегда поддаются строгому обозначению, при сравнении психологических черт тридцати дружеских пар американских старшеклассников и студентов с чертами случайно выбранных тридцати пар друзья оказались значительно более похожими, чем случайные пары. При сравнении уровней межличностного понимания и самосознания нескольких групп детей (с восьми с половиной до тринадцати с половиной лет) с аналогичными показателями их сверстников, которых испытуемые назвали своими друзьями, причем этот выбор был в одних случаях взаимным, а в других – односторонним, и детей, которые не фигурировали в числе их друзей, "взаимные друзья" оказались более похожими друг на друга, чем "односторонние друзья" и "не-друзья"; особенно велики такие различия у детей более старшего возраста.

В самом крупном исследовании этого рода сопоставлялись сходства и различия дружеских пар 1800 американских старшеклассников. Их просили назвать своего лучшего друга, а затем рассказать о своих домашних условиях, отношениях с родителями, учебных интересах, способах проведения досуга, социальных установках и психологических состояниях. Сравнение ответов друзей показало, что они очень похожи друг на друга по своим социально-демографическим свойствам (социальное происхождение, пол, раса и возраст). Значительное сходство наблюдается также в некоторых аспектах поведения, особенно если оно отклоняется от социальной нормы и нарушает какие-то запреты (например, курение), в учебных интересах и степени участия в групповой жизни сверстников. Что же касается психологических черт (оценка своих личных качеств и отношений с родителями), то здесь сходство между друзьями значительно меньше.

Следует учитывать, что наши представления о степени своего сходства или различия с другими людьми далеко не всегда достоверны. Те, кого мы предпочитаем, кажутся нам, как правило, более похожими на нас самих, чем те, кого мы отвергаем. Социометрические исследования показывают, что при попытке предсказать, кто из знакомых или товарищей окажет им предпочтение, а кто отвергнет их, люди обычно (около 70% испытуемых) бессознательно предполагают взаимность выбора. Оказывая предпочтение другому лицу, выбирая его в качестве партнера по игре, спутника по путешествию и т. д., мы невольно ожидаем, что он в свою очередь выберет нас. От антипатичного человека, напротив, мы ждем неприятия, отвержения.

Фактически такая взаимность встречается реже, чем мы предполагаем. Особенно легко ошибиться в атрибуции сложных личностных качеств. Нередко двое влюбленных кажутся себе весьма похожими друг на друга, однако каждый приписывает другому свои собственные качества, то есть оба считают себя похожими, по сути сходства трактуют по-разному. Друзья же часто преувеличивают степень своего взаимного самораскрытия и т. д.

"Взаимопроникновение" или "пересечение" личных свойств друзей тесно связано с длительностью и глубиной их взаимоотношений. Стадии или ступени диадического взаимодействия Я и Другого наглядно передает схема американского психолога Дж. Левинджера.

Ступени диадического взаимодействия

На начальной, нулевой стадии межличностных контактов Другой психологически еще не существует для Я, не представляет для него интереса. За-

тем возникает односторонняя атракция, познавательный интерес или эмоциональное влечение, расположение к другому. Атракция стимулирует поверхностный поведенческий контакт, взаимодействие субъектов, остающихся тем не менее чужими друг для друга. Но общность деятельности, интересов и установок постепенно порождает реальное взаимопересечение личностей, от частного, незначительного до весьма широкого, когда два Я до некоторой степени сливаются в неделимое Мы.

Развивая ми идеи, Левинджер предложил формальную модель цикла личного отношения, состоящего из пяти фаз:

1. Атракция, предшествующая зарождению отношения.
2. Период формирования отношения.
3. Продолжение отношения, означающее либо:
 - а) его рост и укрепление,
 - б) поддержание достигнутого уровня,
 - в) снижение уровня и устойчивости.
4. Ослабление или ухудшение отношения.
5. Прекращение отношения в результате смерти одного из партнеров или разрыва.

Но от чего зависят разные траектории развития дружбы? Добрых полстолетия в психологии господствовало представление, что характер дружбы целиком определяется индивидуальными чертами партнеров и пропорцией, в которой они "смешиваются". Однако, как справедливо замечают английские психологи С. Дак и Г. Сэнтс, эта модель слишком проста даже для химии.

Смешение эссенции серной кислоты с водой всегда дает раствор серной кислоты. Но порядок и способ смешения элементов при этом далеко не безразличны: при добавлении воды в кислоту температура жидкости резко повышается, происходит всплеск, тогда как при добавлении эссенции в воду происходит только незначительное нагревание. В человеческих отношениях способ и последовательность соединения индивидов не менее существенны, чем сложившиеся до взаимодействия их личные качества.

С углублением личных отношений качественно меняется не только тип психологических "фильтров", сквозь которые осуществляется "отсев" друзей, но и сами критерии личной совместимости, субъективная значимость отдельных, воображаемых или реальных, психологических сходств и различий. В исследовании С. Дака и Г. Крейга 40 английских студентов-первокурсников (20 мужчин и 20 женщин), которые раньше не были знакомы друг с другом, трижды заполняли социометрическую матрицу (выбор друзей) и одновременно три личностных теста, причем данные социометрического выбора каждый раз сопоставлялись с результатами тестирования. В первой серии опыта (через месяц после поступления в вуз) никакой зависимости между выбором друзей и сходством их тестовых показателей с показателями самих испытуемых не обнаружилось. Во второй серии (через три месяца после поступления) выявилось сходство ценностных ориентации друзей: студенты выбирают тех, чьи ценностные ориентации близки к их собственным. На третьей фазе опыта (через восемь месяцев) значение таких сходств уменьшилось, зато выявилось сходство более глубоких "личностных конструктов".

Таким образом, традиционный вопрос, является ли сходство друзей предпосылкой дружбы или результатом их взаимной адаптации, упрощенно ставит проблему. На разных стадиях знакомства люди располагают неодинаковым объемом информации друг о друге. И разница эта не только количественная, но и качественная. Психологические фильтры, через которые "просеиваются" кандидаты в друзья, также многоуровневые: в начале знакомства при выборе друзей имеют значение сравнительно поверхностные их свойства (например, внешность, манера держаться), тогда как в дальнейшем перевес оказывается па стороне менее явных, но более глубоких личностных качеств. Иначе говоря, на ранних стадиях развития дружеских отношений индивид озабочен тем, как он выглядит в сравнении с другим, и спрашивает себя, хотел ли бы он походить на этого другого. Позже встает вопрос о характере отмеченного сходства и его достаточности для поддержания длительных дружеских отношений.

Сами "уровни" и "стадии" развития дружбы тоже не универсальны. Устойчивость (длительность) взаимоотношения, частота встреч и контактов и их психологическая глубина (интимность) – качественно разные параметры, ко-

торые могут изменяться в разных направлениях. Это ясно видно при изучении вариантов и причин расстройств или прекращения дружбы. Иногда это бурный разрыв, иногда – постепенное уменьшение интенсивности (частоты) общения, иногда – снижение уровня его интимности при сохранении внешней формы и частоты встреч. Причем в одних случаях неудача выглядит заранее предопределенной "несовместимостью" партнеров, которые плохо знали друг друга, в других случаях объясняется допущенными ошибками, случайной ссорой и т. п., в третьих – приписывается внутренним психологическим изменениям (ослабление взаимного интереса, появление новых, более сильных привязанностей), в четвертых – ссылаются на непредсказуемые внешние события, вроде смены местожительства.

Из этих, казалось бы, тривиальных соображений вытекают важные теоретические и практические выводы. Реальные дружеские отношения не развиваются автоматически, по одной и той же траектории, отвечающей нашим моральным представлениям: чем устойчивее дружба, тем она интимнее, вернее, исключительнее и т. д. Дружба – психологически чрезвычайно тонкое, сложное, текучее отношение, которое невозможно свести ни к какой отдельно взятой системе внешних, социально-средовых или внутренних, индивидуально-психологических детерминант. А это значит, что о сохранении дружбы нужно заботиться.

Динамика дружбы во многом зависит от сознательной установки партнеров: как они определяют природу своих отношений (видят ли в них дружбу, любовь или простое знакомство), какие цели преследуют, как направляют настоящее и будущее дружеских отношений – стараются поддерживать, углублять их или пускают на самотек. Дружеские, как и все личные, отношения складываются из множества мелких, повседневных решений и действий, о значении которых люди не задумываются и последствия которых осознают только задним числом, ретроспективно, в "спрямленной" и зачастую иллюзорной форме.

Английские студенты, обследованные С. Даком и Д. Миллом, ежедневно в течение двадцати недель записывали в дневнике свои чувства и переживания, связанные с реальными дружескими отношениями. Оказалось, что, хотя оба партнера часто испытывали неуверенность в том, как к ним относится другой, изменения в состоянии дружеских отношений они связывали исключительно с колебаниями чувств и настроений друга. Значение собственных действий и реакций, как правило, недооценивается и не осознается. В ретроспективных же отчетах о развитии дружеских отношений подобные сомнения и колебания полностью исчезают. "Отредактированные" воспоминания рисуют последовательную картину "положительного развития" или "ухудшения" отношений так, как они воспринимаются субъектом в данный момент.

Изучение дружбы не как стабильного состояния, а как процесса тесно связано с психологией таких явлений, как самораскрытие и понимание другого.

Самораскрытие – сознательное и добровольное открытие другому собственного Я, своих субъективных состояний, тайн и намерений – одна из фундаментальных психологических потребностей личности, удовлетворение которой издавна ассоциировалось с дружбой. Но предметом интенсивных экспериментальных исследований эта проблема стала только в середине 60-х годов XX столетия. Вначале (например, в трудах американского психолога С. Джуарда) она изучалась главным образом под углом зрения количественных параметров, исходя из предположения, что высокое самораскрытие играет в жизни человека, как правило, положительную, а низкое – отрицательную роль, обрекая личность на одиночество и другие неприятности.

Позднее более глубокое изучение показало, что самораскрытие многомерно. Его можно оценивать, как минимум, по пяти самостоятельным параметрам:

- 1) объем (широта) сообщаемой личной информации;
- 2) степень ее интимности для субъекта;
- 3) продолжительность, темп и скорость самораскрытия;
- 4) его эмоциональная тональность (хвастовство, бравада или, наоборот, смущение, стыд);
- 5) гибкость самораскрытия, способность личности регулировать свою откровенность в зависимости от реакции собеседника и ситуации общения.

Самораскрытие зависит от целого ряда моментов: кто, кому, что именно,

насколько полно, когда, при каких обстоятельствах и для чего открывает. Степень самораскрытия в общении с посторонним человеком, отцом, матерью, близким другом, лицом своего или противоположного пола будет неизбежно разной. Неодинаковыми будут и привилегированные темы, сюжеты самораскрытия.

Согласно теории американского исследователя И. Альтмана, существует определенная связь между широтой и глубиной (интимностью) самораскрытия и типом партнера по общению: чем исключительное личное отношение, тем полнее раскрываются в нем наиболее интимные, чувствительные, скрытые от посторонних аспекты Я за счет сокращения обмена поинтимней, эмоционально менее значимой информацией.

Дружба считается наиболее глубоким, интимным отношением. Недаром в ее определениях постоянно подчеркивается момент доверия: друг – человек, которому можно сказать все. Но хотя экспериментальные исследования подтверждают, что максимум самораскрытия достигается именно в общении с друзьями, здесь также имеются свои пределы. Прежде всего, друзья нередко преувеличивают степень взаимного самораскрытия, интимности и знания друг друга. Кроме того, они часто воспринимают свои отношения асимметрично. Описывая распавшиеся дружеские связи, люди склонны приписывать себе более активную роль в оказании эмоциональной поддержки и добровольной помощи бывшему другу, а ему – большую степень самораскрытия, потребности делиться своими успехами и совместно проводить время. Это придает ретроспективным описаниям дружбы эгоцентрический оттенок. Да и не только ретроспективным. В проведенном автором этих строк совместно с В. А. "Поселковым" исследовании юношеской дружбы испытуемые дописывали несколько неоконченных предложений типа "Друг – это тот, кто...". Содержание ответов было разным, но форма в подавляющем большинстве случаев была эгоцентрической: испытуемые делали акцент на том, что друг делает или должен сделать для них ("кто меня любит", "на кого можно во всем положиться" и т. д.), и гораздо реже перечисляли то, что они сами делают для друга ("кого я люблю", "кто может на меня положиться" и т. п.).

Содержание и уровень взаимного самораскрытия во многом зависят от ситуации общения. Теплая, уютная комната благоприятствует интимности, тогда как формальная, холодная обстановка ее парализует. Положительную роль играет наличие прямого визуального контакта (взгляд в глаза) и телесной близости (прикосновение) с собеседником, внешняя его привлекательность, внимание с его стороны и его социальный статус. Младшие легче и охотнее исповедуются старшим, дружественное внимание которых представляется лестным, а признание собственной слабости перед старшим меньше бьет по самолюбию, чем в общении с равными по возрасту или рангу.

Очень сложен вопрос о взаимности самораскрытия. Общее правило взаимности гласит, что откровенность и доверие большей частью вызывают ответный отклик, тем самым повышая общий уровень интимности коммуникации. Но почему? И всегда ли это бывает так? Одни психологи (С. Джуард) объясняли это тем, что доверие, будучи лестным, вызывает симпатию, расположение к тому, кто его оказал, а знаком симпатии служит взаимная откровенность. Другие (А. Чайкин и В. Дерлега) объясняют его в духе теории справедливости: поскольку всякая откровенность считается ценной, человек, выслушав чужую исповедь, чувствует себя обязанным отплатить той же монетой, независимо от степени своей симпатии к собеседнику. Некоторые психологи связывают взаимность самораскрытия главным образом с механизмами подражания и подкрепления: откровенность служит положительным стимулом, на который индивид реагирует взаимным самораскрытием, что в свою очередь стимулирует первого субъекта на продолжение интимной беседы. Имеющиеся эмпирические данные в наибольшей мере подтверждают второе объяснение.

Однако самораскрытие также может иметь разный психологический смысл. Как показали исследования В. Дерлеги и Я. Гжелака (ПНР), оно может быть средством: спонтанной эмоциональной разрядки и катарсиса; самопознания прояснения своих чувств и позиций; получения социального одобрения, подкрепления со стороны другого; развития и укрепления личных отношений; социального влияния и воздействия на других ^ (вызвать жалость ради получения каких-то выгод).

Немаловажен и момент своевременности самораскрытия. В большинстве случаев откровенность воспринимается положительно. Но слишком полное или

чересчур поспешное самораскрытие, не соответствующее стадии развития личных взаимоотношений или не учитывающее состояния собеседника приемлемого для него уровня диалога, воспринимается как нарушение границ интимности, бесстыдство или попытка вторжения во внутренний мир другого, что побуждает его замкнуться или даже прервать контакт. Иными словами, в дружеском общении всегда необходим такт. Человек, навязывающий другому непрошеную интимность, легко может натолкнуться на отпор:

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне черт душа твоя!..

Культ полной душевной открытости, при всей ее привлекательности, столь же односторонен и чреват психологическими трудностями, как викторианский культ эмоциональной сдержанности и замкнутости. Оптимальным с точки зрения душевного здоровья личности является состояние, когда индивид способен быть полностью искренним с немногими близкими людьми и поддерживает средний уровень самораскрытия в отношениях с остальными. Замкнутость, когда во внутренний мир не впускается никто, или слишком высокий уровень самораскрытия, когда, как говорится, "душа нараспашку" и у личности не остается ничего потаенного, как правило, свидетельствует о каких-то психологических затруднениях.

Не менее сложна, чем самораскрытие, и проблема понимания другого. Ученые подходили к ее осмыслению с разных сторон. В начале 60-х годов американский психолог Г. Олпорт предложил список черт, облегчающих, по его мнению, личности адекватное восприятие и оценку других людей:

1. Жизненный опыт, общая зрелость. Взрослый человек может понять подростка, обратное же невозможно.
2. Сходство между оценивающим и оцениваемым субъектами.
3. Интеллект. Люди с более высоким умственным развитием способны лучше понять и оценить партнера, чем менее развитые.
4. Сложность собственных мыслительных процессов облегчает понимание чужого опыта.
5. Знание самого себя, что в какой-то степени предохраняет против стереотипных и формальных суждений о других.
6. Социальная приспособленность та. эмоциональная устойчивость. Люди тревожные, с неустойчивой психикой склонны проецировать на других собственные качества.
7. Созерцательность характера позволяет воспринимать других дружелюбно, но "со стороны", более или менее беспристрастно.
8. Эстетическая ориентация, в отличие от практически-действенной, побуждающей человека стремиться не столько к пониманию другого, сколько к воздействию на него.
9. Интрацептивность, то есть впечатлительность, повышенная чувствительность к внутреннему миру, своему собственному и чужому. Поскольку это качество развито у женщин больше, чем у мужчин, некоторые считают, что женщины интуитивно точнее воспринимают и оценивают людей, чем мужчины.

Позднейшие исследования (в том числе осуществленные в нашей стране А. А. Бодалевым и др.) внесли существенные поправки в данную схему. Выяснилось, например, что интрацептивность и эстетическая ориентация нередко находятся в противоречии с интеллектуальными показателями. Ленинградский психолог В. С. Магун предложил группе студентов оценить в терминах "больше", "меньше" или "одинаково", насколько им самим и их однокурсникам свойственны такие черты, как интеллект и экстраинитивность (склонность обвинять в своих трудностях и неудачах других, в отличие от интрапунитивности-самообвинительности), и затем сравнил высказанные суждения с объективными тестовыми показателями испытуемых. Результат оказался парадоксальным: студенты с меньшей интеллектуальной продуктивностью оценивают себя и других более адекватно, чем те, у кого уровень интеллекта выше.

Может быть, это объясняется разной направленностью интересов, тем, что люди, более внимательные к своим и чужим переживаниям, меньше вклю-

ченны в предметную деятельность, а это снижает их интеллектуальные показатели? Или познание человека в большей мере зависит от эмоциональных свойств личности, нежели от формальных качеств интеллекта? Современная психология, не рискуя делать смелые обобщения, подобные ольпортновским, не дает однозначного ответа на эти вопросы.

Кроме того, умение разбираться в людях, основанное на отчужденно-исследовательском к ним отношении, пожалуй, нужнее судье или психиатру, чем другу. Объективности мы ждем от посторонних, с которыми нас связывают преимущественно деловые отношения. Для дружбы этого мало. Тут нужно сочувствующее понимание, готовность принять другого целиком, даже с его недостатками.

Дружеская коммуникация, по образному определению немецкого философа-экзистенциалиста К. Ясперса, – это "битва за безграничную искренность", в ходе которой личность открывается другому и одновременно самой себе. Для посторонних же это отношение закрыто.

Как писал М. М. Пришвин, "гигиена любви состоит в том, чтобы не смотреть на друга никогда со стороны и никогда не судить о нем вместе с кем-то другим". Это – прямая противоположность принципу объективного познания, предполагающего отстранение и анализ.

Каковы психологические основы императива исключительности друга и дружбы? Субъективная реальность человеческого Я не может быть полностью объективирована в предметной деятельности. Она обязательно предполагает общение с каким-то реальным или воображаемым Ты. Чем сложнее и многограннее личность, тем сильнее ее потребность в такой встрече и тем специфичнее средства этой коммуникации. Человек не может ни осмыслить, ни даже прочувствовать свою внутреннюю жизнь иначе как через других, близких ему людей, общение с которыми или страх утраты которых открывает ему смысл и ценность собственного бытия.

Психологи давно уже заметили, что в своей повседневной жизни люди применяют своеобразный "двойной стандарт". Поведение чужих, посторонних ("они") обычно объясняется "объективно" – логикой внешних обстоятельств, социальными факторами (роль, общественное положение), общими законами психологии или качествами характера этих людей. Напротив, говоря о самих себе или о своих близких, мы чаще апеллируем к внутренним, субъективным состояниям и мотивам, логика которых может быть понята только "изнутри". Выражение "Поймите меня" означает: "Станьте на мою точку зрения, посмотрите на вещи моими глазами".

Проблема соотношения объективирующего объяснения и субъективирующего понимания занимает важное место в философии и науках о человеке. "Объясняя" человека, сводят его индивидуальность к каким-то физиологическим или социальным предпосылкам или подводят ее под некоторую общую норму. "Понимание", напротив, признает внутренний мир автономной реальностью, выводя из него поступки и свойства личности.

Несколько огрубляя вопрос, можно сказать, что прообразом объяснения служит отношение "Я – вещь" или "Я – другой", в котором другой человек берется не в качестве лица, а в качестве объекта, тогда как прообразом понимания является отношение "Я – Ты", участники которого ведут между собой диалог. Понимание другого здесь совпадает с самопознанием и предполагает симпатию.

Переживаемая реальность внутреннего мира личности, раскрывающаяся в общении с другим лицом, не может быть адекватно выражена в понятиях. Смысл всегда богаче своей материализации в словах. Недаром говорится, что "мысль изреченная есть ложь". Чем интимнее отношение, тем больше в нем значит эмоциональный контакт.

В любом развитом языке имеется ряд понятий, обозначающих различные оттенки душевной близости, общности, совместности переживаний и чувств: сопереживание, сочувствие, сострадание. Все они описывают процесс, когда один человек не просто "расшифровывает" эмоциональное состояние другого, но как бы сам настраивается на чужую волну, растворяется в другом и воспроизводит его переживания в себе. В этом процессе очень много нюансов и оттенков. Так, немецкий философ М. Шелер в книге "Сущность и формы симпатии" различал: "совместное чувствование", обусловленное общностью переживаний; – эмоциональное заражение (например, в возбужденной толпе); идиопатическую идентификацию, уподобление другого себе, психологическое

растворение его в собственном Я; гетеропатическую идентификацию, саморастворение Я в другом, стремление жить отраженной жизнью другого; взаимное слияние, когда границы между двумя Я стираются и люди чувствуют себя в буквальном смысле слова единым существом (например, в момент любовного экстаза). Собственно симпатия, по Шелеру, состояние эмоциональной близости к другому при сохранении чувства психологической дистанции: симпатизируя другому, человек вместе с тем сознает различие своей и его индивидуальности.

Объективно в эксперименте расчленишь столь тонкие нюансы эмоциональных переживаний невозможно. Однако психологи интенсивно изучают явление эмпатии (вчувствования). Первоначально термин "эмпатия" обозначал момент эстетического восприятия, когда субъект настолько поглощен созерцанием прекрасного, что как бы сливается с произведением искусства, теряя ощущение своей отдельности. После того как это явление стало предметом специальных исследований, термин получил многозначное толкование. Одни авторы называют эмпатией непосредственный эмоциональный отклик индивида на переживания или экспрессивные знаки другого лица, возникающий независимо и до осознания источника и смысла таких переживаний. Например, вид плачущего человека обычно вызывает непровольное сочувствие или, во всяком случае, эмоциональный дискомфорт, даже если мы ничего не знаем о причине слез. Другие психологи сближают эмпатию с "пониманием" или трактуют ее как эмоциональный аспект последнего.

Дело, конечно, не в определениях, а в том, что психология вплотную подошла к изучению самых тонких и сложных процессов межличностного общения, которые раньше были исключительным достоянием искусства. При этом общий пафос существующих подходов состоит в том, что личность и ее отношения несводимы к элементарным психическим процессам; они имеют свой субъективный, личностный смысл. Говоря философским языком, человеческую "субъективность можно разглядеть только под ее же углом зрения, приблизившись к ней как к аналогу, подобию собственного способа деятельности". Специфика диалогического понимания в том, что "вопрос задается здесь познающим не себе самому и не третьему в присутствии мертвой вещи, а самому познаваемому. Критерий здесь не точность, а глубина проникновения". Поэтому здесь нет и не может быть однозначных, окончательных ответов.

Дело не только в том, что экспериментальная психология дружбы делает лишь первые шаги. Эмпирическая наука имеет дело с "данностями", которые могут быть взвешены, измерены, разложены на элементы. Мир человеческих чувств и отношений плохо поддается таким операциям. Как писал, анализируя творческий метод Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтин, "человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить формулу тождества: А есть А. По художественной мысли Достоевского, подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несоответствия человека с самим собой, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, "заочно". Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя". Дружба и есть такой диалог, столь же неповторимый и единственный, как участвующие в нем лица.

"Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков, - сказал Лис. - И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете..."

Утверждение единственности, несравненности друга равносильно признанию его абсолютной ценности. И в этом одновременно - нравственный императив и психологическая сущность дружбы.

"Быть мудрым - это значит прежде всего быть внимательным к душе близкого человека, - писал М. Пришвин. - На вопрос же: кто этот близкий, - ответ такой: в каждом человеке родственное внимание стремится открыть близкого, - кого оно откроет, тот и есть близкий".

6. У ИСТОКОВ ДЕТСКИХ ПРИВЯЗАННОСТЕЙ

...Потребность в человеке рождается с желанием найти для себя в другом человеке источник радости, отдавая что-то своё.

В. А. Сухомлинский

Как же формируется потребность и способность к дружбе в процессе развития ребенка? Хотя этот вопрос имеет важное практически-педагогическое значение, изучение общения и дружбы маленьких детей очень долго недооценивалось психологами.

Психоаналитическая теория мало интересовалась общением ребенка со сверстниками, потому что ее внимание было приковано к взаимоотношениям ребенка с матерью. Когнитивная психология (Ж. Пиаже), изучая главным образом развитие детского интеллекта, также придавала контактам ребенка со взрослыми большее значение, чем со сверстниками. Та же картина до последнего времени наблюдалась и в советской психологии.

Между тем коммуникативные навыки и соответствующие свойства личности ребенка формируются в общении не только с родителями и другими взрослыми, но и со сверстниками.

Чем яснее мы осознаем, что ребенок не пассивный объект нашего воздействия, а активный субъект развития, тем важнее представляется общение ребенка со сверстниками, в ходе которого формируются эмоциональная восприимчивость, самосознание и навыки межличностной кооперации. Интерес к психологии детского общения, включая дружбу, в последние годы повсеместно растет.

Генезис дружеских привязанностей ребенка имеет ряд относительно автономных параметров. Во-первых, поведенческие характеристики дружбы: круг людей, из которых выбираются друзья, уровень селективности такого отбора; преобладающие формы общения (диады, триады или многолюдные компании); степень устойчивости таких образований и т. д.

Во-вторых, когнитивные аспекты дружбы: представления о дружбе, характерные для данного возраста; термины, в которых описываются друзья и взаимоотношения с ними; уровень взаимопонимания, доступный на данном этапе развития, и т. п.

В-третьих, эмоциональные аспекты дружбы: характерная для данного возраста тональность дружеских отношений; уровень развития эмпатии и т. д.

В-четвертых, коммуникативные аспекты дружбы: уровень межличностной компетенции индивида; доступный ему спектр ролевого взаимодействия и соответствующие коммуникативные навыки (умение завязывать знакомство, переходить от низших уровней общения к высшим и т. д.).

В-пятых, ценностно-нормативные аспекты дружбы, связанные с развитием самосознания: тип личностных потребностей, удовлетворяемых дружбой; характер основных "личностных конструктов"; нравственный кодекс и основные ценности дружбы.

В современной психологии детская дружба рассматривается либо как аспект, функция и показатель индивидуального развития ребенка, либо в контексте развития групповых, коллективных отношений, либо в русле сравнительных исследований, основанных на наблюдении за функционированием детских и юношеских групп, компаний и пар в естественных условиях. При этом у одних авторов на первый план выходит эволюция детских понятий и образов дружбы, у других – динамика нормативных ожиданий и требований, предъявляемых к друзьям, у третьих – место дружбы в системе групповых взаимоотношений "общества сверстников", у четвертых – ее положение в иерархии значимых других (родителей, учителей и т. д.), на которых ориентируются дети разного возраста.

При всем различии этих подходов их исследовательские результаты сходны. Детское понимание, по мнению американских психологов супругов Селман, зависит от того, способен ли ребенок принять на себя роль другого и какую именно. Ребенку в возрасте трех – семи лет друг мыслится как отличный игровой партнер. В этот период отношения сильно зависят от территориальной близости; ребенок еще не умеет отличать точку зрения других детей от своей собственной, его отношение к сверстникам эгоцентрично. Следующая стадия (четыре – девять лет) характеризуется односторонней помощью: дети уже способны отличать чужие интересы от своих собственных,

но еще не готовы признать необходимость обоюдного, равного обмена; друзей ребенок ценит за то, что они делают для него. Несколько позже (шесть – двенадцать лет) дружбу понимают как взаимовыгодную кооперацию: дети осознают необходимость взаимопомощи, но придают собственным интересам большее значение, чем принципу взаимности. Далее (девять – пятнадцать лет) на авансцену выходит потребность совместно переживать, делиться сокровенным; ребенок начинает смотреть на свои дружеские отношения с точки зрения третьего лица, понимая их как сотрудничество ради общих интересов и одновременно – как исключительное, всеобъемлющее отношение. Наконец, в подростковом возрасте (старше двенадцати лет) дружбу понимают как автономную взаимозависимость: подросток осознает, что не может удовлетворить в дружбе все свои эмоциональные и психологические запросы; поэтому друзьям дозволено устанавливать независимые отношения с третьими лицами, что делает участников дружеского союза одновременно зависимыми и автономными друг от друга.

Сходные тенденции проявляются в нормативных ожиданиях. Изучив требования, предъявляемые к друзьям детьми от шести до четырнадцати лет, канадские психологи В. Байджеллоу и Д. Ла Гайпа выявили, что дружба проходит три главные стадии развития. Сначала это ситуативное отношение, главными предпосылками которого являются общая деятельность, взаимная оценка и территориальная близость. Затем дружба приобретает договорной характер, когда на первый план выдвигаются соционормативные ценности – неукоснительное соблюдение правил дружбы и высокие требования к характеру друга. Наконец, на третьей, "внутренне-психологической" стадии первостепенное значение приобретают личностные черты и свойства – искренность, верность и способность к интимности.

Однако связь "стадий дружбы" с возрастом партнеров весьма условна. Как справедливо отмечает А. В. Мудрик, исследовавший проблему дружбы под углом зрения педагогики, "возрастные типы общения" и их ценностно-смысловые доминанты сплошь и рядом пересекаются, накладываясь друг на друга.

Потребность в общении и эмоциональном контакте, составляющая психофизиологическую основу дружбы, появляется у младенца с первых дней его жизни. Как указывал Л. С. Выготский, любая потребность младенца неизбежно становится потребностью в другом человеке. Уже на втором-третьем месяце жизни ребенок эмоционально реагирует на приближение к нему взрослого – смеется, издает какие-то звуки и т. д. Еще через два-три месяца эта реакция становится избирательной: он отличает "своих" людей от "чужих" и по-разному реагирует на них.

Первый партнер и объект эмоциональной привязанности ребенка, естественно, взрослый, особенно мать. Однако немаловажную роль в формировании личности ребенка играет также общение с другими детьми. Уже новорожденные выделяют плач другого младенца из числа прочих раздражителей: проигрывание магнитофонной записи детского плача непроизвольно вызывает у младенца ответный плач.

На первом году жизни формируются лишь отдельные элементы того, что в дальнейшем можно будет назвать социальным поведением. Сначала младенец просто смотрит на сверстника, в три-четыре месяца тянется к нему, прикасается; у шестимесячных детей сверстник может вызывать обращенную к нему улыбку и какие-то формы вокализации; годовалые дети уже могут предлагать и брать у сверстника игрушки, улыбаться и подражать друг другу. Однако от изолированных действий по отношению к сверстнику до социального взаимодействия с ним – дистанция огромного размера.

Рано дифференцируются и детские поведенческие реакции на взрослых и сверстников.

Хотя дети моложе двух лет еще не умеют взаимодействовать друг с другом и их контакты состоят главным образом в столкновениях из-за игрушек, они уже проявляют интерес друг к другу. Это подтверждает следующий эксперимент. В лабораторию, где было много игрушек, собирали матерей с детьми от года до полутора лет (по четыре на один сеанс) и представляли малышам свободу действий. Ребенок мог оставаться со своей матерью или тянуться к другому взрослому или ребенку. Хотя предпочитаемым партнером по физическому контакту оставалась для ребенка мать, смотрели малыши значительно чаще на сверстников; обмен игрушками (предлагали свои или брали чужие игрушки) преимущественно также происходил со сверстниками.

Тем не менее большинство контактов между годовальными-полуторогодовалыми детьми выглядят эмоционально нейтральными. Положительные эмоции, выраженные в улыбках и смехе и придающие взаимодействию детей игровой характер, появляются в среднем между полутора и двумя годами.

Полутора-двухгодовалые дети явно отличают детей от взрослых и по-разному относятся к ним. Незнакомые взрослые чаще вызывают у них страх и смущение, а знакомые ровесники – интерес и положительные эмоции. Дети охотнее делятся игрушками со сверстником, чем со взрослым, а со знакомым ребенком – скорее, чем с незнакомым. По-видимому, уже на втором году жизни ребенок вырабатывает какую-то когнитивную схему собственного Я, на основании которой он устанавливает свое сходство с другими детьми, что стимулирует его к общению с ними.

Первые контакты между детьми еще весьма примитивны. Зарубежные исследователи Е. Мюллер и Т. Лукас различают в их развитии три стадии. Сначала в центре таких отношений находится какой-то объект (например, игрушка). Завладев им, ребенок может вообще забыть о партнере, с которым у него еще нет подлинного взаимодействия. На этой стадии дети просто подражают друг другу, чередуя свои действия. Затем возникает случайный обмен действиями: ребенок уже активно ищет контакта с партнером, реагирует на него и провоцирует его реакции, но этот обмен остается неупорядоченным, в нем нет строгой ролевой дополненности. Лишь на третьей стадии возникает собственно взаимодействие, то есть обмен поступками, когда внимание ребенка сосредоточено не только на объекте или партнере, а и на самом процессе деятельности. Это предполагает взаимность и дополненность реакций: не простое подражание другому, а осмысленный обмен жестами, игрушками, принятие определенных ролей и т. д.

Одновременно интенсифицируется речевое общение. Хотя речевой контакт между детьми отнюдь не заменяет взрослого как основного учителя языка, такой контакт имеет, по-видимому, самостоятельное значение в формировании речевой культуры и коммуникативных навыков ребенка.

Как ни элементарны младенческие контакты со сверстниками, ребенок в них значительно более активен и самостоятелен, чем в отношениях со взрослыми.

Общение детей моложе двух лет доступно только внешнему наблюдению; о нем судят лишь по тому, насколько часто младенцы приближаются или прикасаются друг к другу, обмениваются игрушками и т. п. Изучая детей детсадовского возраста (три – семь лет), уже можно сопоставить данные прямого наблюдения с результатами социометрических методов и некоторых тестов, тем самым зафиксировать сдвиги не только в структуре общения, но и в его мотивации.

Правда, социометрическое исследование подразумевает какую-то конкретную деятельность или роль и не обязательно распространяется на другие взаимоотношения. Кроме того, популярность как одна из характеристик, фиксируемых во многих социометрических исследованиях, вовсе не синоним коммуникативного благополучия. Ребенок, как и взрослый, может быть популярен и иметь мало близких друзей, и наоборот. Популярность и "отверженность" часто обусловлены разными причинами, причем неблагоприятное положение (изоляция или отверженность) в коллективе значительно более устойчиво и имеет длительные психологические последствия. Наконец, для многих детей, как и для взрослых, качественное содержание дружеских отношений, зависящее от субъективных критериев, важнее, чем количество друзей.

Тем не менее здесь есть некоторые общие тенденции.

Прежде всего это дифференциация круга общения и индивидуализация выбора друзей.

Двухлетки и трехлетки еще не умеют согласовывать свое поведение. Их игровые группы, если они не поддерживаются взрослыми, легко разрушаются; их привязанности, хотя и избирательны, обусловлены случайными, временными обстоятельствами, а мотивы связаны с какими-то единичными поступками, затрагивающими личные интересы ребенка, скажем такого типа: "Мне больше всех нравится Вова. Он мне дал колесо". Если Вова заберет свое колесо, отношение к нему может измениться.

Однако недостаток коммуникативных навыков, который особенно проявляется при групповом взаимодействии, предполагающем согласованность действий нескольких детей, не исключает даже у самых маленьких сильных

эмоциональных привязанностей. Разлука с друзьями часто вызывает у малышей плохое настроение, грусть, растерянность, поиски потерянного друга. Эмоциональные компоненты атракции явно опережают умственное развитие ребенка.

У четырех-шестилетних детей появляется осознанная потребность в обществе именно сверстников, которых уже не заменяют ни взрослые, ни игрушки. Характерен ответ одного шестилетнего мальчика на предложение матери заменить собой отсутствующих товарищей: "Мне надо ребенок, а ты не ребенок".

Вместе с расширением круга общения ребенка растет его избирательность. Психолог Л. В. Артемова, наблюдавшая общение 128 детей от трех до семи лет в нескольких детских садах Киева, выявила, что уже на четвертом году жизни у них отчетливо выражено наличие двух кругов общения: более узкого и более широкого, причем большую часть времени дети проводят в более узком кругу сверстников.

Симпатии и антипатии становятся осмысленнее и устойчивее, а их мотивы – более обобщенными. Так, если у младших дошкольников эгоцентрические мотивы (типа "Он мне нравится, потому что угощает меня конфетами") составляют, по данным Е. И. Кульчицкой, 87% всех ответов, то у старших их доля снижается до 39%. На первый план выступают мотивы, включающие элементы ценностно-нормативных характеристик (типа "Мне нравится Витя, он никогда не бьет детей", "Я буду играть со Светой, она всегда хорошо отвечает на занятиях и все знает"). Хотя эти мотивы явно подсказаны взрослыми, они гораздо обобщеннее первых и менее эгоцентричны.

Московские психологи Т. А. Репина и А. Ф. Горяинова изучали обоснование выбора 877 дошкольниками наиболее привлекательных для них сверстников по детсадовской группе и критерии их оценок "самых хороших" и "не очень хороших" детей. Оказалось, что в оценке дошкольником сверстника важнее всего те навыки и умения, которые обеспечивают ребенку успех в групповой деятельности (прежде всего в игровой), а также сам факт интересной совместной деятельности с данным сверстником (такие мотивы составили 74% всех ответов). На втором месте стоят нравственные качества (20%) и на третьем – внешняя привлекательность (6%). Младшие дошкольники (три – пять лет) чаще, чем старшие, обосновывали свой выбор внешней привлекательностью сверстника и его успехами в выполнении режимных моментов (аккуратность, дисциплинированность). С возрастом у ребенка развивается способность оценивать нравственные качества товарищей не только по отношению к себе, но и по отношению к другим, к коллективу в целом (число эгоцентрических мотивов уменьшается с 52 до 27%, а число "коллективистских" – увеличивается с 8 до 57%).

Но мотивировка, то есть ретроспективное объяснение ребенком своего отношения к товарищам, не всегда точно отражает его реальные мотивы. Психолог Р. А. Смирнова исследовала общение 45 дошкольников (от трех до семи лет) с тремя сверстниками, один из которых удовлетворял потребность детей в доброжелательном внимании, второй – потребность в игровом сотрудничестве, а третий – в соперничестве. Оказалось, что наибольшее предпочтение у дошкольника вызывает сверстник, проявляющий к нему доброжелательное внимание; программы игрового сотрудничества и соперничества заняли соответственно второе и третье места. С возрастом избирательность привязанностей растет, освобождается от ситуативных воздействий и становится более устойчивой.

Свидетельством потребности в друге и напряженного его поиска является появление у дошкольников воображаемых друзей. Судя по имеющимся данным, воображаемых друзей чаще всего создают себе первенцы, дети, склонные проявлять инициативу в играх, мало участвующие в спокойных играх, участвующие в более разнообразной деятельности с взрослыми членами семьи, оцениваемые родителями как более способные к разговору и общению со взрослыми. Особенно характерно наличие воображаемых друзей для единственных детей. К сожалению, как образ воображаемого друга связан с реальным общением ребенка со сверстниками, психология ничего достоверного пока не знает.

Усложнение и индивидуализация общения продолжают в школьном возрасте. Организованная коллективная жизнь (школьный класс, октябрятские звездочки, пионерская организация) облегчает выработку коммуникативных

навыков даже тем детям, которые раньше их не имели. В то же время внутри организованных и направляемых взрослыми детских коллективов всегда складываются неформальные микрогруппы, основанные на личных симпатиях и общности интересов и значительно более устойчивые, чем у дошкольников.

Состав и структура таких микрогрупп с возрастом меняется. По наблюдениям киевского психолога А. В. Киричука и его сотрудников, среди первоклассников преобладают пары, во 2-3-м классе - группы из трех и более сверстников. С 6-го класса начинается обратный процесс: в связи с ростом интимности общения число участников таких микрогрупп снова уменьшается.

Усиливается с возрастом и процесс психологического "расслоения", поляризация детей. А. В. Киричук разделил всех обследованных им детей в зависимости от числа полученных ими социометрических выборов на пять групп. Большинство, естественно, сосредоточено в "средних" группах. Но наибольший, притом неуклонный, рост с возрастом обнаружили как раз крайние группы - "звезды", которым оказывают предпочтение многие, и "отвергнутые", которых почти никто не выбирает. Такая поляризация, имеющая важные психологические последствия, отражает рост межличностной избирательности и одновременно структурной определенности детских коллективов.

Растет с возрастом и устойчивость индивидуальных предпочтений. В рамках проведенного под руководством автора этой книги исследования юношеской дружбы А. В. Мудрик повторил - с некоторыми видоизменениями - эксперимент американских психологов Д. Хоррокса и Д. Маккинни. Детям разного возраста (американские психологи обследовали детей от 5 до 18 лет, А. В. Мудрик - школьников с 1-го по 10-й класс) предлагалось назвать в порядке оказываемого предпочтения трех своих лучших друзей, три любимых цвета, три вида спорта, три школьных предмета, три развлечения и т. д. Через некоторое время (в американском эксперименте через две недели, в советском - через три месяца) опыт повторялся, и ученые имели возможность вычислить коэффициент неустойчивости выбора. Выяснилось, что в целом устойчивость в выборе друзей, как и большинства других предпочтений, с возрастом повышается, хотя эта зависимость и не является линейной.

Повышение устойчивости дружеского выбора и отношений, вероятно, объясняется более общим процессом стабилизации с возрастом предпочтений и интересов. Но это может быть связано также с большей осознанностью собственных эмоциональных состояний и вообще своего Я: ссора, разрушающая детскую дружбу, подростком может быть оценена как несущественная. Менее влияет и отсутствие непосредственных повседневных контактов с другом.

Канадские психологи в течение нескольких лет ежегодно социометрически изучали динамику детского выбора, начиная с младшей детсадовской группы (трехлетки) и кончая шестиклассниками (одинадцатилетки). Каждый ребенок делал по три выбора, отвечая на вопросы: "С кем ты предпочел бы играть в помещении?", "С кем ты предпочел бы играть вне школьного здания?", "С кем ты предпочел бы сидеть рядом на уроке музыки?" Оказалось, что транзитивность³ дружеских чувств с возрастом усиливается: положительное отношение к сверстнику в одной ситуации (например, выбор его партнером по игре) переносится и на другую ситуацию (он выбирается также соседом по парте). Это придает детским предпочтениям и возникающим на их основе микрогруппам большую структурную определенность, одновременно ограничивая число их участников.

Возрастная динамика межличностных отношений и их мотивов зависит также от умственного развития ребенка. Люди часто умиляются тому, как чутко улавливают настроение окружающих, плачут или смеются вместе с ними маленькие дети. Однако большей частью здесь проявляются элементарные механизмы психического заражения или подражания, от которых до сопереживания - дистанция огромного размера. Из-за ограниченности своего жизненного и познавательного опыта маленький ребенок еще не способен поставить себя на место другого. Он не столько входит в положение другого, сколько просто приписывает другому свои собственные мотивы.

Американский психолог А. Болдуин создавал конфликтные ситуации, где дошкольники должны были оценивать мотивы чужих поступков, последствия которых были, с точки зрения ребенка, отрицательными. Как правило, дети приписывали другим злой умысел, враждебные намерения по отношению к себе. Мысль, что кто-то принимает решение соответственно своим собствен-

ным, а не его, ребенка, интересам (например, покупает не игрушку, а что-то другое), не укладывается в детском сознании. Другие люди и их переживания входят в жизненный мир ребенка лишь постольку, поскольку они так или иначе затрагивают его интересы.

Мальши легко "отталкивают" чужое страдание, отказываются досматривать до конца грустные пьесы, требуют, чтобы у книжки обязательно был счастливый конец. К. И. Чуковский мудро заметил, что маленькие дети принимают близко к сердцу судьбу своих любимых сказочных персонажей не по доброте, а потому, что непосредственно отождествляют себя с ними. Ребенок не сочувствует другому, а, скорее, чувствует себя этим другим. Это обстоятельство обусловлено тем, что психологи вслед за Ж. Пиаже называют эгоцентризмом детского мышления, имея в виду, что ребенок не в состоянии поставить себя на место другого, принять точку зрения (роль) другого человека. Такой детский эгоцентризм не следует отождествлять с эгоизмом, потому что собственное Я ребенка на этой стадии развития еще не осознано и не противопоставлено "другому".

Для понимания генезиса дружбы важно выявить природу альтруизма и соотношение его познавательных и эмоциональных компонентов. Долгое время многие психологи отрицали самостоятельное значение альтруистической мотивации, объясняя доброжелательность и готовность помочь другому в терминах эгоистического расчета (вспомним теории разумного эгоизма) или как результат социального научения, лишенный каких бы то ни было природных, филогенетических предпосылок. В последние годы подход к проблеме изменился.

Биологи и этологи, анализируя факты альтруистического поведения животных, пришли к заключению, что оно весьма существенно для выживания вида как целого. А психологи констатируют наличие у человека некоторых врожденных альтруистических реакций или их прообразов.

Простейшая такая реакция – так называемый эмпатический дистресс – есть непроизвольное реагирование на болезненные эмоциональные состояния другого. Рудиментарные формы его являются, по-видимому, врожденными (вспомним эксперименты с плачущими младенцами). Позже к ним присоединяется опыт, приобретенный в результате научения: зная, что такое боль, ребенок может сочувствовать другому. Элементарная параллельная аффективная реакция постепенно превращается в относительно осознанную, основанную на симпатии заботу об обиженном, которую американский психолог М. Хоффман назвал симпатическим дистрессом.

Симпатический дистресс нельзя свести к простым эгоистическим мотивам, направленным на получение чувственного удовлетворения, материальной выгоды или социального одобрения. Во-первых, он вызывается состоянием эмоционального расстройства не столько у себя, сколько у другого лица. Во-вторых, непосредственной целью вытекающего из него поведения является помощь другому, а не себе. В-третьих, получение эмоционального удовлетворения зависит в данном случае от действий, направленных на уменьшение страданий другого.

Развитие альтруистической мотивации имеет свои когнитивные предпосылки. Чтобы элементарный эмпатический дистресс перерос в осмысленную симпатию, а примитивная идентификация с другим – в понимание, ребенок должен предварительно достичь определенной ступени умственного развития и уровня самосознания. Тот же М. Хоффман выделяет три стадии этого процесса.

На первом этапе развития (около одного года) ребенок уже осознает других людей как отдельные физические сущности, но еще не осознает их психической автономии. Поэтому его эмоциональные реакции на переживания другого не могут быть дифференцированными. Желая помочь другому, ребенок автоматически исходит из того, что переживания другого тождественны его собственным. Так, что бы утешить печального взрослого, полугодовалый ребенок предлагает ему свою любимую игрушку. Годовалый ребенок зовет на помощь плачущему сверстнику свою мать, хотя мать его друга присутствует тут же, и т. п. Тем не менее здесь уже налично определенное чувство заботы о другом, а не только о себе.

На второй стадии (примерно с двух-трех лет) ребенок уже начинает осознавать, что другие люди имеют свои внутренние состояния и настроения, не зависящие от его собственных. Это повышает интерес ребенка к другому че-

ловеку, как таковому, дифференцируя детские эмоциональные реакции. Но ребенок этого возраста еще не умеет вычленил ни свои, ни чужие переживания из той ситуации, в которой они проявляются и воспринимаются. Поэтому его сочувствие является краткосрочным, ограничено непосредственным моментом.

Лишь на третьем этапе (между шестью и девятью годами) ребенок начинает осознавать, что другие люди, как и он сам, имеют устойчивые, не зависящие от ситуации характеры и убеждения и что их непосредственные переживания можно понять только в контексте их более широкого жизненного мира. Это открывает возможность синтеза непосредственной реакции на эмоциональное состояние другого человека с осознанным представлением о нем как о личности, что составляет необходимое условие понимания.

Способность ребенка воспринимать и оценивать других людей претерпевает особенно быстрые сдвиги между 7 и 10 годами, когда он научается делать заключения относительно мыслей, чувств, личностных качеств и общих поведенческих склонностей других людей. Позже, в 12-16 лет, на этой основе складываются обобщенные модели и представления (психологи называют их имплицитной теорией личности). Происходит закономерный переход от восприятия и оценки человека в поведенческих терминах к пониманию его внутренних психических состояний, а затем - к пониманию единства личности.

Параллельно этому меняются детские представления о дружбе и самый характер дружеских отношений. Замечено, что дети вообще описывают симпатичных им сверстников детальнее, используя больший набор характеристик, чем тех, кого они не любят. О нелюбимом сверстнике достаточно сказать "Он подлый", тогда как симпатичному человеку характеристики даются с известной долей обоснования. В этом смысле дружба служит своеобразной школой человековедения, в отличие от вражды, которая может довольствоваться немногими стереотипами.

Систематическое изучение детских описаний ("языка") дружбы позволяет выявить возрастные сдвиги как в ее моральном кодексе (какие нравственные требования к ней предъявляются), так и в ее содержании (насколько психологично это отношение).

Московский психолог Р. Д. Триггер проанализировала 799 сочинений на тему "Мой друг", написанных по единому плану школьниками 3-6-х классов. Наибольшую динамику с возрастом обнаружили требования к общности внутренней жизни (с 1,2% суждений в 3-м до 11,7% в 6-м классе). При ухудшении взаимоотношений с другом третьеклассники ссылаются на отсутствие сочувствия и понимания в 2,5% случаев, у шестиклассников же эта цифра вырастает втрое, хотя этот мотив все еще в 10 раз менее значим, чем невыполнение неписаного "кодекса товарищества".

Это вполне совпадает с данными канадских психологов. Интенсивное дружеское общение - не только внутренняя потребность ребенка, но и школа его нравственного развития. Дружба не просто обогащает жизненный опыт и самосознание ребенка, но и побуждает его заботиться о другом, искать совместности переживаний и т. д. Характерно, что с возрастом (от 6 до 14 лет) альтруистические мотивы дружбы заметно усиливаются. Но это происходит не автоматически. Московский психолог Е. В. Субботский выявил, что уже у старших дошкольников наряду с прагматическим стилем общения, основанным на принципе обмена ("добро-за добро, зло-за зло"), имеются элементы альтруистического стиля, когда дети бескорыстно удовлетворяют потребности другого человека, добровольно отказываясь от вознаграждения Э.

Одна из предпосылок альтруистического стиля отношений - достаточно высокая степень независимости ребенка. Хотя альтруистические нормы внушаются в качестве желательных с раннего детства, их выполнение не поддается жесткому внешнему контролю и не сопровождается немедленным "воздаянием". Самостоятельность и независимое поведение у детей сначала проявляются по отношению к равным, сверстникам, и лишь затем - к взрослым, которые задают ребенку правила поведения, требуют послушания и т. п. Таким образом, мы снова, уже в который раз, убеждаемся во взаимосвязи дружбы и нравственного сознания.

Оценивая жизненный мир ребенка по своим собственным канонам, взрослые часто упрощают и идеализируют детство, втискивая его "в мундир душевной ясности и беззаботности". Между тем дети развиваются по-разному и даже

в благополучных семьях нередко чувствуют себя одинокими и заброшенными. Художественная и автобиографическая литература описывает это точнее, чем "среднеарифметические" показатели "научной" психологии.

"Детские несчастья – особый род одиссеи. Их печаль, тонкость, неожиданная мрачность, страхи, а рядом: железные законы "больших", покачивающиеся где-то в неизмеримой высоте со всей своей почти божественной непостижимостью... Тут же рядом – шалость, трепещущая фантазия (которая все просится на волю), а на шаг еще дальше – какие-то жуткие срывы, чуть ли не пропасти". Это образное описание переживаний детей принадлежит перу тонкого знатока их психологии – советскому писателю С. Боброву. А вот признание английского философа Б. Рассела: "Все мое детство я испытывал растущее чувство одиночества и отчаяния: встречу ли когда-нибудь человека, с которым мог бы говорить. Природа и книги, и позже математика спасли меня от полной безнадежности..."

Эти индивидуальные, особые случаи не так уж исключительны. Истинные мысли и чувства ребенка, писал польский педагог Я. Корчак, "затеряны среди перенятых им у взрослых слов и форм, которыми он пользуется, вкладывая в них совершенно иное, собственное содержание".

Поэтому не стоит излишне увлекаться "стадиальными" моделями дружбы, жестко привязанными к тому или иному хронологическому возрасту, и данными массовых опросов, результаты которых зависят от множества случайных обстоятельств. "Детская", "подростковая" и "юношеская" дружба, конечно, отличаются друг от друга. Но не больше, чем отличаются друг от друга разные дети, подростки и юноши.

7. ЮНОСТЬ В ПОИСКАХ ДРУГА

Первое чувство, к которому восприимчив заботливо воспитанный юноша, – это не любовь, а дружба.

Ж.-Ж. Руссо

Отрочество и юность всегда считались привилегированным "возрастом дружбы". Ранняя юность означает рост самостоятельности, эмансипацию от родителей и переориентацию на сверстников. Это период бурного роста самосознания и обусловленной этим потребности в интимности. Все чувства и отношения этого возраста отличаются исключительно яркой эмоциональной окрашенностью.

Рассмотрим здесь особенности юношеской дружбы, опираясь главным образом на данные проведенного автором совместно с В. А. Лосенковым эмпирического исследования.

Его объектом были учащиеся 7-10-х классов ленинградских средних школ (всего 925 человек).

Для сравнения с городскими школьниками было опрошено 250 сельских девятиклассников из Ленинградской, Читинской и Челябинской областей. Основным требованием к этой выборке была достаточная удаленность от областных центров и крупных промышленных предприятий, чтобы родители опрашиваемых были связаны преимущественно с сельскохозяйственным трудом. Исследование охватило также студентов нескольких ленинградских вузов технического, гуманитарного и естественнонаучного профиля (примерно поровну); для обработки были отобраны анкеты только жителей Ленинграда (372 человека), по возрасту они распределялись так: 18-19 лет – 123 человека, 20-21 год – 166, 22 года и старше – 83 человека.

Главным инструментом сбора информации была анкета, содержащая около 200 пунктов информации (вопросов, шкал и т. д.). К более узкой выборке (162 ленинградских девятиклассника) применялись еще две методики:

1) процедура ранговых оценок испытуемыми самих себя по 16 личностным качествам, со своей собственной точки зрения (самооценка) и с предполагаемых точек зрения отца, матери, ближайшего друга, одноклассников и одноклассниц (оценки, ожидаемые от значимых лиц); 2) адаптированный личностный тест Р. Кэттелла, специально рассчитанный на старшеклассников (формы А и В).

Для ребенка главным авторитетом, источником информации и эмоцио-

нальной поддержки, как правило, бывают родители и другие взрослые. Поступление в школу и появление в жизни ребенка нового авторитета – учителя не меняет сути дела – ориентации на старшего, взрослого.

Вырастая, ребенок разрывает "пуповину" прежних отношений, основанных на зависимости от взрослых, переоценивает и перестраивает их, включая в новую, более сложную систему, в которой сам он претендует на самостоятельную и центральную роль. Его новая ориентация – на сверстников резко усиливается в переходном возрасте. Младшие дети еще принимают различие двух миров – детского и взрослого – и неравноправность отношения между этими мирами как нечто естественное, само собой разумеющееся. Подросток уже не хочет считать себя ребенком, он все больше ориентируется на взрослые нормы и критерии. Вместе с тем дабы обеспечить себе автономию от старших, он всячески подчеркивает свои возрастно-групповые отличия, считая себя представителем особого, не детского и не взрослого, "третьего мира".

Юношеское желание выделиться, быть непохожим на взрослых точно передает признание одного 16-летнего москвича: "Я курю... чтобы считаться взрослым, вернее, быть на них похожим. А вот одеваемся мы так, чтобы не быть на них похожими. Почему такое противоречие? Мне кажется, что джинсы или майка с короткими рукавами – не просто удобная одежда для нас, еще растущих по 4-5 сантиметров в год. Но это как будто и униформа, как будто мы – игроки одной команды или служащие цирка. Увидишь в толпе парня в джинсах, с сумкой через плечо, и сразу узнаешь: "свой". Так же и девчонки своих мы узнаем по некоторым внешним приметам".

Потребность в обществе сверстников типична для подростка и юноши. В проведенном нами в 1970 г. анкетировании крымских старшеклассников (160 мальчиков и девочек 8-9-х классов) им было предложено ранжировать, с кем они предпочли бы проводить свое свободное время – с родителями, друзьями, в компании сверстников своего пола, в смешанной компании и т. д. Родители оказались у мальчиков на последнем месте (шестом), а у девочек – на четвертом месте. Сходную картину рисуют и многочисленные другие исследования.

Эти пристрастия проявляются не только в объеме совместно проводимого времени. Если младшему подростку достаточно участвовать в коллективной жизни, быть с другими, то старшему необходимо быть принятым сверстниками, иметь у них определенный престиж. Низкий статус в коллективе, как правило, вызывает тревожность, а разрыв между притязаниями и реальным положением переживается крайне болезненно.

Помимо организованных коллективов (школьный класс, комсомольская организация и др.) большое значение, особенно для мальчиков, приобретают неформальные стихийные группы, формирующиеся на улице, во дворах и т. д. По данным психолога И. С. Полонского, через такие группы проходит не менее 80-85% всех ребят. Эти группы большей частью смешанные по своему социальному составу (из обследованных Полонским городских компаний 29% состояли из одних школьников, 16% – из работающих подростков и учащихся профтехучилищ, остальные – смешанные), почти девять десятых из них – разновозрастные. 36-38% таких групп – чисто мужские, в остальных участвуют и мальчики и девочки.

Хотя ощущение "групповой принадлежности" психологически очень важно для подростка, жесткая конформность неформальных групп то и дело приходит в противоречие с потребностью сознавать и чувствовать себя индивидуальностью. "Я часто думаю, чем же мы "свои", что у нас общего? – продолжает рассуждать упомянутый выше московский мальчик. – Мы отличаемся от других своей манерой одеваться, то есть не похожи на "других". Но при этом как две капли воды похожи "друг на друга". Одни и те же диски слушаем, одинаковыми словами выражаем свой восторг или неприязнь, одни и те же слова говорим девчонкам..."

Юношеское Я не совпадает с групповым Мы и зачастую определяется именно по контрасту с ним.

Группа ленинградских девятиклассников в уже упоминавшемся нашем исследовании юношеской дружбы оценивала, насколько определенные морально-психологические качества (доброта, трудолюбие, смелость, способность понять другого и т. д.) типичны для среднего юноши и девушки их возраста, а затем – для них самих. Образы собственного Я оказались

нравственно-психологически гораздо тоньше группового образа Мы. Юноши считают себя менее смелыми, менее общительными и жизнерадостными, зато более добрыми и способными понять другого человека, чем их ровесники. Девушки приписывают себе меньшую общительность, но большую искренность, справедливость и верность. Сходную тенденцию французский психолог Б. Заззо обнаружила у юных французов. Большинство опрошенных ею юношей, независимо от возраста и образования, считают, что они больше своих ровесников склонны к одиночеству, острее испытывают потребность в дружбе, сильнее привязаны к семье и активнее стремятся к профессиональному успеху, зато им меньше, чем большинству, присущи смелость, любовь к риску и уверенность в себе. В самохарактеристиках девушек также фигурируют повышенная склонность к одиночеству, потребность в дружбе и большая, чем у юношей, непохожесть на других.

Главное психологическое приобретение ранней юности - открытие своего внутреннего мира. Для ребенка единственной осознаваемой реальностью является внешний мир, куда он проецирует и свою фантазию. Для юноши внешний, физический мир - только одна из возможностей субъективного опыта, средоточием которого является он сам. Это ощущение образно выразила 15-летняя девочка, которая на вопрос психолога: "Какая вещь кажется тебе наиболее реальной?" - ответила: "Я сама".

Обретая способность погружаться в себя, в свои переживания, подросток открывает целый мир новых эмоций, красоту природы, звуки музыки, ощущение собственного тела. Но вместе с осознанием своей уникальности, неповторимости, непохожести на других приходит чувство одиночества, ощущение внутренней пустоты, которую чем-то необходимо заполнить. Отсюда - рост потребности в общении и одновременно повышение его избирательности, стремление найти того, с кем не только можно поговорить, но и вместе помолчать, насладиться тишиной природы, услышать свой внутренний голос не заглушенным суетливой

будничной повседневностью. "Теперь нет желания появляться во дворе, где всегда шум и гам, хочется помечтать или подумать о чем-либо, постоять у картины, побродить по городу, а потом опять вернуться к ребятам", - пишет ленинградский восьмиклассник.

В переходном возрасте существенно меняются представления о содержании таких понятий, как "одиночество" и "уединение". Дети обычно трактуют их как некое физическое состояние ("нет никого вокруг"). Подростки наполняют эти слова психологическим смыслом, приписывая им не только отрицательную, но и положительную ценность.

Английский психолог Д. Колмэн предлагал 11-13-, 15- и 17-летним мальчикам и девочкам дописать неоконченные фразы: "Когда нет никого вокруг" и "Если человек один". Их ответы затем классифицировались на положительные (например: "Когда нет никого вокруг, я счастлив, потому что могу делать, что хочу") и отрицательные (например: "Если человек один, он начинает нервничать"). Оказалось, что от подросткового возраста к юношескому число положительных суждений растет, а негативных - уменьшается. Если подросток боится остаться один, то юноша начинает ценить уединение, причем способность быть одному связана с большей целенаправленностью и самостоятельностью личности.

Но не все способны к этому. Как показывают данные массовых опросов и клинических исследований, подростки и юноши значительно чаще людей старшего возраста чувствуют себя одинокими и непонятыми. Но письма о трудностях общения получают и советские молодежные газеты: "У меня стоит телефон, но он постоянно молчит, а так хочется слышать знакомый голос, знать, что ты кому-то нужен..."

Рост потребности в интимном общении неизбежно психологизирует понятие дружбы.

Уже у пятиклассников наряду с развитием групповых товарищеских отношений начинается обособление более интимных группок (из двух-трех человек), связанных общими тайнами, сокровенными разговорами и т. д. Ребята не только стараются что-то делать вместе, но постоянно беседуют друг с другом, прекращая разговор, если подходит кто-то посторонний. Если секретов нет, их специально придумывают: общая тайна цементирует рождающуюся дружбу, выделяя друзей из всего остального мира. Умение хранить тайну и верность - важнейшие критерии оценки друга в этом возрасте. Эта дружба

часто неустойчива. Тем не менее, а может быть, именно поэтому поиск друга и мечты о дружбе занимают все большее место в переживаниях подростка.

Очень непосредственно отражается это в дневниковых записях школьницы из Ленинградской области Лизы Н. Сначала ее дневник, начатый в 12 лет, просто перечень разных событий. Но скоро центральное место в нем начинает занимать поиск дружбы и любви. Первые проявления этого еще совсем детские:

"Как-то Женьке Федорову я говорила, что мне хочется друга. Это была не ложь, а правда, такого друга я найти не могу. Хотела дружить с Женькой, но он не хочет. Я у него не спрашивала, но вижу по нему. Со мной хочет сейчас дружить Танька, и мы с ней немного дружим. Но она - плохой друг; со сбора ушла чуть лв не первая, а в голове у нее одни мальчишки да виконт де Бражелон. Больше с ней нельзя даже ни о чем поговорить".

Мальчики и девочки, с которыми Лиза пробует дружить, быстро меняются. Иногда это ее огорчает. "Вообще мне хочется дружить со всеми, плохими и хорошими, но настоящего друга я никак не могу найти". Накануне Лизиного 13-летия появляется запись: "Я нашла себе друга, веселого, верного, настойчивого" (это соседка по парте Галя В.). Но все-таки Лизу больше занимают мальчики. К 15 годам мысли усложняются, появляется стремление размышлять о жизни, о себе. Лиза - общительная и активная девочка, секретарь школьного комитета комсомола. У нее хорошие отношения с матерью. Тем не менее ее все чаще навещает одиночество: "Что-то странное стало твориться. Моя голова пухнет. Каждую свободную минуту я думаю, и все больше о жизни, о себе. Может, у меня наступает юность, я стала взрослой? Кончилось детство? Иногда из-за этих дум я не могу заснуть по ночам, лежу, ворочаюсь и думаю. У меня были и плохие мысли, но, возможно, правильные. Я стала чувствовать, что никому не нужна, даже своим лучшим, наверное, уже бывшим друзьям - Галке и Жене".

Чувство одиночества проистекает не от внешней изоляции, не от плохого окружения, а от невозможности выразить всю полноту чувств: "Как жаль, что сейчас мы стесняемся говорить друг другу все... Много, очень нужное, скрываешь". Но в чем современные юноши и девушки, старшеклассники и студенты, усматривают сущность своих дружеских отношений? Считают ли они дружбу исключительным, интимным отношением или, как полагают некоторые ученые, дружба растворяется в поверхностном приятельстве?

Полагая, что одним из показателей уровня предъявляемых к дружбе требований может служить суждение о том, насколько часто встречается настоящая дружба среди сверстников, мы включили этот вопрос в анкету опроса, проведенного в рамках нашего с В. А. Лосенковым эмпирического исследования. Оказалось, что представления современных юношей и девушек в этом отношении мало отличаются от взглядов их предшественников. От 45 до 72% опрошенных ленинградских старшеклассников и студентов считают, что настоящая дружба встречается редко. Резких возрастных отличий здесь не наблюдается. Более заметны половые различия: в 7-9-х классах девушки считают дружбу значительно более редкой, чем юноши, зато в старших возрастах разница не только уменьшается, но девушки настроены в этом отношении оптимистичнее, чем юноши (40% положительных ответов школьниц 10-го класса и 41% таких же ответов студенток).

Однако уровень запросов ничего не говорит об их содержательных критериях. Значительно информативнее в этом плане было задание дописать незаконченное предложение: "Друг и приятель - не совсем одно и то же, так как...". От 37 до 65% опрошенных, в зависимости от возраста, подчеркивали близость и доверительность дружбы ("друг знает о тебе все", "друг намного ближе", "с приятелем никогда не поделишься тем, что доверяешь другу"). Остальные отмечали большую прочность, устойчивость дружбы ("друга выбирают на всю жизнь"), взаимопомощь и верность ("приятель подведет, друг-никогда").

Еще более рельефную картину дает распределение ответов по предложению: "Друг - это тот, кто...". В определениях, не связанных заданными рамками сравнения, преобладают два мотива - требование взаимопомощи и верности и ожидание сочувствующего понимания со стороны друга.

Характерно, что с возрастом мотив понимания заметно усиливается (у юношей - с 16% в 7-м классе до 40% в 10-м; у девушек - соответственно с 25

до 50%), у девушек он вообще выражен сильнее. Эта частичная (поскольку оба мотива переплетаются и предполагают друг друга) переориентация с инструментальных ценностей (взаимопомощь) на экспрессивные (понимание), несомненно, связана с развитием самосознания.

Однако более тонкие и дифференцированные психологические запросы удовлетворить труднее. Не отсюда ли и рост сомнений в распространенности "настоящей дружбы"?

Из 162 крымских старшеклассников, охваченных нашей пробной анкетой, только восемь человек сказали, что у них нет близких друзей. Но когда потом ребята должны были указать, в какой мере их лично тревожат некоторые проблемы, типичные для их ровесников, выяснилось, что "отсутствие настоящего друга" тревожит 29% мальчиков и 35% девочек, от "непонимания со стороны друзей" страдает каждый седьмой мальчик и каждая четвертая девочка и т. д. Парадокс? Недостаток методики исследования? Нет, нормальное и типичное внутреннее противоречие юношеской психики. Да и только ли юношеской? Близость с теми, кого мы любим, очень редко кажется нам "достаточной".

Как реализуются эти установки в реальном поведении? Если дружба и приятельство разграничиваются более или менее строго, то число друзей не должно быть особенно велико. Эта гипотеза подтвердилась. Среднее число друзей своего пола у юношей от 7-го класса к 10-му несколько уменьшается (у девушек такой тенденции нет), а число приятелей, наоборот, растет. Это свидетельствует о растущей индивидуализации и избирательности дружбы. При этом у девушек во всех возрастах друзей своего пола меньше, а друзей противоположного пола больше, чем у юношей.

Индивидуальные вариации, стоящие за средними цифрами, очень велики. Из числа ленинградских девятиклассников вовсе не имеют близких друзей, по их собственной оценке, 2,9% юношей и 3,9% девушек, по одному другу своего пола имеют 23% юношей и 29% девушек; двоих друзей-31% юношей и 30% девушек. Таким образом, дружба выглядит достаточно избирательной и индивидуальной. Юноши с числом друзей свыше четырех составляют 12%, а девушки-10% общего числа обследованных.

С кем же дружат старшеклассники?

Соседство (по крайней мере в городских условиях) играет в установлении и поддержании дружбы меньшую роль, чем совместная учеба. Внутриколлективные отношения также не исчерпывают круг дружеских привязанностей старших школьников. Среди друзей своего пола у семиклассников одноклассники составляют 50%, а у десятиклассников - только 37%.

В ответах на вопрос, где состоялось знакомство с внешкольными друзьями, прежняя совместная учеба занимает второе место после совместного летнего отдыха. Вместе с тем принадлежность к одному и тому же учебному коллективу как ведущий фактор формирования дружеских привязанностей с возрастом теряет былое значение, дружеское общение все больше выходит за школьные стены.

Выяснить психологические функции дружбы с помощью простых вербальных методов (типа самоотчета) невозможно. Даже при полной искренности человеку трудно раскрыть содержание своего общения, темы бесед с друзьями и т. п. Много забывается, кроме того, истинный смысл дружеского общения зачастую не осознается. Поэтому, спрашивая старшеклассников, как часто они обсуждают со своими друзьями те или иные темы и какие у них существуют общие виды деятельности, мы не питали иллюзий относительно психологической ценности полученных данных. Тем не менее эти сведения бросают некоторый свет на соотношение вербального общения и предметной деятельности.

В. А. Сухомлинский писал, что уже у 13-14-летних подростков основой дружбы чаще становятся духовные интересы и потребности, чем увлечение каким-то определенным видом труда. Данные проведенного нами опроса подтверждают это мнение.

Разумеется, дружеское общение всегда как-то объективировано. Не говоря уже о совместной учебе, порождающей много общих проблем и интересов, в общении старшеклассников с друзьями важное место занимают общественная работа, совместный досуг, развлечения, спорт, а также различные любительские занятия и хобби. Но не случайно от 20 до 40% опрошенных оставили вопрос о совместной деятельности с другом (речь шла именно о совмест-

ных занятиях и увлечениях) без ответа. Дружба ассоциируется главным образом с разговорами, спорами, обменом мнениями, что подтверждает ее коммуникативно-личностный характер.

Для понимания психологических функций дружбы очень важны ее возрастные рамки. Хотя в принципе люди предпочитают друзей собственного возраста, понятие "сверстник" относительно. В 40-50-летнем возрасте разница в пять-шесть лет совсем невелика, а два-три года и вовсе не заметны. Иное дело - в ранней юности.

Пятнадцати-шестнадцатилетние юноши и девушки тянутся к старшим, жадно вслушиваются в их слова и всматриваются в их поведение. Дружба со взрослыми для них дорога и желанна. Потребность в эмоциональном контакте со старшими нередко принимает форму страстного увлечения, когда во взрослом видят живое воплощение идеала. Это случается не только с экзальтированными девушками. Шестнадцатилетний Н. А. Добролюбов писал о своем семинарском преподавателе И. М. Сладкопевцеве: "Я никогда не поверял ему сердечных тайн, не имел даже надлежащей свободы в разговоре с ним, по при всем том одна мысль - быть с ним, говорить с ним - делала меня счастливым, и после свидания с ним, и особенно после вечера, проведенного с ним наедине, я долго-долго наслаждался воспоминанием и долго был под влиянием обаятельного голоса и обращения... Для него я готов был сделать все, не рассуждая о последствиях". Эта привязанность сохранилась даже после отъезда Сладкопевцева из Нижнего Новгорода. Подобные страстные увлечения нередки и у современной молодежи.

Однако тяготение к сверстникам еще сильнее. Данные как зарубежных, так и наших исследований свидетельствуют, что фактически среди друзей своего пола и у юношей, и у девушек преобладают сверстники. Да и в ответах на вопрос: "Человека какого возраста вы предпочли бы иметь своим ближайшим другом - старше себя, своего возраста или младше?" - юноши всех возрастов отдают решительное предпочтение сверстникам (75-85% всех ответов), значительно реже - старшим и совсем редко - младшим. У девушек на первом месте также ровесница, но они значительно чаще, чем юноши, отдают предпочтение старшим (от 39 до 50% ответов в сравнении с 13-19% у юношей), зато младших не выбирают вовсе.

Каков психологический смысл этих расхождений? Возраст "идеального друга" приоткрывает некоторые не всегда осознаваемые психологические потребности. Ориентация на ровесника говорит о стремлении к более или менее равным отношениям. Такая дружба основывается на принципе схождения и равенства ("с парнем моего возраста мне легче общаться", "ему можно все сказать, не боясь насмешек", "с ним свободней, я могу показаться ему таким, какой есть, не стараясь выгладеть умнее"). Выбор более старшего друга, напротив, выражает потребность в примере, опеке, руководстве ("старший может служить образцом", "может поделиться опытом, рассказать о том, чего я еще не знаю", "на него можно положиться").

Почему же так редка ориентация на младшего? Потребность в общении с младшими, желание руководить, делиться опытом, опекать отнюдь не редкость в юношеском возрасте. Более того, судя по нашим данным, юноши, имеющие младших братьев или сестер, выше, чем остальные, оценивают себя по таким качествам, как смелость, доброта, ум, самостоятельность, а также ожидают более высоких оценок в этом отношении от своих родителей и друзей. Общение с младшими, позволяя юноше проявить свои положительные качества и почувствовать себя взрослым и значительным, благотворно влияет на его самоуважение.

Но как ни приятно юноше чувствовать себя сильным и нужным, этот тип отношений не вполне отвечает его представлениям о дружбе. Для ранней юности типична идеализация друзей и самой дружбы. По данным ряда экспериментальных исследований, представление о друге стоит значительно ближе к идеальному Я подростка, нежели к его представлению о своем наличном Я. Младший для этой роли не подходит. Дружба с младшим воспринимается скорее как дополнение дружбы со сверстниками, чем как ее альтернатива. У тех, кто дружит исключительно с младшими, такой выбор в большинстве случаев вынужденный. Это либо результат отставания в развитии, когда по характеру своих интересов и поведению юноша объективно ближе к младшим, чем к сверстникам, либо следствие каких-то психологических трудностей: застенчивости, боязни, свойственной мальчишеским компаниям, соревнова-

тельности, несоответствия уровня притязаний и возможностей и т. п. Перенос эмоциональной привязанности на младших часто является известной психологической компенсацией.

Какое же место занимает дружба в ряду других межличностных отношений и прежде всего какова сравнительная степень близости юношей и девушек с друзьями и с родителями?

Для выявления сравнительной степени психологической близости юношей и девушек с ближайшими друзьями и иными значимыми лицами (мать, отец, другие члены семьи, классный руководитель, любимый учитель) нами применялись три семиранговые шкалы, измерявшие понимание (от "полностью понимают" до "совершенно не понимают"), доверительность в общении (от "всегда" до "никогда") и субъективная легкость общения.

Оценки, которые юноши и девушки дали тому, как их понимают окружающие люди, в целом оказались довольно высокими: почти во всех случаях они стоят ближе к положительному, чем к отрицательному полюсу. Подавляющее большинство опрошенных не чувствуют себя непонятыми, эмоционально и духовно изолированными. Романтический образ юноши как одинокого Чайльд-Гарольда сегодня явно не является статистически типичным (да и был ли он когда-нибудь таковым?). Тем не менее и у юношей, и у девушек всех возрастов "ближайший друг" (как правило, сверстник своего пола) занимает ведущее положение.

В контрольном исследовании московских школьников с 5-го по 10-й класс, проведенном А. В. Мудриком, фиксировалось не только насколько хорошо, по их мнению, понимают их мать, отец, друг и другие люди, но насколько важно для них понимание этого человека, независимо от степени фактической близости с ним. Отвечая на второй вопрос, мальчики называли родителей (по отдельности) чаще, чем друга (ответы девочек противоречивы). Но как только оценивается фактическая психологическая близость (понимание и доверительность в общении), предпочтение отдается другу. Уровень понимания со стороны матери, занимающей в этом отношении второе место, отца, любимого учителя и других взрослых оценивается ниже, причем с возрастом (особенно от 14 к 16 годам) эта оценка понижается, тогда как положение друга остается более или менее стабильным.

Еще яснее выражена эта тенденция по шкале доверительности. Резкое снижение доверительности с родителями опять-таки приходится на период от 14 до 16 лет, после чего положение стабилизируется. Отчетливо выступают также различия в оценке психологической близости с матерью и отцом. Характерно, что у девочек возрастное снижение доверительности общения

с отцом отсутствует, так как уже в 14 лет она весьма низкая. По шкале легкости общения эти возрастные тенденции выражены менее определенно, но порядок рангов значимых лиц остается таким же.

Шкала доверительности

(Ответ на вопрос: "Делитесь ли Вы с этими людьми своими сокровенными мыслями, переживаниями, планами?")

Какие социальные факторы влияют на иерархию значимых других? Как, например, влияет на дружеское общение старшеклассников их социальное происхождение, в частности уровень образования их родителей, и различия городских и сельских условий жизни? Существенных различий в дружбе старшеклассников в зависимости от уровня образования их родителей обнаружено не было. Этому есть три взаимодополнительных объяснения. Во-первых, социалистическое общество систематически разрушает и стирает социально-классовые различия. Во-вторых, многие социальные различия, существующие в семьях, нивелируются школьным коллективом, где представлены дети из разных социальных слоев. В сфере же свободного общения влияние сверстников особенно велико. В-третьих, сказалась, видимо, преимущественно "личностная" ориентированность нашего исследования.

Более результативным оказалось сравнение дружеского общения городских и сельских девятиклассников. Различия между ними интересны не только сами по себе, но и в связи с обсуждавшейся выше проблемой влияния на друж-

бу урбанизации. Казалось бы, коль скоро городская жизнь, как таковая, делает межличностное общение более поверхностным и экстенсивным, то дружба сельских школьников должна быть теснее, устойчивее и интимнее, чем у их городских сверстников. –Реальная картина оказалась сложнее.

Сельская школа в большей мере, чем городская, концентрирует в себе дружеские связи своих воспитанников: удельный вес внешкольных дружб здесь ниже, чем в городе. В сельской школе значительно больше развиты межклассные контакты (у ленинградских девятиклассников доля друзей – соучеников по школе, но не одноклассников составляет меньше 4%, а у сельчан – 23%). Встречи друзей здесь чаще происходят в общественных местах, роль домашних условий и улицы (двора), высокая в условиях города, снижается. У сельских юношей удельный вес встреч с друзьями в общественных местах втрое, а с друзьями противоположного пола вчетверо выше, чем у ленинградцев. Та же тенденция наблюдается у девушек. Диапазон выбора друзей, равно как и способов общения с ними, на селе значительно уже, чем в городе.

Но влияет ли все это и как именно на индивидуальную избирательность и ценностные критерии дружбы?

Судя по нашим данным, сельские девятиклассники реже городских ощущают дефицит дружеского общения. Они чаще горожан положительно отвечают на вопрос о распространенности "настоящей дружбы", выше оценивают сплоченность своих классных коллективов. Казалось бы, это подтверждает мысль о большей экстенсивности "городской" дружбы. Однако, если сопоставить ценностные критерии дружбы городских и сельских школьников, такой вывод оказывается под вопросом. У городских девятиклассников акцент на психологической близости с другом (мотив понимания) выражен гораздо сильнее, чем у сельских (разница составляет 15% у юношей и 25% – у девушек). Кроме того, отношения с окружающими, включая и родителей, более удовлетворяют сельских девятиклассников, чем городских ребят. Хотя ранг отдельных значимых лиц по всем трем шкалам психологической близости (понимания, доверительности и легкости в общении) в деревне тот же, что и в городе (на первом месте стоит друг, затем – мать, отец и т. д.), все оценки здесь сдвинуты к положительному полюсу.

На фоне высоких оценок, которые сельские ребята дают своим отношениям со взрослыми, психологическая близость с ближайшим другом выделяется не так резко, как в городе, да и сама роль друга кажется менее исключительной. У сельских юношей реже встречается "парная" дружба (15,6% против 23,4% в городе) и чаще – экстенсивная дружба, объединяющая свыше пяти друзей (20% против 12% в городе).

Однако видимость большей психологической близости сельских старшеклассников с родителями может объясняться не только и не столько большей фактической открытостью или меньшей рефлексивностью сельчан, сколько влиянием определенных культурных стереотипов. Сельский девятиклассник может быть даже менее откровенен с родителями, чем его городской сверстник. Ведь в крестьянских семьях психологическая дистанция между детьми и родителями по традиции поддерживается строже, чем в городских, особенно интеллигентских. Но, заполняя анкету, даже анонимную, он, возможно, не рискует проявить "непочтительность" к старшим, тогда как городской школьник рад подчеркнуть свою "независимость". Чтобы проверить эту догадку, необходимо дополнить шкалы психологической близости каким-то объективным измерением интенсивности и доверительности общения подростков с родителями в разных социально-культурных средах.

Степень близости девятиклассников с разными значимыми лицами изучалась и с помощью самооценочной методики. Каждый испытуемый должен был оценить себя по 16 качествам (жизнерадостность, самостоятельность, доброта и т. д.) по пятибалльной шкале, а затем предсказать, как оценят его по тем же параметрам мать, отец, ближайший друг, любимый учитель, одноклассники. Исходной посылкой здесь было логическое заключение, что, чем выше предполагаемая испытуемым степень понимания его определенным лицом, тем ближе будут ожидаемые им оценки со стороны этого лица к собственной самооценке. Ближе всего к самооценке оказались ожидаемые оценки друга. Более того, друг был единственным человеком, от которого девятиклассник ждет более высоких оценок, чем оценивает себя сам. Это служит косвенным подтверждением мысли о том, что одной из главных неосознаваемых функций

юношеской дружбы является поддержание самоуважения личности.

При всей своей тяге к самостоятельности подростки и молодые люди остро нуждаются в жизненном опыте и помощи старших. Поэтому психологическую значимость родителей и сверстников надо выявлять, не просто сравнивая ее по степени, но и учитывая сферу деятельности.

Крымские старшеклассники, отвечая на вопрос анкеты, с кем они предпочли бы проводить свободное время, отвергли родителей в пользу компании сверстников. Зато советоваться в сложной житейской ситуации они предпочли в первую очередь с матерью; на втором месте у мальчиков оказался отец, у девочек – друг (подруга). Иначе говоря, с товарищами приятно развлекаться, с друзьями – говорить о своих переживаниях, по в трудную минуту лучше все-таки обратиться к маме.

Та же картина наблюдается и сегодня. Обследование доверительного общения 114 старшеклассников (было выделено 14 категорий значимых лиц и 36 обсуждавшихся с ними тем) показало, что наиболее интимные, личные темы ("случаи больших разочарований" и "отношения с представителями противоположного пола") обсуждаются исключительно с друзьями. Общение с родителями выглядит более деловым, "предметным". С отцами обсуждают преимущественно жизненные планы и учебные дела, а с матерями, кроме того, домашние проблемы и удовлетворенность собой.

Юношеская дружба иногда выступает как своеобразная форма "психотерапии", позволяя молодым людям выразить переполняющие их чувства и найти подтверждение того, что кто-то разделяет их сомнения, надежды и тревоги.

Слушая телефонный разговор двух подростков, взрослые нередко буквально выходят из себя от его бессодержательности, незначительности сообщаемой информации и не замечают, сколь важен этот "пустой" разговор для их сына, как тянет его к телефону, как меняется в зависимости от такого разговора его настроение. Разговор кажется пустым потому, что его содержание не логическое, а эмоциональное. И выражено оно не столько в словах и предложениях, сколько в характерных интонациях, акцентах, недоговоренности, недомолвках, которые подросток при всем желании не смог бы перевести в понятия, но которые доносят до его друга-собеседника тончайшие нюансы его настроений, оставаясь бессмысленными и непонятными для постороннего слушателя. В этом отношении подобный "пустой" разговор куда важнее и значительнее, чем "содержательная" светская беседа о высоких материях, блистающая умом и знаниями, но не затрагивающая личных, жизненных проблем собеседников и оставляющая у них в лучшем случае ощущение приятно проведенного вечера.

Но – оборотная сторона медали! – многозначность подобной коммуникации делает ее отчасти иллюзорной. Юношеская потребность в самораскрытии часто перевешивает интерес к раскрытию внутреннего мира другого, побуждая не столько выбирать друга, сколько придумывать его. Подлинная интимность, то есть совмещение жизненных целей и перспектив друзей при сохранении индивидуальности и особенности каждого, возможна только на основе относительно стабильного "образа Я". Пока этого нет, подросток мечется между желанием полностью слиться с другим и страхом потерять себя в этом слиянии.

По меткому выражению американского психолога Э. Дауван, "юноша не выбирает дружбу, его буквально втягивает в нее". Нуждаясь в сильных эмоциональных привязанностях, молодые люди подчас не замечают реальных свойств их объекта. При всей их исключительности дружеские отношения в таких случаях обычно кратковременны. "Людей выбирают в качестве объектов, а затем бросают, нисколько не заботясь об их чувствах, заменяя другими лицами. Оставленные объекты быстро и полностью забываются, но форма отношения к ним обычно воспроизводится в отношении к новому объекту вплоть до мельчайших деталей, с точностью, похожей на одержимость".

Представители различных теоретических ориентации по-разному объясняют это. Психоаналитики объясняют неустойчивость юношеских увлечений тем, что они почти не связаны с реальными свойствами их объекта. Для подростка объект увлечения не конкретное лицо, а лишь средство избавления от своей внутренней напряженности, хороший или дурной пример, способ самоуспокоения или доказательства собственных способностей.

Социальная психология склонна объяснять это скорее сложностью процесса межличностного общения, социальной незрелостью и коммуникативной не-

компетентностью партнеров. Дифференциальная психология придерживается точки зрения, что требования к другу и дружбе зависят не только и не столько от возраста, сколько от типа личности. В ранней юности, пока индивид еще не научился корректировать собственные реакции, их острые углы проявляются наиболее резко.

Каждое из этих объяснений в какой-то мере справедливо. Юношеская дружба ближе всего стоит к романтическому идеалу, но ей свойственны и все его издержки. Вспомним "Юность" Л. Н. Толстого. Ее герою "невольюно хочется пробежать скорее пустыню отрочества и достигнуть той счастливой поры, когда снова истинно нежное, благородное чувство дружбы ярким светом озарило конец этого возраста и положило начало новой, исполненной прелести и поэзии, поре юности". Дружба с Дмитрием Нехлюдовым, "чудесным Митей", не только открыла 15-летнему мальчику "новый взгляд на жизнь, ее цель и отношения", но и явилась символическим рубежом начала юности. Дружба эта исключительно нежна, поэтична, скреплена пактом откровенности – "признаваться во всем друг другу", а чтобы не бояться посторонних (оба стыдливы и застенчивы), "никогда ни с кем и ничего не говорить друг о друге". Юноши действительно говорят обо всем и больше всего о самих себе, своих чувствах и переживаниях. Однако оба весьма эгоцентричны. Говорить о себе им куда приятнее, чем слушать. Вот Дмитрий рассказывает о своей влюбленности. А что в это время думает Николай? "Несмотря на всю дружбу мою к Дмитрию и на удовольствие, которое доставляла мне его откровенность, мне не хотелось более ничего знать о его чувствах... а непременно хотелось сообщить про свою любовь к Сонечке, которая мне казалась любовью гораздо высшего разбора". Поэтому, не обращая внимания на то, что Дмитрий занят своими мыслями и совершенно равнодушен к тому, что мог услышать от друга, Николай спешит поведать ему о своем. Но равнодушный прием остужает чувство: "...как только я рассказал подробно про всю силу своего чувства, так в то же мгновение я почувствовал, как чувство это стало уменьшаться".

Безудержная откровенность, не признающая никакой психологической дистанции, столь ценимая в начале дружбы, теперь начинает мешать; интимные "признания не только не стягивали больше связь, соединявшую нас, но сушили самое чувство и разъединяли нас...". В момент ссоры эти признания используются для того, чтобы поглубже уязвить друг друга...

В юности, как тонко заметил австрийский писатель Р. Музиль, стремление светить самому гораздо сильнее, чем стремление видеть при свете. Юношеская дружба "как яйцо, чувствующее свою великолепную птичку будущность уже в желтке, но представляющее внешнему миру пока всего лишь несколько невыразительным овалом, который нельзя отличить от любого другого". Чем эгоцентричнее дружба, тем вероятнее, что с возрастом в ней появятся нотки враждебности. "Несметное число лет назад мы восхищались друг другом, а теперь мы не доверяем друг другу, зная друг друга насквозь. Каждому хочется избавиться от неприятного впечатления, что когда-то он путал другого с самим собой, и потому мы служим друг другу неподкупным кривым зеркалом".

Вопрос о соотношении генезиса самосознания и психологической интимности стал предметом спора двух американских психологов – Э. Г. Эриксона и Г. С. Салливанна.

По мнению Эриксона, становление идентичности, то есть целостного самосознательного Я, предшествует вызреванию у личности способности к устойчивой психологической близости с другим человеком. "Только когда формирование идентичности в основном завершено, становится возможной истинная интимность, которая фактически является одновременно и слиянием, и противопоставлением индивидуальностей... Юноша, который не уверен в своей идентичности, избегает межличностной интимности или же склонен к такой интимности, в которой есть только видимость "совместности", но без подлинного слияния или реального самозабвения".

Эмпирическая проверка теории Эриксона стала возможна, когда канадский психолог Дж. Марша конкретизировал понятие личной идентичности, выделив четыре статуса, или уровня, ее развития: 1) "диффузное Я" – индивид еще не сделал ответственного жизненного выбора (профессии и мировоззренческой позиции), его Я выглядит расплывчатым, неопределенным; 2) "предрешенность" – индивид уже включен в систему взрослых отношений, но его вы-

бор сделан не самостоятельно, а под воздействием извне; 3) "мораторий" - индивид находится в процессе профессионального и мировоззренческого самоопределения; 4) "зрелое Я"-личность нашла себя и вступила в период практической самореализации.

Многочисленные исследования подтвердили, что разные уровни идентичности соотносятся с широким спектром индивидуально-личностных черт, включая стиль общения и личных отношений. Сопоставление степени интимности, глубины и взаимности личных отношений (интимные отношения, стереотипные отношения и состояние психической изоляции) юношей и девушек с уровнем развития их идентичности показало, что способность к интимности отличает прежде всего тех, кто находится в стадии "моратория" или достиг "зрелой идентичности", тогда как общение молодых людей с "предрешенной" или "диффузной идентичностью" более поверхностно и стереотипно. Среди юношей и девушек с "диффузной идентичностью" самый высокий процент изолированных. В число людей, поддерживающих интимные отношения с окружающими, не попал ни один человек с "диффузной" и только 18% с "предрешенной идентичностью". Уровень развития самосознания существенно сказывается на отношениях юношей и девушек с их родителями, друзьями и любимыми.

Но за возрастными различиями сплошь и рядом скрываются различия личностные. Хотя среди 12-13-летних подростков "диффузное Я" встречается чаще, чем среди юношей, переход к "зрелому Я" происходит медленно, сравнительно поздно, и не у всех. Свыше половины канадских студентов, обследованных Марша, сохранили первоначально зафиксированный у них низкий уровень самосознания и шесть лет спустя.

В противоположность Эриксону, Салливан полагает, что именно психологическая интимность, подтверждение и одобрение со стороны близкого человека открывают личности ее истинную сущность и позволяют обрести устойчивое Я. Поэтому он придает особое значение тесной дружбе детей и младших подростков, видя в ней средство формирования отзывчивости к переживаниям другого и общей альтруистической установки. Взгляды Салливана также получили эмпирическое подтверждение. Например, сравнение группы мальчиков, имеющих близких друзей (близость дружбы измерялась степенью ее устойчивости, искренности и предпочтением друга в качестве партнера по досугу), с мальчиками, у которых таких друзей нет, показало, что первая группа отличается и более высоким уровнем альтруизма. В другом исследовании дети, имеющие близких друзей, обнаружили не только более высокий уровень альтруизма, но и большую способность эмоционально ставить себя на место другого. Сравнение интимности межличностных отношений группы взрослых людей с тем, какими они были в детстве, выявило значимые аналогии не с юношеским, а с предподростковым возрастом (восемь-девять лет), когда начинают созревать необходимые предпосылки интимности.

Хотя отношения младших школьников с друзьями кажутся менее интимными, чем их отношения с родителями (в юности соотношение обратное), дети ведут себя в дружеских отношениях значительно самостоятельнее. Напряженный интерес к другу, который они проявляют, стремление понять его и заботиться о нем (тогда как в отношениях с родителями чаще сами выступают как объект заботы) способствуют осознанию собственной личности и одновременно формированию соответствующих навыков общения.

Однако абстрактная альтернатива, что формируется раньше - идентичность или интимность, представляется теоретически неверной, ибо оба эти понятия многомерны и многозначны. Социопрофессиональное самоопределение и формирование коммуникативных навыков не всегда бывает синхронным.

В целом возрастная динамика дружбы не может быть понята без учета того, кто, с кем, как и по какому поводу общается. И грани между "юношеской" и "взрослой" дружбой неизбежно остаются подвижными и условными.

8. ДРУЖБА ВЗРОСЛЫХ

Но те, которым в дружной встреч Я строфы первые читал... Иных уж нет, а те далече, Как Сади некогда сказал.

А. Пушкин

Согласно представлениям, унаследованным от эпохи романтизма, юность – сплошной порыв, стремление, натиск, а взрослость – статичное состояние (само выражение "стать взрослым" как бы содержит оттенок окончательности), для которого характерны спокойствие, уверенность в себе и одновременно эмоциональное оскудение. Взрослый человек, пишут американские психологи Э. Дауван и Д. Эйделсон, утрачивает свойственную юности открытость и эмоциональную чуткость к внутренним переживаниям, своим и чужим. Поэтому дружба взрослых часто лишь "совместное бегство от скуки, пакт против изоляции, с оговоркой против интимности" .

Оправдано ли это скептическое суждение? Американский психолог Д. Левинсон, детально изучивший стиль жизни 40 своих соотечественников среднего возраста, нашел, что интимная дружба у этих мужчин практически отсутствует: они редко поддерживают тесные отношения с кем бы то ни было, а разница между "другом" и "знакомым" у них размыта. В то же время 68% читателей, заполнивших анкету журнала "Сайкологджи тудэй", напротив, сообщили, что имеют от одного до пяти близких друзей, причем у 22% из них эта дружба продолжается свыше 20 лет .

Даже в одной и той же социальной среде люди дружат по-разному. Но исследований дружбы взрослых крайне мало. В нашей стране этой проблемой интересовались прежде всего социологи – Л. А. Гордон и Э. В. Клопов, А. В. Баранов, З. А. Янкова и др., да и то лишь в связи с изучением семейных отношений или особенностей городского стиля жизни. В том же ключе выполнены и англоамериканские исследования. Не лучше обстоит дело и с изучением дружбы старых и пожилых людей.

Между тем в связи с дружбой взрослых, особенно людей пожилого возраста, встает целый ряд серьезных вопросов. Как изменяется с возрастом круг реального дружеского общения – число друзей, их возраст, пол и социальные характеристики? Какие функции выполняет и какое место занимает дружба в системе личных отношений взрослого человека – семейных, родственных, соседских, трудовых и пр.? Зависят ли от возраста ценностные характеристики дружбы, степень ее интимности и психологической сложности? Как влияет наличие или отсутствие друзей на психическое благополучие личности, ее удовлетворенность жизнью, переживание счастья и т. п.?

Видимо, можно признать, что "пик" дружбы, когда она является наиболее исключительной, интенсивной и эмоционально значимой, приходится на юность и раннюю молодость. В социально активном среднем возрасте интенсивность дружеского общения и психологическая интимность дружбы в большинстве случаев снижаются. Обыденное сознание склонно объяснять это эмоциональным оскудением личности. Как сказал один писатель, человек всегда чувствует себя дома в своем прошлом.

Переживания юности, даже если вы хорошо помните ее горести и разочарования, всегда сохраняют неповторимое обаяние. Но тоска по утраченной молодости и желание начать жизнь сначала далеко не всегда говорят о реальном оскудении чувств, тем более что чувство собственного "остывания" навещает многих еще на школьной скамье. Пушкинский Ленский не единственный, кто "пел поблеклый жизни цвет без малого в осьмнадцать лет" .

Большую сдержанность и сухость дружбы взрослых людей нередко объясняют изменением соотношения разума и чувства, которое рисуется как антагонистическое. Однако, по данным сравнительной психологии, и в филогенезе и в онтогенезе эмоции и интеллект развиваются не в антагонизме друг с другом, а, скорее, параллельно. Чем выше уровень организации и развитости организма, тем выше его эмотивность. Это проявляется в расширении круга факторов, способных вызывать эмоциональное беспокойство, большем многообразии способов проявления эмоций, продолжительности эмоциональных реакций, вызываемых кратковременным раздражением, и т. д. Чувства взрослого человека сложнее, тоньше, дифференцированнее, чем детские эмоции. Взрослый точнее, чем ребенок или юноша, воспринимает и расшифровывает чужие переживания. Однако его чувства лучше контролируются разумом. Иначе и быть не может. Если бы взрослый с его сложными, дифференцированными чувствами и широкой сферой значимых отношений реагировал на все с непосредственностью ребенка, он неминуемо погиб бы от перевозбуждения и эмоциональной неустойчивости. Его спасают два вида психологической защиты.

Во-первых, у него развиваются сложные и эффективные психофизиологические механизмы внутреннего торможения, сознательного и бессознательного самоконтроля. Во-вторых, культура облегчает индивиду эмоциональные реакции, "задавая" более или менее единообразные правила поведения и стандартизируя многие типичные ситуации (гипотеза Д. Хебба и У. Томпсона).

Частое повторение даже самой драматической ситуации, делая ее привычной, снижает ее эмоциональное воздействие. Хирург не черствеет предстателей других профессий, тем не менее он не падает в обморок при виде крови, так как воспринимает ее в свете своих профессиональных установок. Дело не столько в силе эмоциональной реакции, сколько в ее направленности: вид крови возбуждает каждого человека, но хирурга это возбуждение стимулирует к активной профессиональной деятельности, а у кисейной барышни вызывает парализующий ужас.

Однако это имеет и свою оборотную сторону. Как костяк, становясь прочнее, утрачивает свойственную ему на ранних стадиях развития гибкость, так и стандартизация эмоциональных реакций, обеспечивая сохранение психической устойчивости, постепенно притупляет их живость и непосредственность. А. Сент-Экзюпери недаром воплотил идею сочувствия и сопереживания не во взрослом, а в Маленьком принце. Сдвиги в характере дружбы связаны не столько с психофизиологическими, сколько с социально-психологическими процессами.

Три момента особенно важны для понимания психологических отличий дружбы взрослых людей от юношеской дружбы: 1) относительное завершение формирования самосознания; 2) расширение и дифференциация сферы общения и деятельности; 3) появление новых интимных привязанностей.

Образ собственного Я, который у юноши еще только формируется, у взрослого человека уже сложился в определенную устойчивую структуру. Жизненный опыт позволяет ему более или менее реалистически оценивать себя, свои достижения и возможности. Взрослый человек научается соизмерять свои притязания с возможностями, его сознание более предметно, менее эгоцентрично, нежели юношеское, поэтому потребность в психологическом "зеркале" у него снижается. Функция самопознания, столь важная в юношеской дружбе, теперь отходит на задний план, и дружеское общение в значительной мере теряет свою исповедность. Чтобы снять юношеские проблемы и трудности, обусловленные преувеличением собственной уникальности, непохожести на других, иногда достаточно высказать их вслух, поделиться с другом. Проблемы, волнующие взрослого человека, значительно сложнее, простым разговором их не разрешить. Поэтому его общение с друзьями имеет более предметный характер.

Это не снижает ценности экспрессивного начала дружбы. Обследованные Л. А. Гордоном и Э. В. Клоповым рабочие, служащие и инженеры, независимо от возраста и образования, выше всего ценят в своих друзьях именно душевные качества – искренность, честность, отзывчивость, простоту; такие высоко ценимые среди молодежи свойства, как веселость и общительность, у взрослых котируются ниже. Сравнительно редко встречаются и указания на интеллектуальные качества друзей.

Содержание и структура дружеского общения у взрослых меняются. Терпимость к различиям – один из главных показателей уровня культуры и интеллектуального развития. Это проявляется и в общении. Детская дружба может распасться из-за пустяка. Юноши уже готовы мириться с частными недостатками своих друзей, но сама дружба все-таки понимается как нечто тотальное. Отчасти здесь проявляется типичная для юности идеализация друга и дружбы, о которой говорилось выше, отчасти же это связано с вполне реальными обстоятельствами. Устремленные в будущее, юноши делятся друг с другом прежде всего мечтами и жизненными планами. Чем неопределеннее эти образы будущего, тем легче найти человека, который полностью их разделяет.

Жизненный мир взрослого человека гораздо сложнее. Его деятельность, круг его общения и сфера интересов неизбежно расчленяются, специализируются. Чем сложнее и многограннее человек, тем труднее найти другого, который был бы ему созвучен во всех отношениях. Отсюда дифференциация дружеских отношений, когда с одним из друзей нас связывают общие интеллектуальные интересы, с другим – воспоминания молодости, с третьим – эстетические переживания. Каждое из таких отношений имеет свои границы, ко-

торые люди предпочитают не переходить. Однако это не мешает дружбе быть глубокой, искренней и устойчивой.

В юности дружба, как мы видели, занимает привилегированное, даже монопольное положение в системе личных отношений и привязанностей. Она складывается, когда у человека нет еще ни собственной семьи, ни профессии, ни любимой. Единственный "соперник" юношеской дружбы – любовь к родителям, но эти чувства лежат в разных плоскостях. С появлением новых, "взрослых" привязанностей дружба постепенно утрачивает свое привилегированное положение.

Первая влюбленность не только не ослабляет потребности в друге, с которым можно поделиться своими переживаниями, но даже усиливает ее. "Мне кажется, что я немного влюблена в С., – пишет в своем дневнике девятиклассница. – И сейчас мне очень нужен кто-то, кому можно все это высказать, с кем поговорить". Но как только появляется взаимная любовь, предполагающая как физическую, так и психологическую интимность, эта сфера отношений, как правило, изымается из обсуждения с прежними друзьями (пока в любовных отношениях не возникают какие-то трудности).

Особенно резко меняется структура дружеских отношений с вступлением в брак. Прежде всего встает вопрос: совместимы ли с семьей прежние друзья? Что же касается новых друзей, ю они выбираются уже с учетом приемлемости для обоих супругов. Семейная дружба, дружба парами или домами, естественно, менее интимна, чем юношеская. Молодые супружеские пары первое время по инерции продолжают ориентироваться на внесемейное общение. Половина опрошенных Л. А. Гордоном и Э. В. Клоповым недавно состоящих в браке людей сказали, что, будь у них больше свободного времени, часть этой "прибавки" они использовали бы для встреч с друзьями. Но постепенно удельный вес внесемейного общения снижается, и, что особенно важно, оно все теснее связывается с общением домашним. Люди чаще встречаются не в общественных местах, а дома. В числе их гостей и тех, к кому они сами ходят в гости, ведущее место занимают родственники. Внесемейное общение (например, мужские компании, встречи в кафе или в пивном баре) становится периферийным.

С появлением детей значительная доля эмоциональной привязанности переносится на них. По данным тех же Л. А. Гордона и Э. В. Клопова, главная тема разговоров с друзьями и знакомыми у взрослых мужчин – работа, а у женщин – семейные дела. Если в начале юности дружба оттесняет родительское влияние, то теперь ей самой приходится потесниться, чтобы дать место новым привязанностям. Более экстенсивные, "поисковые" формы общения сменяются более устойчивыми и замкнутыми.

Хорошей иллюстрацией этого может служить многолетняя переписка с матерью ленинградского инженера В. Она началась в 1956 г., с поступлением 17-летнего юноши в вуз. Первая забота его в новой жизни – поиск друзей. "Друзей настоящих я себе не нашел, – пишет он матери. – Ребята в комнате со мной хорошие, не пьют, не курят, достаточно трудолюбивые и знающие, чем помочь. Но этого тем не менее недостаточно. Я сейчас особенно почувствовал, что не на кого надеяться. Другой раз нужен совсем не совет, а только уверенность в том, что его можно получить в любое время".

Проходит полгода – и уже возникла дружеская компания. Ребята вместе ходят в театры, музеи, обсуждают книги. Но этого мало. "Мы с Германом устраиваем бесконечные споры по вопросам искусства и философии. Это звучит довольно самоуверенно, но это неважно. Главное в том, что мы можем высказывать откровенно очень смелые идеи, даже в тех вопросах, которые еще мало понимаем, не боясь оказаться в глупом положении друг перед другом. Если нам не хватает фактов (идей нам пока хватает) или понимания – идем в библиотеку. Вот только плохо, что нас трое мальчишек. Ни одну девчонку еще не удалось вовлечь в хороший спор".

Письма к матери, при всей их откровенности, не охватывают всех сторон жизни. О своих отношениях с девушками, влюбленностях, романах молодой человек предпочитает не распространяться. Но когда возникает любовь, он посвящает в нее мать. Сначала это рассказы о совместных развлечениях, турпоходах и т. п. Затем тональность писем меняется. В июле 1962 г. только что окончивший вуз инженер пишет: "В отношении Л. все пока по-прежнему. Только меня тяготит немного то, что не вместе живем. И если я раньше доказывал, что папе положение сохраняет свежесть и новизну на-

ших взаимоотношений, то теперь мне часто кажется, что это напрасная трата времени. Мне уже не хочется, чтобы наша жизнь состояла из свиданий. Мне хочется работать, и чтобы она была здесь. И когда я дома слушаю музыку, чтобы она тоже была здесь, и когда ем – тоже. Просто я привык, и это не охладило меня. И это, мне кажется, лучший из возможных исходов".

Итак, женитьба, с которой неизбежно связаны новые заботы и изменение образа жизни. Но в январе 1963 г. В. пишет матери: "Мы встретили Новый год дома, вдвоем, и не скучали. Вообще я все время приятно удивляюсь тому, что нам ни одной минуты не приходится скучать вдвоем. Говоря правду, я немного боялся именно этой стороны так называемой семейной жизни. Но интересных событий так много вокруг, что едва успеваем все обсуждать и обдумывать".

Перестройка структуры и иерархии личных отношений редко проходит гладко.

Расставание с очарованием юношеской дружбы часто переживается болезненно. "...Лишь до семнадцати, восемнадцати лет мила, светла и бескорытна юношеская дружба, а там охладеет тепло общего тесного гнезда, и каждый брат уже идет в свою сторону, покорный собственным влечениям и велению судьбы", – с грустью писал А. И. Куприн. Но не следует забывать об эгоцентричности молодости, которая часто побуждает юношу искать в таких отношениях не столько собеседника, сколько зеркало или двойника. Нравственно-психологический прогресс дружеского общения заключается именно в освобождении с возрастом от такой установки. "...Пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще Собеседника, а говорит и бредит сам с собою; и лишь тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения на лице другого, он получает впервые Собеседника. Двойник умирает, чтоб дать место Собеседнику" °. Только после этого полностью вырисовывается нравственный смысл дружбы и скрепляющих ее мировоззренческих ценностей.

Поэтому, сравнивая взрослую дружбу с юношеской, надо говорить не столько об оскудении, сколько об усложнении чувств и о перемещении центра тяжести "привилегированных" сфер интимности. Ребенок получает максимум эмоционального тепла от общения с родителями. В ранней юности наиболее значимой сферой личного общения становится групповая или парная дружба. Затем на первое место выходит любовь. У взрослого круг личностно-значимых отношений становится еще шире, и какое из них психологически доминирует, зависит от индивидуальных особенностей человека и его жизненной ситуации.

Таким образом, в развитии межличностных отношений есть свои стадийные закономерности. Один вид отношений подготавливает другой, более сложный, но может и препятствовать ему. Например, слишком теплые отношения в семье, дающие застенчивому подростку максимум психологического комфорта, иногда тормозят его вхождение в общество сверстников, где за положение и понимание надо еще бороться. Тесная юношеская дружба порой также создает конфликтные ситуации. Пример: судьба "последнего в компании", который настолько поглощен своими друзьями и совместной с ними деятельностью, что не ищет других привязанностей. Его друзья один за другим влюбляются, женятся, а тот, кто полнее всего идентифицировался с группой как целым, остается один. Он запоздал с переходом в следующую стадию.

Дружеское общение во всех возрастах имеет высокую нравственно-психологическую ценность, наличие друзей считается одной из важнейших предпосылок психологического комфорта и удовлетворенности жизнью. Однако в старших возрастах новые дружбы завязываются труднее. Понятие "лучший друг" все теснее сливается с понятием "старый друг".

Дружба взрослых людей часто совмещается с семейными ролями, недаром ее считают необходимым аспектом супружеской любви. Однако здесь также есть свои противоречия. Длительная и не всегда добровольная близость зачастую притупляет интерес друг к другу. Кажется, что все слова уже сказаны, все мысли высказаны. Хотя в человеке постоянно возникает что-то новое, чем он хочет и мог бы поделиться, рутинизация отношений, страх быть непонятым или ложно истолкованным зачастую блокируют эту потребность. С посторонним человеком, случайным дорожным попутчиком иногда поговорить легче, чем с домашними, потому что новый человек принимает вас

"по номиналу", так, как вам хочется, как вы себя подаете, а старый друг не может отбросить шлейф вашей биографии и собственных взаимоотношений с вами. Можно сколько угодно иронизировать насчет традиционных мужских компаний у пивных ларьков и сакраментальной формулы "Ты меня уважаешь?", но сама их распространенность говорит о каких-то неудовлетворенных коммуникативных потребностях.

Противоречивы и сами каноны общения. С одной стороны, слышатся призывы к осторожности, сдержанности в словах: "О чем невозможно говорить, о том следует молчать". С другой стороны, своевременно не высказанные слова мертвым грузом оседают на душе. Как писал американский писатель Б. Маламуд об одном из своих персонажей, "ему было нечего сказать, потому что он не сказал этого, когда, было его время говорить. То, чего ты не выскажешь, превращается в невысказанное. Закрытый дом полон запертых комнат".

В активном среднем возрасте акцент на психологической интимности как важнейшем признаке дружбы несколько ослабевает и дружеские отношения утрачивают свой ореол тотальности (у женщин это отчасти объясняется сосредоточением интересов на семейных делах, а у мужчин - на профессионально-трудовой деятельности). Но ценности дружбы отнюдь не сводятся к взаимопомощи и совместному времяпрепровождению. При любых опросах значительная часть (хотя много меньше, чем в юности) испытуемых взрослых заявляют, что ценят в дружбе прежде всего доверие и потенциальную возможность обсуждать свои личные проблемы. Это отличает дружбу от всех прочих личных отношений, не исключая и любовно-семейных.

Наличие близких друзей на всем протяжении жизненного пути остается важнейшей гарантией против одиночества. Из анализа 400 студенческих автобиографий видно, что, хотя прекращение или разрыв дружеских отношений сам по себе сравнительно редко считается причиной одиночества, острое одиночество, возникающее вследствие кризиса в каких-то других отношениях (например, любовных), побуждает человека обращаться за помощью прежде всего к друзьям, и они действительно оказывают ему помощь. Если близких друзей нет, любой жизненный кризис переживается гораздо болезненнее.

Сравнение остроты переживаемого одиночества 255 канадских мужчин и 431 женщины с особенностями их любовно-романтических, семейных, дружеских и товарищеских отношений показало, что чувство одиночества теснее всего связано с дефицитом дружеских отношений, тогда как, например, недостаток интимности в семье вызывает острое чувство одиночества только у молодых мужчин, остальные люди находят ему какую-то компенсацию и.

В зрелом возрасте правила дружбы становятся менее жесткими, чем в юности. Для ее поддержания уже не столь важны регулярные встречи и совместное времяпрепровождение. Значительно чаще наблюдается разнополая и разновозрастная дружба. Терпимее воспринимается асимметричность дружеских отношений, различия в характере оказываемых друг другу услуг, степени взаимного доверия и т. п. Однако психологическая потребность в безусловном признании и эмоциональной поддержке с возрастом не ослабевает. Друг - это человек, к которому "я могу войти, не надевая никакого мундира, не исповедуя никакого Корана и не отрекаясь ни от чего, что принадлежит моей внутренней родине, - писал Сент-Экзюпери. - Рядом с тобой мне нет надобности ни каяться, ни оправдываться, ни доказывать... И я благодарен тебе за то, что ты принимаешь меня со всем, что есть во мне".

Потеря друзей, вместе с которыми безвозвратно уходит в небытие часть нашей собственной жизни, соучастниками и свидетелями которой, часто единственными, они были, заставляет еще выше ценить оставшихся и придает мыслям о дружбе ностальгический оттенок. Взятые эпиграфом к этой главе поэтические строки 31-летнего Пушкина почти дословно перекликаются со стихами 28-летнего Гёте:

Им не услышать следующих песен,
Кому я предыдущие читал.
Распался круг, который был так тесен,
Шум первых одобрений отзвучал.

Еще сильнее звучит эта тема в старости. В среднем возрасте дружба большей частью совмещается с другими, семейными и трудовыми, отношения-

ми, а в старости она снова обретает исключительность, ее психологическое значение резко возрастает. Общение старых людей с друзьями качественно отличается от общения с детьми и внуками. Наличие близких друзей – такое же необходимое условие относительно счастливой старости, как приличное здоровье и материальное благополучие. Боязнь потерять старых друзей и трудность установления новых отношений – одна из главных причин того, что пожилые люди избегают менять места жительства, работы и т. д.

Хотя, как уже отмечалось, при социологических опросах старики реже юношей жалуются на одиночество, это объясняется не столько тем, что они психологически благополучны, сколько тем, что научились смирению и приспособабывают свои притязания к уровню реальных возможностей.

Потребность в человеческом тепле и общении у стариков особенно велика, а удовлетворить ее трудно. Общеизвестно, что старые люди отличаются повышенной разговорчивостью. Это объясняется как психофизиологическими, так и социально-психологическими причинами: человек, проживший долгую жизнь и уже отошедший от большинства своих прошлых дел, жаждет поделиться с другими жизненным опытом, который, естественно, кажется ему важным и ценным. Но где найти заинтересованного слушателя? Члены семьи много раз слышали его истории, молодым они зачастую неинтересны, а сами старики, как и большинство людей, гораздо охотнее говорят, чем выслушивают других. "Вся моя жизнь теперь – бессмысленное сидение в четырех стенах, – пишет в "Известия" 80-летний мужчина. – Мне не с кем поговорить, хотя дом полон людей. Но им со мной неинтересно, я в семье как пятое колесо в телеге".

По данным социолога А. В. Баранова, в городской среде к пожилым людям в несколько раз чаще обращаются за материальной помощью, чем за советом; объем оказываемых ими информационных услуг в два-три раза меньше, чем у лиц среднего возраста. Болезненно сказывается и тематическая узость дружеского общения. Когда люди привыкли и дома с друзьями говорить в основном о работе, выход одного из них на пенсию уже создает серьезную проблему: друзья продолжают встречаться, а говорить им вроде бы не о чем. Женщинам, интересы которых теснее связаны с семейными и бытовыми делами, выход на пенсию психологически дается легче, чем мужчинам.

Чем тут помочь? С одной стороны, нужны более разнообразные социальные очаги и центры общения – клубы, добровольные общества по интересам и т. д., учитывающие специфические запросы пожилых людей. С другой стороны, необходимо повышение культуры и расширение содержания личного общения, чтобы оно не замыкалось в слишком узкие рамки производственных интересов. Но думать об этом нужно своевременно, не в канун 60-летия.

Хотя в старости дружеские отношения в большинстве случаев ориентируются на принцип сродства, общности жизненного опыта и т. д., они допускают больше вариаций пола и возраста друзей. Особенно часты дружеские отношения пожилых мужчин и юношей или подростков, будь то собственные внуки или ученики. В любви большая возрастная разница обычно воспринимается как непреодолимый барьер.

"Я – емь. Ты – будешь. Между нами – бездна" .

В дружбе она принципиально возможна. Хотя отношения "старого и малого" из-за их явной асимметричности редко называют дружбой, они могут иметь большую эмоциональную значимость для обеих сторон. Пожилой человек находит в своем юном напарнике предмет заботы и благодарного собеседника, а тот в свою очередь видит в умудренном опыте друга образец для подражания и понимающего человека, которому можно безбоязненно открыться. Психологическая близость дедов и внуков, часто контрастирующая с напряженностью в отношениях отцов и сыновей и обусловленная большей терпимостью некоторых (отнюдь не всех!) пожилых мужчин, которые стремятся не столько властно воздействовать на ребенка, просто разрешая или запрещающая, сколько помочь ему самому совершить правильный нравственный выбор, делает эти взаимоотношения очень похожими на дружбу (вспомним ее неписанные правила!). Такие отношения между старыми и молодыми возможны и за пределами семьи, составляя психологический фундамент социального и профессионального наставничества. Разновозрастность здесь при соблюдении определенного такта благотворна для обеих сторон.

9. ДРУЖБА ИЛИ ЛЮБОВЬ?

Скажи мне, где любви начало?

Ум, сердце ль жизнь ей даровало?

И чем питаться ей пристало? У. Шекспир

Специфика мужской и женской дружбы, с которой тесно связана проблема возможности смешанной, разнополой дружбы и соотношение понятий дружбы и любви, издавна вызывала споры.

Традиционная теория дружбы, уходящая корнями в античность, считала, как уже говорилось, ее преимущественно мужской добродетелью. М. Монтень писал, что "обычный уровень женщин отнюдь не таков, чтобы они были способны поддерживать ту духовную близость и единение, которым питается этот возвышенный союз; да и душа их, по-видимому, не обладает достаточной стойкостью, чтобы не тяготиться стеснительностью столь прочной и длительной связи". Возможность дружбы между женщинами начали понемногу признавать только в XVIII в., но и сегодня многие убеждены, что женская дружба существенно уступает мужской в глубине, силе и устойчивости. Многие девушки, объясняя свое желание дружить с мальчиками, говорят, что они не только интереснее и умнее, но и более искренни и верны в дружбе.

Как проверить это мнение? Прежде всего нужны достоверные факты о различиях мужской и женской дружбы, касающиеся количества и состава друзей, устойчивости дружеских связей, их структуры, ценностных ориентации, психологических функций, степени интимности и т. д. Кроме того, возникает вопрос, считать ли эти факты проявлением врожденных, универсальных половых различий, или результатом различной социализации мальчиков и девочек, или следствием иллюзии, побуждающей нас воспринимать и категоризировать факты в свете привычного абстрактного противопоставления мужского (маскулинного) и женского (фемининного) начал.

Противопоставление "мужского" и "женского" – одна из всеобщих парных оппозиций человеческой психики: день и ночь, свет и тьма, добро и зло, существующих во все времена и у всех народов. Их категоризация как "распределение" и других парных оппозиционных явлений по логическим категориям подчинена определенным закономерностям. Любые парные категории сначала кажутся взаимоисключающими: "мужское" или "женское". Затем выявляются их количественные градации, между "черным" и "белым" появляется "серое", категории уже не выступают раздельно, а становятся полюсами некоего связанного процесса, заставляя говорить о степени маскулинности или фемининности. И наконец, выясняется, что названные оппозиционные явления качественно многомерны, так что один и тот же индивид может в определенных пределах обладать и фемининными, и маскулинными свойствами. В результате логические категории "мужского" и "женского" из стереотипов, под которые механически подводятся все индивидуальные различия, превращаются в прототипы, условные, крайние случаи.

Обыденное сознание склонно выводить все наблюдаемые различия в поведении и психике мужчин и женщин из биологических законов разделения полов. Но чтобы доказать биологическую природу каких-либо поведенческих особенностей, например уровня общительности или степени устойчивости мужской и женской дружбы, нужно проверить соответствующие факты по нескольким критериям: насколько тесно связано данное социальное поведение с биологическими признаками пола; обнаруживается ли данный тип поведения у младенцев и маленьких детей до начала их форсированной половой социализации или в связи с процессами полового созревания; наблюдается ли аналогичное поведение в разных человеческих обществах, культурах; отмечено ли оно у других биологических видов, генетически близких к человеку.

Поскольку дружба – явление чрезвычайно сложное, эмпирически могут быть сравнимы только ее отдельные предпосылки и компоненты: стиль общения, характер групповых отношений мальчиков и девочек, уровни общительности, эмпатии (сопереживания), самораскрытия и т. п. Однако частные сопоставления имеют смысл только в пределах некоего целого.

Что касается уровня общительности, способности вступать в контакт с

другими лицами, то психологи до недавнего времени отдавали предпочтение мужчинам. Мальчики с самого раннего возраста активнее девочек вступают в контакты с другими детьми, затевают совместные игры и т. д. Чувство принадлежности к группе сверстников и общение с ними для мужчин всех возрастов значительно важнее, чем для женщин;

Однако различия между полами в уровне общительности не столько количественные, сколько качественные. Хотя возня и силовые игры приносят мальчикам громадное эмоциональное удовлетворение, в них обычно присутствует дух соревнования, нередко игра переходит в драку. Содержание совместной деятельности и собственный успех в ней значат для мальчиков больше, чем наличие индивидуальной симпатии к другим участникам игры. Мальчик выбирает прежде всего интересную игру, в которой он может проявить себя; ради этого он вступает в контакт, даже если партнеры ему не особенно нравятся. Мужское общение, как и весь стиль жизни, скорее предметны и инструментальны, чем экспрессивны.

Общение девочек выглядит более пассивным, зато более дружественным и избирательным. Судя по данным психологических исследований, мальчики сначала вступают в контакты друг с другом и лишь потом, в ходе игрового или делового взаимодействия, у них складывается положительная установка, появляется духовная тяга друг к другу. Девочки, наоборот, вступают в контакт главным образом с теми, кто им нравится, содержание совместной деятельности для них сравнительно второстепенно.

С ранних возрастов мальчики тяготеют к более широкому, а девочки – к более узкому кругу общения. Мальчики чаще играют большими группами, а девочки – по двое или по трое. По наблюдениям психологов, наиболее общительные двухполовинчатые мальчики, находясь в обществе сверстников, предпочитали экстенсивные отношения, обычно играли с целой группой мальчиков, самые общительные девочки, напротив, играли с одной или двумя подругами. Эти различия сохранились и через пять лет, когда детям исполнилось по семь с половиной лет.

Социометрическое лонгитюдное исследование дружеских связей в нескольких школьных классах (возраст детей от девяти до двенадцати лет) показало, что дружеские пары девочек более исключительны, закрыты для посторонних, нежели мальчишеские компании. Но мальчишеские компании имеют более строгий и устойчивый порядок, систему лидерства и т. п. Эти выводы подтверждаются соответствующими этнологическими и этнографическими данными. Известно, например, что в первобытном обществе важную роль в социализации подростков и юношей играют так называемые "мужские дома" и возрастные классы, которые зачастую охватывают и предподростковый возраст (восемь – двенадцать лет). Чувство принадлежности и эмоциональная привязанность к своей половозрастной группе предшествуют образованию более тесных и индивидуализированных дружеских отношений и нередко поддерживаются всю жизнь. Мальчишеские группы всюду относительно автономны от взрослых, имеют собственную дисциплину и иерархию, нередко ведут себя антисоциально. Напротив, восьми-двенадцатилетние девочки значительно теснее связаны с родительской семьей и реже образуют стабильные большие группы, ограничиваясь более интимными. Структура девичьих групп, лидерство в них менее жестки, а их социальные функции менее определены, чем у мальчиков.

Разные способы социализации мальчиков и девочек, с одной стороны, отражают, а с другой стороны, создают и воспроизводят психологические половые различия. Причем, как видим, речь идет не просто о различиях в степени общительности мальчиков и девочек, а о качественных особенностях структуры и содержания их общения и жизнедеятельности.

Уже говорилось о половых различиях в эмпатии и самораскрытии, о большей эмоциональной чувствительности и восприимчивости женщин в сравнении с мужчинами. Это проявляется с самого раннего возраста. Новорожденные девочки, слыша плач другого младенца, обнаруживают более острую реакцию, чем мальчики. Четырехлетние девочки превосходят мальчиков в эмпатии. Что же касается потребности и способности к самораскрытию, передаче другим более интимной и личностно-значимой информации о себе и своем внутреннем мире, то женщины во всех возрастах превосходят в этом мужчин.

Швейцарский философ и психолог Ж. Пиаже еще в 30-х годах обратил вни-

мание на то, что мальчики и девочки неодинаково относятся к правилам групповой игры. Мальчики, с их предметным и инструментальным мышлением, придают больше значения соблюдению правил, нарушение которых всегда вызывает в мальчишеской среде конфликт. Девочки в этом вопросе более терпимы, личные отношения для них важнее формальных правил. Эта особенность отражается и в структуре морального сознания: мужские рассуждения и оценки обычно выглядят более безличными и жесткими, чем женские. Например, по данным психолога В. Н. Князева, при оценке человеческих качеств для женщин наиболее значимы черты, проявляющиеся в отношении к другим людям, а для мужчин – деловые качества, связанные с работой.

Стиль мышления, вероятно, связан с особенностями воспитания. Девочек всюду раньше и последовательнее приучают заботиться о других, в частности о младших детях. Это делает их эмоционально отзывчивыми и вместе с тем более ранимыми. Люди, нуждающиеся в эмоциональной поддержке, значительно чаще ищут ее у женщин, нежели у мужчин, и женщины чутко реагируют на подобные обращения. На несчастье, постигшее самых близких людей – супругов и детей, мужчины и женщины реагируют одинаково остро. Но неприятности окружающих друзей и знакомых женщины замечают чаще и переживают сильнее, чем мужчины. Возможно, этим объясняется и то, что женщины чаще переживают психологические расстройства. Это явление обычно объясняли повышенной эмоциональностью женщин и их неумением преодолевать стрессовые ситуации, однако известно, что во многих таких ситуациях женщины оказываются гораздо выносливее и сильнее мужчин.

Как бы то ни было, женщины значительно чаще мужчин жалуются на одиночество и непонятость, вдвое чаще испытывают состояние депрессии. Если мужчины в состоянии депрессии обычно жалуются на дефицит самораскрытия или объективные трудности – неспособность плакать, утрату интереса к людям, чувство социальной неудачи и болезненные соматические переживания, то в женских описаниях депрессии превалирует мотив неудовлетворенности собой, нерешительности, отсутствия поддержки и т. д.

Стиль и характер межличностных отношений зависят не только от половой принадлежности индивида, но и от конкретной ситуации общения, особенностей партнера, содержания коммуникаций и т. д. Мужчины легче и охотнее женщин раскрываются перед малознакомыми, посторонними людьми, а вот в общении с друзьями степень самораскрытия зависит не столько от пола, сколько от содержания, предмета разговора. Пока речь идет о более или менее "нейтральных" темах, обсуждение которых считается одинаково допустимым для обоих полов, мужчины и женщины одинаково откровенны. Но стиль общения тесно связан с необходимостью поддерживать принятый культурой нормативный образ маскулинности или фемининности. Мужской стиль общения, направленный в первую очередь на поддержание социального статуса, "сохранение лица", обязывает человека скрывать свои слабости и подчеркивать достижения и притязания. Женский стиль, напротив, традиционно нацелен на уменьшение социального расстояния и установление психологической близости с другими. Эта нормативная установка заставляет мужчин скрывать такие свои черты и проблемы, которые выглядят "фемининными" (например, застенчивость), что резко снижает степень их возможного самораскрытия.

Все это обуславливает противоречивость как житейских, так и научных представлений о степени интимности и устойчивости мужской и женской дружбы. В целом женщины во всех возрастах описывают дружбу в более психологических терминах, подчеркивая ценности доверия, эмоциональной поддержки и интимности, тогда как мужчины делают акцент на солидарности (товарищество) и взаимопомощи. Эти различия появляются довольно рано и тесно связаны с развитием самосознания.

У девочек раньше, чем у мальчиков, появляются сложные формы самосознания. Описывая сверстников, девочки употребляют более широкий набор понятий, их описания дифференцированное и сложнее, чем у мальчиков того же возраста (эта разница начинает выравниваться лишь к 9-10-му классу). Большая рефлексивность девочек порождает и более раннюю потребность делиться своими переживаниями, что составляет одну из главных функций дружбы. Да и сама девичья дружба более эмоциональна, чем дружба мальчиков. По данным ряда экспериментальных исследований, женщины вообще придают большее значение межличностным отношениям и сообщают подругам о себе более интимную информацию, чем мужчины своим друзьям.

Уже упоминавшиеся нами исследования крымских и ленинградских старшекласников показали, что девичьи критерии дружбы тоньше и психологичнее юношеских и что девушки чаще испытывают дефицит интимности. Девочки-старшеклассницы значительно чаще мальчиков склонны считать "настоящую дружбу" редкой (разница выравнивается только к 10-му классу). В определении понятия "друг" у девочек во всех возрастах мотив понимания выражен сильнее, чем у мальчиков. У юношей акцент на взаимопомощь перевешивает мотив понимания вплоть до студенческих лет, у девочек же этот мотив преобладает уже с 8-го класса.

Да и в само слово "понимание" юноши и девушки вкладывают не совсем одинаковый смысл. Типологизированные А. В. Мудриком ответы московских школьников на вопрос о том, что значит понимать человека, распределяются по пяти рубрикам: 1) хорошо знать человека; 2) сопереживать, чувствовать то же, что он; 3) иметь с ним общие интересы, думать, как он; 4) помогать ему, быть ему другом; 5) уважать и любить его. Мальчики в своих ответах подчеркивают преимущественно момент объективного знания ("понимать человека - значит хорошо его знать") или интеллектуального сходства ("думать, как он, иметь общие интересы"). У девушек определеннее всего звучит тема сочувствия, сопереживания. В разговорах с друзьями у девушек доминируют "личностные" темы. Они чаще, чем юноши, жалуются на одиночество и непонимание друзей.

По-видимому, у девушек не только раньше возникает потребность в интимной индивидуализированной дружбе, но и вообще девичья дружба сильнее ориентирована на эмоционально-экспрессивные ценности, чем более групповая и деятельная юношеская дружба.

Как же отражается повышенная эмоциональность девичьей дружбы на ее устойчивости? Статистически достоверных массовых сопоставлений устойчивости женской и мужской дружбы - при выравненных ее критериях - психологи не имеют. Возможно, что повышенная эмоциональность женской дружбы и в самом деле делает ее неустойчивой. Свойственная женской дружбе близость по очень широкому кругу вопросов, обсуждение малейших нюансов собственных взаимоотношений усложняют их. Неизбежные в человеческих взаимоотношениях расхождения и недопонимания, помноженные на высокую эмоциональность, подрывают устойчивость дружбы. Сдержанная и суровая мужская дружба, в которой душевные излияния не приняты и при взаимопонимании в главном детали обычно не уточняются, согласие молчаливо предполагается, возможно, и в самом деле более прочна.

Но это предположение отнюдь нельзя считать доказанным. А. В. Киричук и Т. А. Репина, пользуясь разными методами и независимо друг от друга, установили обратное соотношение: у дошкольников и младших школьников микрогруппы девочек устойчивее, чем мальчишеские.

Сравнение устойчивости набора предпочтений школьников с 1-го по 10-й класс, проведенное А. В. Мудриком в рамках нашего исследования, также показало, что во всех возрастах и по всем объектам, кроме любимых видов спорта, предпочтения девочек устойчивее, чем мальчишеские. Выше у них и показатель устойчивости в выборе друзей. С этим согласуется и существующее среди психологов мнение, что устойчивость в выборе друзей зависит от общей стабильности предпочтений, а женщинам она присуща в большей мере, чем мужчинам.

Особенно сложен вопрос о различиях в степени индивидуального самораскрытия, психологической интимности и глубины мужской и женской дружбы. Потребность в самораскрытии, по-видимому, одинаково сильна у мужчин и женщин. Но их возможности в этом отношении различны. Традиционное определение мужской роли, обязывающее мужчину быть суровым, сильным, энергичным, несентиментальным и сдержанным, накладывает на него ряд ограничений. Нежность и чувствительность, поощряемые у женщин, вызывают осуждение, когда дело касается мужчин. Это побуждает мужчин к большей эмоциональной сдержанности, препятствуя развитию у них способности к сопереживанию, что делает их отношения с людьми более поверхностными и "предметными". Мужчина, придерживающийся традиционного канона маскулинности, не может вполне раскрыться перед женщиной, считая себя обязанным выступать перед ней в качестве подлинного представителя "сильного пола", хотя это далеко не всегда соответствует его индивидуальности. Еще более жесткое табу существует на проявления нежности в отношениях между мужчинами.

Результатом нередко бывает острый дефицит интимности, который, по мнению ряда психологов, отчасти объясняет даже повышенную смертность мужчин в более раннем возрасте.

Из опрошенных психологами Е. А. Хорошиловой и Н. А. Логиновой группы людей взрослые женщины считают свое общение с близкими людьми более тесным и стабильным, чем мужчины, причем у 57% женщин психологическая близость с возрастом увеличилась и только у 7% уменьшилась; у мужчин же увеличение близости отметили 25%, а уменьшение - 51% опрошенных. Большинство зарубежных исследователей также придерживаются мнения, что, несмотря на более широкий круг друзей у мужчин, их дружеские отношения менее интимны, чем у женщин. Когда в процессе опроса 306 английских супружеских пар среднего возраста их попросили назвать фамилию близкого друга, 60% мужей назвали фамилию дружеской пары, а 63% жен - имя конкретного индивида, причем жены подчеркивали в их отношениях прежде всего доверие, а мужья делали акцент на совместной деятельности и развлечениях. Пожилые и старые женщины значительно чаще, чем их сверстники-мужчины, имеют интимных друзей, хотя круг личных связей и внесемейных контактов у мужчин шире.

Принимая во внимание все эти данные, нужно, однако, отличать реальные поведенческие и мотивационные свойства мужской и женской дружбы от тех черт, которые им просто приписываются в соответствии с исторически сложившимися полоролевыми стереотипами. Сравнение представлений о дружбе 319 американских студентов показало, что важнейшие критерии оценки дружеских отношений у мужчин и женщин более или менее одинаковы, хотя женщины выше ценят наличие доверия и строже различают дружбу и товарищество, избегая называть дружбой мало-интимные отношения. Дружеские отношения между женщинами, как правило, кажутся и им самим, и окружающим психологически более интимными, чем точно такие же отношения между мужчинами.

Но если полоролевые стереотипы и реальные различия между полами так велики, возможна ли вообще разнополая, смешанная дружба? Мнения людей на этот счет противоречивы.

На вопрос: "Возможна ли, по-вашему, настоящая дружба (без влюбленности) между юношей и девушкой?" - свыше трех четвертей опрошенных нами учащихся 7-10-х классов ответили утвердительно. Но с возрастом сомнения усиливаются: свыше половины юношей-студентов отвечают на тот же вопрос отрицательно.

Говоря о друзьях, люди обычно молчаливо подразумевают лиц своего пола. Опрошенные Л. А. Гордоном и Э. В. Клоповым взрослые, перечисляя своих друзей, называли: мужчины - исключительно мужчин, а женщины - женщин. Это не значит, конечно, что смешанной дружбы вообще не бывает. Однако ей обычно приписывается особый статус. Как писал французский просветитель XVII в. Ж. де Лабрюйер, "хотя между людьми разных полов может существовать дружба, в которой нет и тени нечистых помыслов, тем не менее женщина всегда будет видеть в своем друге мужчину, точно так же как он будет видеть в ней женщину. Такие отношения нельзя назвать ни любовью, ни дружбой: это - нечто совсем особое". В английском языке это имеет и свое терминологическое выражение: друг своего пола - просто friend, а друг противоположного пола - boy-friend (у девушки) или girl-friend (у юноши).

Что затрудняет смешанную дружбу? Прежде всего она противоречит духу гомофилии - ориентации на общение с себе подобными, что подкрепляется половой дифференциацией общения. Кроме того, сказываются различия в темпах созревания и направленности интересов мальчиков и девочек, действие определенной системы культурных норм и запретов.

Даже в условиях совместного коллективного воспитания мальчики и девочки выбирают разные игры и предпочитают партнеров собственного пола. Создатель социометрии - социальный психолог и психиатр Д. Морено пришел к выводу, что у четырех-пятилетних детей выбор мальчиков девочками и наоборот еще довольно велик (до 27%), а начиная с 7-летнего возраста уровень неформального общения между ними постепенно снижается, мальчики и девочки изолируются друг от друга. Эта взаимная изоляция достигает апогея между 10 и 12 годами (взаимный выбор составляет всего лишь 3%). Примерно с 13 лет общение опять активизируется; отмечается значительный

рост выборов (взаимных и односторонних) девочек мальчиками и обратно. В целом частота выбора разнополых друзей в детстве и подростковом периоде (от 5 до 17 лет), по Морено, минимальна в средних возрастах и максимальна в младших и старших.

Несмотря на то что конкретные данные разных исследователей расходятся, дифференциация общения по половому признаку и предпочтение в качестве друзей сверстников собственного пола несомненны.

Хотя в нашей стране мальчики и девочки воспитываются в дошкольных учреждениях совместно и совершенно одинаково, во всех возрастных группах отмечено четкое различие в круге и характере их общения. Три четверти контактов, устанавливаемых младшим дошкольником, падают на сверстников его собственного пола. С возрастом эта исключительность становится еще более выраженной: мальчики и девочки играют практически отдельно друг от друга.

Дифференциация полов в общении продолжается и в школьные годы. При этом, по наблюдению психолога Я. Л. Коломинского, выбор младшеклассником другом лица противоположного пола имеет большей частью компенсаторный характер: мальчиков выбирают те девочки, а девочек – те мальчики, которые не пользуются симпатиями у детей своего пола. Инициаторами и защитниками этой "сегрегации" чаще бывают мальчики: предпочтения в выборе игр, партнеров и направленности интересов складываются у них раньше и выражены гораздо сильнее, чем у девочек. Уже у трех-четырёхлетних мальчиков две трети всех выборов соответствуют стереотипным представлениям о том, каким должен быть и чем должен заниматься мальчик. Девочки в этом отношении гораздо "терпимее", охотней берут в свою компанию мальчиков, играют в мальчишечьи игры и т. д.

Это, несомненно, связано с давлением специфических возрастно-групповых норм. В опытах того же Коломинского мальчики выбирали девочек и наоборот чаще всего в таких ситуациях, когда одноклассники могли не знать о сделанном выборе; напротив, выбирая, допустим, соседа по парте, дети более осторожны, опасаясь насмешек товарищей ("если я с ней сажусь, то ребята говорят, что я влюбляюсь").

Оценивая мальчишескую "групповщину" с ее суровыми, подчас даже жестокими, нравами и чувством исключительности, нельзя не вспомнить первобытных "мужских союзов" и позднейших юношеских групп и корпораций. Современное общество не имеет подобного социального института, если не считать армии. Но стихийные подростковые группы, причиняющие взрослым столько беспокойства, видимо, выполняют ту же социально-психологическую функцию воспитания мужского характера. Для мальчика (юноши) принадлежность к "компании" гораздо важнее, чем для девочки (девушки). Девочка, отвергнутая свои ми сверстницами, может компенсировать это признанием и успехом у мальчиков. Последние же получают подтверждение своей мужественности только в собственной компании сверстников; ни успех у девочек, ни парная дружба не избавляют того из них от чувства неполноценности, кого отвергают сверстники (да и внимание девочек нередко зависит от престижа у ребят).

Исключительность юношеских компаний – серьезное препятствие для разнополой дружбы. Хотя взаимный интерес и количество контактов между мальчиками и девочками в старших классах резко возрастают, эти отношения редко переходят в интимную дружбу, а те, что получают такое название, большей частью предполагают влюбленность.

Ограниченность глубины подобных контактов имеет и свои психологические причины. Вследствие своего более раннего физического и психического созревания девочки существенно отрываются от своих одноклассников-мальчиков. Они читают лирические стихи в том возрасте, когда большинство мальчиков еще находится на стадии чтения детективов. Психологическим сверстником девочки в этот период является не одноклассник, а мальчик на полтора-два года старше ее. Кроме того, процесс полового созревания придает, хотя и не всегда осознаваемую, сексуальную окраску переживаниям подростка. Обсуждать их с человеком другого пола невозможно.

Зрелая любовь представляет собой органический сплав чувственного влечения и потребности в человеческом тепле, интимной близости с другим. В ранней юности эти влечения, как правило, еще разобщены: объектами эротического интереса являются лица противоположного пола, а потребность в

психологической интимности на этой стадии полнее и легче удовлетворяется со сверстником собственного пола.

Взаимоотношения 15-17-летних юношей и девушек психологически весьма напряжены. Французская исследовательница Б. Заззо задавала своим испытуемым вопрос: "В общении с кем вы чувствуете себя наиболее уверенно?" Оказалось, что увереннее всего юноши и девушки чувствуют себя с родителями (половина всех ответов), дальше идут сверстники своего пола (30% ответов), затем – другие взрослые (10% ответов) и на последнем месте – сверстники противоположного пола (8% ответов). Несмотря на то что интерес к девушкам и число контактов с ними у юношей старше 17 лет возрастают, их застенчивость не уменьшается. Девушки чувствуют себя с юношами более уверенно. Хотя только 9% из них назвали общество юношей средой, где они испытывают максимум уверенности в себе, ответивших так юношей еще меньше (всего 6%). Из числа девушек, которые не считают, что легче всего им общаться с родителями, 21% лучше всего чувствует себя в обществе юношей. Среди юношей соответствующая цифра составляет лишь 11%.

По нашим данным, и юноши и девушки увереннее всего чувствуют себя в общении с друзьями. Однако сравнение самооценок девятиклассников с оценками, которых они ожидали от разных значимых лиц (родители, ближайшие друзья, одноклассники и одноклассницы), показало, что, хотя и мальчики и девочки ждут более благоприятных оценок со стороны сверстников собственного пола, у мальчиков разница в ожидаемых оценках одноклассников и одноклассниц, а также неуверенность в этих оценках выше, чем у девочек.

Почти все юноши и значительная часть девушек предпочитают иметь своим ближайшим другом юношу. При этом процент девушек, предпочитающих друга противоположного пола, во всех возрастах выше, чем процент юношей. В процессе взросления эта дифференциация усиливается. В 7-8-х классах треть ребят еще затрудняется выбором. В 9-10-х классах лишь 14% юношей выбирают в качестве "идеального друга" девушку, тогда как процент девушек, предпочитающих дружить с юношей, возрастает до 56% в 9-м и 65% в 10-м классе. Фактически же и у юношей, и у девушек число друзей противоположного пола в два – четыре раза меньше, чем число друзей своего пола. Однако доля друзей противоположного пола у ленинградских девятиклассниц все-таки почти вдвое выше, чем у их одноклассников-юношей.

Смешанная дружба существенно отличается от однополной. Среди друзей своего пола доля школьников в процентном отношении у девочек больше, чем у мальчиков, имеющих более широкий круг общения. В смешанной дружбе соотношение обратное. Три четверти подруг мальчиков-девятиклассников – школьницы; у девочек же среди их друзей-юношей школьники составляют меньше половины, остальные – это военнослужащие, студенты и т. д. Это связано с большей ориентацией девочек на друзей старшего возраста. Смешанная дружба отличается от однополной и по другим характеристикам: встречи чаще вне дома, иная тематика разговоров и т. д.

Различное отношение юношей и девушек к смешанной дружбе не случайно. Прежде всего сказываются различия в темпах физического и личностного созревания юношей и девушек. Дружба представляет собой своеобразную школу психологической интимности, которая вначале легче достижима с человеком своего, нежели противоположного, пола. У девушек эта фаза заканчивается раньше, чем у юношей. То, что кажется 15-летним девушкам потребностью в дружбе, фактически уже потребность в любви. Отсюда и предпочтение "идеального друга" противоположного пола, и жажда психологической интимности, в то время как их сверстники-юноши еще поглощены мальчишеской групповой жизнью и к психологической интимности с девушками не готовы.

Ломка традиционных половых ролей и совместное обучение, расширяя круг общения и совместной деятельности мальчиков и девочек, облегчают личные контакты между ними. Психологические исследования последних лет показывают, что многие традиционные барьеры между мальчиками и девочками уменьшаются. Тем не менее смешанная дружба и сегодня сопряжена с определенными психологическими трудностями и встречается не так часто. Почти 57% ленинградских девятиклассников и 43% девушек этого возраста не назвали в числе своих друзей ни одного лица противоположного пола. Еще реже их называют в числе ближайших друзей.

Первые любовные увлечения, особенно у юношей, часто поверхностны,

неглубоки и психологически связаны главным образом с потребностью самоутверждения в своей мужской роли. Влюбленность далеко не всегда сочетается с человеческой, душевной близостью. Компания сверстников своего пола остается для многих юношей психологически более значимой.

Привилегированное положение и особая эмоциональность юношеской дружбы в известной мере обусловлены неразвитостью других каналов межличностной коммуникации. С появлением любви значение и эмоциональный накал дружбы несколько снижаются. Друг становится прежде всего хорошим товарищем.

Сравнение уровня самораскрытия группы американских студентов-старшекурсников в их общении с отцом, матерью, членами семьи и ближайшими друзьями своего и противоположного пола показало, что у молодых мужчин, в отличие от подростков, дружба с девушкой предполагает большую психологическую интимность, чем однополая дружба. Потребность в такой дружбе с возрастом усиливается, причем перенос психологической интимности с друга-юноши на друга-девушку происходит в последние годы в более юном возрасте. Это соответствует общей более ранней переориентации подростков на смешанный тип общения. Но такой сдвиг не меняет принципиальной последовательности этапов развития.

Изучение особенностей разнополой дружбы подводит нас к более общей теоретической проблеме соотношения дружбы и любви. В спорах на эту тему, которые ведутся со времён античности, обозначалось по крайней мере пять основных позиций:

1) абсолютное различие: дружба и любовь – совершенно разные чувства и отношения;

2) полное отождествление: дружба и любовь – разные названия одного и того же;

3) частичное разграничение на основе подчинения любви дружбе: любовь – аффективная сторона дружбы;

4) частичное разграничение на основе подчинения дружбы любви: дружба – коммуникативная сторона любви;

5) идея взаимоперехода любви и дружбы как стадий межличностного отношения: дружба – подготовка любви (или наоборот).

При этом большей частью не уточняется, что конкретно имеется в виду: различие ли культурных канонов любви и дружбы, принятых в данном обществе, социальной группе, или вариации индивидуальных переживаний и эмоциональных состояний. А ведь это совершенно разные системы отсчета.

Сравнение нормативных канонов любви и дружбы предполагает наличие каких-то общепринятых критериев. Однако идеал "настоящей любви" так же историчен, как понятие "истинной дружбы". Недаром Ларошфуко писал: "Истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел".

Разные культуры утверждают принципиально разные каноны любви, высветивая разные ее стороны. В одних обществах всепоглощающая любовь поэтизируется, утверждается как нравственный и эстетический идеал, в других же она не только не считается необходимой предпосылкой брака, но даже рассматривается как нечто ненормальное. Еще больше варьируется представление о соотношении чувственных и духовных компонентов любви. Так, древние греки разграничивают страстную любовь, жажду обладания любимым существом ("эрос") и нежную любовь, потребность в самоотдаче, желание любящего раствориться в любимом ("агапе").

Многие религии Востока видели в чувственности путь к слиянию человека с богом и разрабатывали целые кодексы эротических наслаждений. Напротив, христианство считает все телесное, чувственное грязным, низменным и греховным. "Чистая любовь", согласно учению средневековых богословов, должна быть исключительно духовной, да и то не слишком сильной, чтобы не отвлекать верующего от любви к богу и выполнения религиозных обязанностей.

Однако по ту сторону официального бытия существовала народная "карнавальная" культура, в которой удовлетворение чувственных потребностей занимало весьма заметное место. Но любовные переживания выглядят в ней нарочито сниженными, упрощенными, деиндивидуализированными.

Возникшая в XII в. в Провансе и быстро распространившаяся в Европе поэзия трубадуров с ее культом Прекрасной дамы, ради которой рыцарь готов идти на величайшие жертвы и подвиги, была вызовом и церковному аске-

тизму, и фривольности "карнавальной" культуры. Канон "куртуазной любви" подчеркивал значение эмоциональных отношений между мужчиной и женщиной, привнося в них мотивы нежности и заботливости.

Но, будучи отрицанием церковного аскетизма и карнавальной фривольности, "куртуазная любовь" вместе с тем вобрала в себя черты того и другого. Прекрасная дама соединяла в себе реальную женщину, которой рыцарь хотел обладать, и мадонну, которой можно только поклоняться издали. Отсюда преувеличенная, подчас даже болезненная экзальтированность этих отношений. Ритуал служения Прекрасной даме не мешал рыцарям удовлетворять свои земные потребности с другими женщинами, насилловать крестьянок, деспотически обращаться с собственными женами.

Разрыв между идеальным образом любви и ее действительностью сохраняется в европейской культуре и позже. В литературе и искусстве XIII-XV вв. широкое распространение получил культ духовной, платонической любви (любовь Данте к Беатриче, с которой поэт не обменялся в жизни ни единым словом, сонеты Петрарки, лишенные каких бы то ни было чувственно-эротических компонентов).

Гуманисты эпохи Возрождения выступают как против религиозного аскетизма, так и против платонической, десексуализированной любви. То, что раньше считалось "плотским грехом", они утверждают как здоровую "телесную радость". Эротические переживания выходят из подполья, занимая подобающее им место в "высокой" культуре. Однако гуманистическая реабилитация плоти превращается в аристократической культуре XVII-XVIII вв. в рафинированное распутство. Индивидуальная любовь заменяется тщательно разработанным ритуалом галантности, единственная цель которой – физическое обладание. "В любви нет ничего хорошего, кроме ее физической стороны", – писал французский натуралист Ж. Л. Бюффон. Любовь становится спортом, увлекательной игрой, которой чувствительность и серьезность только вредят. Описания любви в некоторых произведениях литературы XVIII в. напоминают охоту, в которой, однако, в отличие от более ранних эпох, наравне с мужчинами участвуют женщины. Именно этот стиль жизни имел в виду А. С. Пушкин, говоря:

Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.

Замена любви галантностью неизбежно влечет за собой пресыщение и разочарование. Ритуал надоедает, становится скучной рутинной (вспомним пушкинское: "Кому не скучно лицемерить, различно повторять одно, стараться важно в том уверить, в чем все уверены давно...").

В противовес придворной галантности с ее условностью и лицемерием, сентименталисты утверждают поэзию простых и искренних чувств. Герой-любовник аристократической литературы заботился лишь о своих чувственных наслаждениях, как знаменитый Казанова. Мольеровскому Доп-Жуану даже и это неважно: женщина для него просто дичь, овладение которой укрепляет его репутацию счастливого охотника. Сентиментализм требует от своего героя не удачливости и умения покорять, а способности тонко чувствовать, страдать, жертвовать собой во имя любви. Робкая, почтительная нежность дает любящему гораздо больше, чем физическое обладание. Появляется культ несчастной любви, любви без взаимности, которая рисуется столь возвышенной и прекрасной, что, даже умирая от нее, герой вызывает восхищение и зависть (Вертер).

Романтизм поднимает любовь до уровня рока и религиозного откровения: именно в любви человек открывает свою истинную сущность, она же дает ему отраду и защиту против пошлости и жестокости окружающего мира.

Даже из этого беглого исторического обзора канонов любви видно, что идеал любви отнюдь не является чем-то однозначным и неизменным.

Любое нормативное определение любви молчаливо подразумевает какую-то оппозицию. Антитеза "любовь – вожеление" противопоставляет духовно-личностное начало чувственно-телесному; "любовь – увлечение" отличает глубокое и длительное чувство от поверхностного и краткосрочного; "любовь – симпатия" противопоставляет бурную страсть спокойному расположению и т.

д. Однако разные лица и даже один и тот же человек в разных обстоятельствах определяют свои чувства и отношения по-разному. Отсюда и разные психологические теории соотношения дружбы и любви.

Австрийский психиатр З. Фрейд подходил к этой проблеме функционально-генетически, утверждая, что все эмоциональные привязанности и увлечения человека, будь то родительская или сыновья любовь, дружба, любовь к человечеству и привязанность к конкретным предметам и абстрактным идеям, суть проявления одних и тех же инстинктивных влечений. Только в отношениях между полами эти влечения пробивают себе путь к сексуальной близости, тогда как в остальных случаях они отвлекаются от этой цели или не могут достичь ее. Тем не менее первоначальную природу этих чувств всегда можно распознать по жажде близости и самопожертвования. Тезис о "сексуальном" происхождении всех человеческих привязанностей связан у Фрейда с расширительным пониманием самой сексуальности, в которой он видит единственный источник всякой психической энергии. Тем не менее его психоаналитическая теория слишком упрощает проблему. Ведь даже у животных разные "аффективные системы" – материнская и отцовская любовь, детская любовь к матери, привязанность сверстников и, наконец, половое влечение – не сводятся друг к другу, но каждая выполняет в процессе индивидуального развития свои специфические функции. Тем более неправомерно такое упрощенное толкование чувств человека. Как справедливо подчеркивал А. С. Макаренко, человеческая "любовь не может быть выращена просто из недр простого зоологического полового влечения. Силы "любовной" любви могут быть найдены только в опыте неполковой человеческой симпатии. Молодой человек никогда не будет любить свою невесту и жену, если он не любил своих родителей, товарищей, друзей. И чем шире область этой неполковой любви, тем благороднее будет и любовь половая" .

В отличие от "субстанциалистского" подхода, пытающегося определить глубинные причины, обуславливающие характер любви и дружбы, феноменологическая психология анализирует ассоциирующиеся с этими отношениями субъективные переживания. Французский психолог Ж. Мэзоннёв, изучив многочисленные художественные и автобиографические описания любви и дружбы, обозначил качественные различия между "любовным" и "дружеским" временем и пространством.

"Любовное время" кажется людям быстротекущим, изменчивым, лишенным длительности, это "время, когда забывают о времени", его ритм определяется "биением сердец". "Дружеское время" выглядит более спокойным и однородным. Не так радикально порывая с повседневностью, оно более конструктивно и перспективно. Аналогично обстоит дело с пространством. Любовь стремится к полному уничтожению расстояния между любящими, сливая их в единое целое. Напротив, дружба, даже самая интимная, в силу своего духовного характера предполагает некоторую деликатность и сдержанность, сохранение феноменологического расстояния между друзьями. Дружеское Мы представляется менее слитным, допуская определенные расхождения и психологическую дистанцию.

Новейшие социально-психологические исследования показывают, что эти переживаемые различия тесно связаны с разницей соционормативных определений любви и дружбы. Любовно-романтические отношения считаются более исключительными и обязывающими, чем дружеские. Поэтому они предполагают более точное и строгое осознание и определение субъектом собственных чувств, питаемых к партнеру, – "люблю", "влюблен" или просто "нравится" – и сознательное принятие решений, как именно развивать эти отношения. В случае нескольких любовных связей или привязанностей человек обычно задает себе вопрос, какая из них для него важнее, дороже и ближе. В дружбе, при всей ее индивидуальности, взаимоисключающий выбор не обязателен, поэтому люди обращают меньше внимания на тонкие нюансы своих взаимоотношений, их развитие кажется им более плавным, не требующим принятия каких-то ответственных решений.

Детальное исследование взаимоотношений 16 дружеских и 16 любовно-романтических студенческих пар показало, что любовные отношения кажутся молодым людям значительно более исключительными, чем дружеские. Если испытуемый имел две любовные привязанности, то усиление одной из них неминуемо снижало эмоциональную значимость другой. В дружбе этого не происходит. Отмеченных в течение месяца колебаний в оценке уровня дружеских

отношений и их значимости было вдвое меньше, чем в любовных отношениях. Однако это объясняется не тем, что в дружбе таких колебаний объективно меньше, а тем, что люди их просто не замечают, поскольку они не требуют принятия сознательных решений и продуманной линии поведения: звонить или не звонить по телефону, приглашать или не приглашать в театр, объясняться или не объясняться?

Но и это различие ощущается и прослеживается не всегда. Например, подростковая и юношеская дружба в этом смысле зачастую неотличима от любви. А. И. Герцен писал:

"Я не знаю, почему дают какой-то монополю воспоминаниям первой любви над воспоминаниями молодой дружбы. Первая любовь потому так благоуханна, что она забывает различие полов, что она – страстная дружба. С своей стороны, дружба между юношами имеет всю горячность любви и весь ее характер: та же застенчивая боязнь касаться словом своих чувств, то же недоверие к себе, безусловная преданность, та же мучительная тоска разлуки и то же ревнивое желание исключительности. Я давно любил, и любил страстно, Ника, но не решался назвать его "другом", и, когда он жил летом в Кунцеве, я писал ему в конце письма: "Друг ваш или нет, еще не знаю". Он первый стал мне писать ты и называл меня своим Агатом по Карамзину, а я звал его моим Рафаилом по Шиллеру".

Классическая литература неоднократно описывала подобные переживания. Вспомним Тонио Крегера из одноименного рассказа Т. Манна или Жана Кристофа у Р. Роллана:

"Кристоф не знал никого прекраснее Отто. Все восхищало его в друге – тонкие руки, красивые волосы, свежий цвет лица, сдержанная речь, вежливые манеры и тщательная забота о своей внешности... Он пожертвовал бы ради Отто всем на свете. Он жаждал подвергнуться ради друга любой опасности и страстно мечтал, чтобы представился, наконец, случай испытать силу его дружбы. Во время прогулок он ждал какой-нибудь опасной встречи, чтобы броситься вперед и прикрыть собой Отто. Он с наслаждением принял бы смерть ради друга". А разве не похожи на любовные те письма, которыми обменивались Жак и Даниэль в романе Р. М. дю Гара "Семья Тибо", вызвавшие такой переполох у отцов-иезуитов?

Различны и любовные переживания взрослых. В своей книге "О любви" Стендаль сравнивает любовные переживания Дон-Жуана и Вертера. Далекий от принижения Дон-Жуана, Стендаль признает, что его страсть требует немалых личных достоинств: бесстрашия, находчивости, живости, хладнокровия, заимчивости и т. д. Но люди этого типа чаще всего бывают сухими эгоистами. "Дон Жуан отвергает все обязанности, связывающие его с другими людьми. На великом рынке жизни это недобросовестный покупатель, который всегда берет и никогда не платит". Превращая любовь в интригу или спорт, делая ее средством удовлетворения собственного тщеславия, он уже не может отдаваться ей сам. "Вместо того, чтобы, подобно Вертеру, создавать действительность по образцу своих желаний, Дон Жуан испытывает желания, не до конца удовлетворяемые холодной действительностью, как это бывает при честолюбии, скупости и других страстях. Вместо того, чтобы теряться в волшебных грезах кристаллизации, он, как генерал, размышляет об успехе своих маневров и, коротко говоря, убивает любовь вместо того, чтобы наслаждаться ею больше других, как это думает толпа".

Любовь Вертера с его мечтательностью и склонностью к идеализации плохо приспособлена к реальной жизни и чревата неизбежными драмами и разочарованиями. Зато "любовь в стиле Вертера открывает душу для всех искусств, для всех сладостных и романтических впечатлений: для лунного света, для красоты лесов, для красоты живописи – словом, для всякого чувства прекрасного и наслаждения им, в какой бы форме оно ни проявлялось, хотя бы одетое в грубый ХОЛСТ".

Совершенно ясно, что любовные переживания и способы их дифференциации от дружеских чувств будут у таких людей разными.

Многозначность эмоциональных привязанностей не исключает возможности их аналитического расчленения. Например, при изучении эмпирических показателей, позволяющих предсказывать развитие любовных отношений и взаимную адаптацию супружеских пар, весьма плодотворным оказалось разграничение понятий "любовь" и "расположение". В обыденном понимании слова "любовь" и "правится" различаются в основном количественно, по степени ("люб-

лю" = "сильно нравится"). Но эти слова имеют и смысловое различие, обозначая разные психологические явления. Расположение, выражаемое словом "нравится", – положительная установка к другому лицу, в которой преобладает оценочный момент. Нравиться может только тот, кто обладает, а точнее, кому приписываются какие-то положительные или желаемые свойства. Если положительная оценка изменяется, притягательность объекта угасает.

Любовь же может включать положительную оценку объекта, идеализировать его, а может и не включать. Какие-то качества любимого человека могут даже активно не нравиться. Любовь амбивалентна, она часто сочетается с ненавистью (вспомним катулловское "ненавижу и люблю"). Недаром так расходятся ее описания в художественной литературе.

Чтобы измерить соотношение этих качеств, американский психолог З. Рубин разработал специальный вопросник с отдельными шкалами "любви" и "расположения" (по 13 пунктов в каждой). "Любовная шкала" измеряет степень привязанности к другому, заботы о нем и психологической интимности. "Шкала расположения" измеряет, насколько испытуемому нравятся качества данного человека и связанную с этим склонность считать этого человека похожим на себя. Применив свой вопросник к изучению 182 студенческих пар, находившихся в процессе ухаживания, ученый выявил, что "любовь" и "расположение" далеко не всегда совпадают и что "любовная шкала" значительно точнее предсказывает, вступят ли молодые люди в брак.

Но любовь психологически еще многообразнее дружбы. Наиболее разработанная, опирающаяся на эмпирические данные современная классификация различает шесть стилей, или "цветов", любви:

1) эрос-страстная, исключительная любовь-увлечение, стремящаяся к полному физическому обладанию;

2) людус – гедонистическая любовь-игра, не отличающаяся глубиной чувства и сравнительно легко допускающая возможность измены;

3) сторге – спокойная, теплая и надежная любовь-дружба;

4) прагма – совмещающая людус и сторге, рассудочная, легко поддающаяся сознательному контролю любовь по расчету;

5) мания – иррациональная любовь-одержимость, для которой типичны неуверенность и зависимость от объекта влечения;

6) агапе – бескорыстная любовь-самоотдача, синтез эроса и сторге.

Любовные переживания молодых мужчин, как показывают психологические исследования, содержат больше "эротических" и особенно "людических" компонентов, тогда как у женщин ярче выражены "прагматические", "сторгические" и "маниакальные" черты. Маниакальные увлечения типичнее для подростков и юношей, нежели для взрослых.

Приведенная классификация, однако, не только не дает ответа на многие сложные вопросы, но и порождает новые. Например, является ли "цвет любви" устойчивой личностной чертой или же относительно изменчивой установкой, связанной с конкретным эмоциональным состоянием? Как сочетаются разные стили любви у одного и того же человека в зависимости от характера партнера и на разных стадиях любовных взаимоотношений (влюбленность и супружеская любовь)? Известно, что существуют однолюбы, чьи чувства и привязанности практически не меняются, причем это касается и объекта любви, и ее эмоциональной тональности. Но есть люди переменчивые, которые легко влюбляются и столь же быстро остывают. И это отнюдь не только вопрос морали. "Любовная страсть... не может быть сконструирована а priori, потому что ее развитие есть действительное развитие, происходящее в чувственном мире и вреди действительных индивидуумов", – писал К. Маркс.

Многое зависит не только от свойств личности, но и от ситуации, в которой возникает влюбленность. О психологических механизмах этого процесса мы знаем очень мало, но несомненно, его эмоциональные аспекты тесно связаны с когнитивными (познавательными). Согласно теории американских психологов Э. Бершайд и Э. Уолстер, возникновение любовной страсти имеет две ступени: физиологическое возбуждение (не обязательно сексуальное) и его объяснение (когнитивную атрибуцию). Состояние возбуждения, обостряющее чувства, может быть вызвано как приятными, так и неприятными переживаниями (страхом, опасностью), любые стрессовые ситуации повышают эмоциональную чувствительность. Интересный эксперимент был проведен канадскими психологами. К молодым мужчинам, переходившим через каньон, обраща-

лась с просьбой об интервью красивая девушка-студентка, а затем как бы ненароком давала свой телефон, якобы для дальнейшего обсуждения темы ее дипломной работы, причем в одном случае дело происходило на шатком, скрипучем висячем мостике, а в другом – на солидном стационарном мосту. Из 33 мужчин, опрошенных в опасной ситуации, позвонили девять, а в спокойной – только двое. Чувство совместно пережитой опасности сделало девушку более привлекательной в глазах мужчин, вызвав желание продолжить знакомство. Сходные результаты были получены и в лабораторных экспериментах.

Мгновенные страстные влюбленности военных лет, не раз описанные в художественной литературе, вероятно, также связаны прежде всего с потребностью разрядки и переключения эмоционального напряжения. Доказано, что сознание опасности усиливает потребность не только в любви, но и в общении, любой эмоциональной близости с теми, кто эту опасность разделяет. Дальнейшее – дело когнитивной атрибуции: как человек определит свое состояние. Ведь даже разница между "любовью" и "увлечением" – в известной мере вопрос "этикетки". Говоря себе: "Это любовь", индивид тем самым формирует установку на серьезное, длительное чувство. Напротив, слова: "Это просто увлечение" – установка на нечто временное, краткосрочное. "Определение" своего чувства – не просто констатация факта, а своего рода самореализующийся прогноз.

Важную роль в любовных отношениях играют представления о том, каким должен быть любимый человек, которые служат как бы эталоном выбора и критерием его оценки. В социальной психологии по этому поводу имеются три гипотезы.

Согласно первой гипотезе, идеальный образ любимого предшествует выбору реального объекта, побуждая личность искать того, кто бы максимально соответствовал этому эталону. Большинство людей действительно имеют какой-то воображаемый, идеальный образ любимого, с которым они сравнивают своих избранников. Исследователь из ГДР К. Штарке сравнил представления своих молодых соотечественников о том, каким должен быть любимый человек, с их оценкой своего реального избранника по четырем пунктам: "заботиться о сексуальной гармонии", "разделять достижения и трудности", "обладать спортивными интересами", "придерживаться принципа равного распределения семейных обязанностей". Совпадение идеала и действительности, особенно по первым двум пунктам, оказалось очень высоким, хотя и содержание требований, и степень взаимной удовлетворенности у мужчин и женщин не во всем одинаковы: мужчины берут на себя значительно меньшую долю домашних обязанностей, чем хотелось бы женщинам, по они меньше удовлетворены сексуальной стороной отношений.

Однако совпадение идеала и действительности наблюдается далеко не всегда. Идеальный образ любимого, особенно у молодых, неопытных людей, большей частью весьма расплывчат и содержит много нереальных, завышенных или несущественных требований, тогда как некоторые очень важные качества сплошь и рядом не осознаются, их значение проясняется лишь в практическом опыте брака.

Кроме того, не следует смешивать идеал с эталоном. Эталон – всего лишь образец постоянства, принципиально неизменная единица измерения, не зависящая от свойств объектов, с которыми она соотносится. Идеал же – живой, развивающийся образец. По образному выражению писателя М. Анчарова, идеал "развивается во времени и растет, как дерево, имеет корни и ствол, и крону, и цветы, и плоды, и семена, которые, будучи высажены в подходящую почву и климат, снова дают дерево той же породы, но уже чуть изменившееся во времени, и потому идеал борется за свое нормальное развитие, а эталон ждет, чтобы его применили". Люди, жестко придерживающиеся эталона, часто оказываются неудачниками в любви, потому что они слепы к реальным качествам своих избранников. Формула "если я тебя придумала, стань таким, как я хочу!" звучит в песне гораздо лучше, чем в жизни: кому охота жить по чужой, пусть даже красивой, "придумке"?! Поэтому-то далеко не все люди выбирают любимых "по образцу" или сравнивают их с каким-то абстрактным эталоном.

Вторая гипотеза выводит "романтические ценности" из бессознательной идеализации предмета любви, которому приписываются желательные черты, независимо от того, каков он на самом деле. Например, Фрейд связывал

напряженность любовных переживаний главным образом с "переоценкой" объекта влечения, обусловленной его недоступностью. Согласно теории идеализации, страстная любовь по самой сути своей противоположна рациональному, объективному видению. Недаром ее издревле называли слепой.

Мысль о несовместимости любви и знания высказывали многие философы и классики литературы, которых никто не обвинит в пошлости. "...Истинная любовь, - писал А. Франс, - не нуждается ни в симпатии, ни в уважении, ни в дружбе; она живет желанием и питается обманом. Истинно любят только то, чего не знают". "...Человек любит и уважает другого, покуда не может судить о нем, и любовная тоска - следствие недостаточного знания" ээ, - вторит ему Т. Манн. Психологические исследования подтверждают, что влюбленные часто идеализируют друг друга, особенно в начале романа, причем женщины склонны к этому больше, чем мужчины.

Однако сводить романтическую любовь к идеализации также неверно. Если бы дело обстояло так и только так, любовь всегда и довольно быстро завершалась бы разочарованием, что не соответствует истине. Если любовь - лишь временное ослепление, то самые сильные увлечения должны быть присущи неуравновешенным, невротическим натурам. В отдельных крайних случаях, вероятно, так оно и есть. Но не в массе. При сравнении личностных свойств группы молодых людей со степенью их влюбчивости, возрастным периодом появления первых влюбленностей и т. д. наименее благоприятные личностные показатели оказались у тех, кто имел наибольшее (свыше 12) число романов, и у тех, кто имел одновременно две любовные связи. Экстенсивность их любовной жизни, возможно, свидетельствует о неспособности к глубокой личной увлеченности. У "романтиков" же наблюдаются трудности иного свойства.

Кроме того, приписывание любимому человеку достоинств, которых у него не находят окружающие, не всегда ошибочно. Многие философы и поэты, говоря о "любовном ослеплении", в то же время считали любовь величайшим средством познания. Подобно тому как физическая слепота, лишая человека зрительных восприятий, обостряет другие органы чувств, любовь, притупляя рассудок, иногда наделяет любящего особым внутренним зрением, которое позволяет ему разглядеть скрытые, потенциальные качества любимого. Нельзя отрицать и преобразующую силу самой любви. Девушка, которая знает, что она любима, в самом деле расцветает, становится красивее не только в глазах любящего, но и в глазах окружающих. То же - с нравственными качествами. Как писал М. Пришвин, "тот человек, кого ты любишь во мне, конечно, лучше меня: я не такой. Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя..."

Третья гипотеза, в противоположность первой, утверждает, что не идеальные образы определяют выбор любимого, а, наоборот, свойства реального, уже выбранного объекта обуславливают содержание идеала, по пословице: "Та и красавица, которую сердце полюбит". Видимо, и здесь есть доля истины. Не случайно высокое совпадение черт идеальных и реальных возлюбленных одни авторы интерпретируют в духе первой, а другие - в духе третьей гипотезы.

По всей вероятности, все три гипотезы имеют под собой известные основания! в одних случаях "предмет" любви выбирается в соответствии с ранее сложившимся образом, в других - имеет место идеализация, в третьих - идеал формируется или трансформируется в зависимости от свойств реального объекта. Но каково соотношение этих моментов и как они сочетаются у разных людей и в разных обстоятельствах - наука сказать не может.

Как мудро заметил тот же Пришвин, "любовь - это неведомая страна, и мы все плывем туда каждый на своем корабле, и каждый из нас на своем корабле капитан и ведет корабль своим собственным путем" .

Индивидуальные переживания любви и дружбы не отливаются в строгие научные формулы. Тому, кто ждет таких формул, следует вспомнить добрый совет, который дала когда-то Ж. Ж. Руссо венецианская куртизанка: "...оставь женщин и займись математикой". Но это не значит, что психология высших человеческих чувств и личных отношений невозможна или бесполезна. Показывая, что эти чувства и отношения коренятся в сфере субъективной реальности, в области не столько наличного, сколько потенциального бытия личности, она побуждает нас присмотреться к тем жизненно важным нюансам, которыми мы склонны в суете будней пренебрегать.

Поэтому, завершая разговор о чувствах и отношениях, обратимся к самому сложному и самому неясному вопросу – взаимосвязи между типом дружбы и типом личности.

10. СКАЖИ МНЕ, КТО ТВОЙ ДРУГ...

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что паши смешались черты.
И. Анненский

Alter ego, к которому стремится человек, всегда выражает глубинные, большей частью неосознаваемые свойства его собственного Я. Поэтому тот или иной тип дружбы всегда соотносится с определенными чертами личности. Отсюда вытекает и традиционный подход к изучению личностных особенностей дружбы – сопоставление отдельных ее характеристик (числа друзей, устойчивости отношений, степени их интимности и т. п.) с индивидуально-типологическими чертами личности.

Например, проведенный нами факторный анализ мнений о дружбе и структуры реального общения ленинградских девятиклассников позволил выделить четыре главные ориентации: 1) на экстенсивное групповое общение с большим числом приятелей своего и противоположного пола; 2) на групповую дружбу со сверстниками своего пола; 3) на дружбу со сверстниками противоположного пола; 4) на интимную парную дружбу. Типы эти существенно различны. Юноши, ориентированные на экстенсивное групповое общение, как правило, не выбирают в качестве идеального друга девушку, и в первом круге их реального общения преобладают юноши. Напротив, тот, кто выбирает идеальным другом девушку, обычно имеет меньше друзей своего пола, склонен думать, что настоящая дружба встречается редко, и сам отличается повышенной рефлексивностью.

Сравнение этих разных ориентации с психологическими особенностями юношей и девушек, измеренными с помощью личностного теста, проливает на эту проблему дополнительный свет. Экстенсивный тип общения положительно соотносится с такими индивидуальными свойствами, как общительность, беспечность и экстраверсия; кроме того, склонные к такому типу общения юноши отличаются менее развитым чувством долга и способностью к самоконтролю. Ориентация на групповую дружбу со сверстниками своего пола почти не дает значимых корреляций с индивидуальными свойствами, хотя юноши из этой группы отличаются несколько большей общительностью и несколько меньшей рефлексивностью и независимостью. Ориентация на дружбу со сверстниками противоположного пола сочетается у юношей с беспечностью, а у девушек также с общительностью, уверенностью в общении и экстраверсией и отрицательно – с независимостью. Потребность в интимной парной дружбе характерна для юношей и девушек, склонных к рефлексивности, у юношей она коррелирует еще и с быстрой возбудимостью.

Однако статистическая корреляция – не причинная связь. Многие черты, от которых зависит коммуникативный стиль личности, относительно устойчивы и постоянны. Скажем, уровень и стиль общительности (преимущественно экстенсивный или интенсивный) устойчиво сохраняются у детей от двух с половиной до семи с половиной лет. Исследователи отмечают также преемственность уровня общительности годовалых мальчиков с характером их общения в девять-десять лет. Сравнение коммуникативных черт группы взрослых мужчин с тем, какими они были в восемь и двенадцать лет, показало, что более теплые, открытые и сердечные мужчины в восьмилетнем возрасте поддерживали устойчивые дружеские отношения с другими мальчиками и в первом круге их общения были также девочки. Напротив, мужчины, склонные избегать окружающих на расстоянии и избегать тесных эмоциональных контактов, в детстве не имели близких друзей и не играли с девочками.

Относительно устойчивы и в дошкольном и в школьном возрасте такие характеристики, как популярность и – еще больше – непопулярность у сверстников, сильно влияющие на характер дружеских отношений. К числу стабильных личностных черт относятся самоуважение, степень приятия или неприятия себя, застенчивость, потребность в достижении и в принадлеж-

ности к группе, уровень самораскрытия, эмпатия, импульсивность, самоконтроль и конечно же экстраверсия и интроверсия (обращенность личности преимущественно вовне, на других людей и окружающий мир, или вовнутрь, к собственному Я). Но стабильность этих черт, их влияние на личность и характер ее общения не следует абсолютизировать. Во-первых, их соотношение и значимость существенно меняются с возрастом. Во-вторых, некоторые психологические свойства и формирующие их условия в известной степени взаимно компенсируют друг друга.

Давно известно, например, что теплая, заботливая семья и эмоциональная близость с матерью облегчают ребенку в дальнейшем установление хороших отношений и со сверстниками. Так, изучение поведения группы американских старшеклассников показало, что матери юношей, обладающих самой высокой степенью эмпатии, отличались терпимостью, редко прибегали к наказаниям и поощряли сыновей свободно обсуждать свои проблемы. Длительный отрыв маленьких детей (до пяти лет) от семьи, по-видимому, отрицательно сказывается на их эмоциональном развитии,

Согласно теории английского психолога Дж. Боулби, дефицит родительского тепла лишает ребенка необходимого ему чувства уверенности и безопасности, что способствует зарождению особого вида эмоциональной тревожности – "страха отделения", который может сохраняться на протяжении всей жизни. Исследование большой группы взрослых американцев косвенно подтверждает эту гипотезу: среди людей, хронически чувствующих себя одинокими, оказалось непропорционально много лиц, выросших без любящих родителей; особенно неблагоприятным прогностическим фактором оказался при этом развод.

Но разные виды привязанностей могут быть и конфликтными. Слишком тесная привязанность и зависимость ребенка, особенно мальчика, от матери нередко играет отрицательную роль, сковывая его инициативу в установлении контактов со сверстниками. При сравнении группы подростков, воспитывавшихся до пяти лет исключительно матерью, с теми, кто подвергался влиянию нескольких разных взрослых ("диффузное материнство"), выяснилось, что сильное материнское влияние в раннем детстве коррелирует у мальчиков-подростков с интроверсией, ориентацией на взрослых и сильным самоконтролем, тогда как "диффузное материнство" благоприятствует экстраверсии, ориентации на сверстников, экспрессивному поведению.

С точки зрения здравого смысла коммуникативные качества легко делятся на "положительные" и "отрицательные": быть общительным хорошо, а замкнутым – плохо. На самом деле все не так просто. Выбор друзей и характер взаимоотношений с ними во многом зависят от свойств интеллекта, темперамента и уровня самоконтроля, которые, в свою очередь, связаны с типом нервной системы. Но влияние это неоднозначно. Например, более импульсивные люди, обладающие меньшим самоконтролем, легче идут на самораскрытие и сообщают о себе более доверительную информацию, чем неимпульсивные, однако это не гарантирует ни лучшего понимания другого, ни устойчивой эмоциональной близости.

Экспериментально доказано, что люди с развитым самоконтролем, тщательно следящие за своим поведением, склонны выбирать друзей и партнеров по досугу прежде всего по их деловым качествам, необходимым в той или иной конкретной ситуации ("Эрик – отличный парень, но в поход я пойду с Иваном, у него лучшие спортивные навыки"). Напротив, люди с низким самоконтролем, придающие меньше значения ситуативным факторам, выбирают друзей преимущественно по принципу симпатии ("Хотя Эрик не ахти какой альпинист, с ним мне будет идти приятнее"). Разумеется, реальный выбор зависит от многих конкретных условий, включая оценку важности и трудности предполагаемой задачи: восхождение на Эверест – не прогулка с приятелем в горы. Тем не менее общий тип коммуникативной ориентации сказывается и на личных отношениях. Гипертрофированный самоконтроль, связанный с развитой потребностью в достижении, побуждает личность и свои дружеские отношения рассматривать более инструментально, в связи с какой-то конкретной деятельностью, тогда как более импульсивный человек отдает предпочтение непосредственной симпатии, даже в ущерб эффективности. Некоторые противоречия между развитием соревновательное и эмпатии психологи зафиксировали уже у шести-семилетних мальчиков.

Все это говорит о том, что расхождения в определениях, нормах и кри-

териях ценности дружбы принципиально неустранимы, за ними стоят индивидуальные различия.

Но даже такие свойства, которые на первый взгляд выглядят недостатками, сплошь и рядом имеют свою положительную сторону.

Вот один пример.

Едва ли не самая распространенная и тяжело переживаемая людьми коммуникативная проблема – застенчивость. Из опрошенных американским исследователем Ф. Зимбардо 2500 студентов в возрасте от 18 до 21 года 42% считают себя застенчивыми (с учетом тех, кто преодолел эту особенность, цифра повышается до 73%), причем 60% из них рассматривают застенчивость как серьезную трудность. Особенно тяжело переживают ее юноши, так как застенчивость кажется "не мужским" качеством. Может быть, люди преувеличивают эти трудности? Нет. Психологические исследования показали, что те, кто считает себя застенчивыми, действительно отличаются пониженным уровнем экстраверсии, менее способны контролировать и направлять свое социальное поведение, более тревожны, склонны к невротизму (это касается только мужчин) и переживают больше коммуникативных трудностей. Неудивительно, что застенчивость считается нежелательным качеством и люди стремятся от нее избавиться (например, путем психотерапии).

Однако застенчивость имеет разные причины, так что и избавляться от нее нужно по-разному. Кроме того, она тесно связана с другими чертами личности, которые не всегда поддаются коррекции и сами по себе не могут рассматриваться как отрицательные.

В одном психологическом эксперименте людям предлагалось выбрать тип личности, с которой они хотели бы совместно работать и проводить досуг. Как правило, испытуемые, независимо от собственных качеств, предпочитали экстравертированный тип личности. Но как только им приходилось выбирать не просто сослуживца или компаньона по развлечениям, а друга, картина менялась: не только люди, склонные к интроверсии, но и многие экстраверты отдавали в этом случае предпочтение интровертированному типу. Почему?

Интроверсия ассоциируется не только с застенчивостью и другими коммуникативными трудностями, но и с более тонкой душевной организацией. Это мнение никогда не подвергалось экспериментальной проверке, но его разделяли и разделяют многие поэты и философы, которые сами, кстати сказать, нередко испытывали трудности в общении. Как писал в одном из писем А. Блок, "человек, сознавший одиночество, хотя бы придумавший его себе, – более открыт душой и способен воспринять, может быть, чего другой не воспримет". Наши недостатки – продолжение наших достоинств. Можно и нужно совершенствовать свои коммуникативные навыки, но радикально изменить стиль своего общения так же трудно, как тип личности.

Подобную ситуацию тонко передал писатель Л. Бежин в рассказе "Мастер дизайнера". Юный герой этого рассказа, застенчивый и неловкий студент Юрий Васильев, попадает в руки энергичного психолога, который вооружает его эффективными средствами общения и воздействия на окружающих. Юрий обретает уверенность в себе, преодолевает былые коммуникативные трудности. Но вскоре выяснилось, что общение, организованное по рациональным правилам, не дает внутреннего удовлетворения и эмоционального тепла. "Душевный туризм" формирует красивую внешность, но не внутреннюю силу. "Выходило, что застенчивость, делавшая таким трудным его общение с людьми, помогала ему общаться с самим собой, со своими мыслями... Он шел, он видел присыпанные снегом яблоки у лоточницы, он радовался тысяче вещей, которые теперь оставляли его равнодушным. Теперь он боялся одиночества, как боятся его все общительные люди. Ему было скучно с самим собой, и, оставшись один, он всякий раз брал телефонную трубку: "Дружище, заходи... двинем куда-нибудь вместе... давай всей компанией..." Он рабски зависел от этого "вместе... всей компанией".

Наблюдательный читатель, вероятно, уже заметил, что в книге, посвященной дружбе, часто затрагивается проблема одиночества. Иначе и не могло быть. Одиночество – такой же универсальный психологический антипод дружбы, каким в ином контексте выступает вражда. Поэтому, обсуждая тему дружбы, тем более ее связи с типом личности, невозможно обойтись без осмысления психологического феномена одиночества. До сих пор разговор шел о культурно-исторических, социально-средовых и половозрастных причинах

одиночества. Теперь важно рассмотреть его самые тонкие, индивидуально-личностные детерминанты.

Но что, собственно, значит слово "одиночество"? В научной литературе, как и в обыденной речи, оно обозначает совершенно разные явления. Во-первых, объективное состояние вынужденной физической или социальной изоляции, выключенное из общения с людьми вообще или с какими-то социальными и личностно-значимыми категориями людей. Во-вторых, добровольное уединение, обособление, ограничение "внешних" связей и контактов ради углубленной автокоммуникации, размышления, созерцания искусства, слияния с природой и т. и. В-третьих, одиночество-тоска – мучительное субъективное чувство душевной и духовной изоляции, некоммуникабельности, непонятости, неудовлетворенной потребности в общении и человеческом тепле. Для нашей темы особенно важны второе и третье значение.

Потребность в уединении, как уже говорилось, естественное свойство всякой развитой личности.

Отступи, как отлив, все дневное, пустое волнение,
Одиночество, стань, словно месяц, над часом моим!

Потребность в нем развивается параллельно росту самосознания личности и сопровождается противоречивыми, хотя в основном положительными эмоциями. Немецкий поэт Р. М. Рильке писал своему молодому коллеге, что рост одиночества "болезнен, как рост мальчика, и печален, как начало весны... Нести его нелегко, и почти всем суждены часы, в которые они его охотно променяли бы на любовь – хотя бы самую обычную и дешевую общность, на хотя бы призрак близости с первым встречным, с самым недостойным..." . Но бежать от уединения – значит бежать от самого себя. Только в тишине собственной души человек осознает глубокий смысл своего личного бытия, а также и реальную ценность общения. "Общество, даже самое лучшее, скоро утомляет и отвлекает от серьезных дум, – заметил американский писатель Г. Торо. – Я люблю оставаться один. Ни с кем так не приятно общаться, как с одиночеством. Мы часто бываем более одиноки среди людей, чем в тиши своих комнат" .

Развитая культура не только стремится обеспечить индивиду объективные возможности для уединения (принцип приватизации), но и вырабатывает специальную психологическую технику внутреннего сосредоточения, медитации, особой психотерапии (например, японская школа "морита"). Находясь в состоянии уединения, человек мысленно общается не только сам с собой, но и со своими идеальными, воображаемыми друзьями. Своеобразно выразил это китайский поэт Ду Фу (VIII в.):

Мне выпить надо,
Чтоб забылась скука,
Чтоб чувства выразить –
Стихи нужны.
Меня бы понял Тао Цянь⁴
Как друга,
Но в разные века
Мы рождены .

Кроме спокойного, умиротворенного самоуединения существует и напряженное одиночество-тоска, которое всегда мучительно и сопровождается множеством разнообразных отрицательных эмоций – ощущением скуки, грусти, отчаяния, подавленности, жалости к себе, отверженности, неполноценности и т. п.

Переживания такого рода знакомы каждому человеку, но в них можно выделить ряд градаций.

Во-первых, временное, преходящее чувство одиночества и сопутствующее ему грустное и подавленное настроение – нормальное явление человеческой жизни, которого никто не может избежать.

Во-вторых, ситуативное одиночество, порожденное особыми жизненными обстоятельствами: резкой переменой условий жизни и круга общения (перемена места жительства, учебы или работы), кризисными точками индивидуального развития (например, появлением неудовлетворенной потребности в

любви), потерей близких, охлаждением или распадом некогда значимых личных отношений и т. д. Каким бы острым ни было это одиночество, с течением времени оно обычно проходит, уступая место новым отношениям и эмоциональным привязанностям.

Другое дело – хроническое одиночество, преследующее человека постоянно и воспринимаемое им самим как неустранимое свойство собственной натуры: "Одиночество – моя судьба".

Какие же психологические качества делают людей одиночками и некоммуникабельными? Оставим в стороне крайние случаи, относящиеся к компетенции психопатологов, например аутизм, когда человек полностью "закрыт" для окружающих и не способен к нормальному общению. Прототип некоммуникабельной, одинокой личности включает ряд сходных переживаний и черт, распространяющихся на ее самосознание (пониженное самоуважение, гипертрофированное сознание непохожести на других, замкнутости, отверженности), стиль поведения (самоизоляция, избегание социальных контактов) и репертуар наиболее часто испытываемых чувств (бессилие, жалость к себе, апатия, подавленность, гнев и т. п.). Но сочетание этих черт бывает весьма различным.

Американский психолог Д. Янг, автор распространенного теста и метода психотерапии депрессивных состояний, различает 12 синдромов одиночества, каждый из которых имеет специфические эмоциональные, когнитивные и поведенческие признаки.

1. Недовольство одиночеством, неспособность к уединению; оставшись один, человек теряет, не знает, что с собой делать, испытывает мучительную скуку и пустоту.

2. Низкое самоуважение, выражающееся в заниженных самооценках ("меня не любят", "я скучен" и т. п.), которое побуждает личность избегать человеческих контактов, в результате чего у нее появляется хроническая печаль и ощущение безнадежности. Это состояние бывает и у людей в высшей степени интересных и значительных. Как писал в одном из писем Т. Манн, "много лет, и лет важных, я ни во что не ставил себя как человека и хотел, чтобы меня принимали во внимание только как художника... Из-за всей нервности, искусственности, нелегкости своего нрава я не даю никому, даже самому доброжелательному человеку, сблизиться со мной или вообще хоть как-то со мною поладить..." .

3. Социальная тревожность, неуверенность в общении, застенчивость, постоянное ожидание насмешек или осуждения со стороны окружающих, так что единственным спасением кажется уход в себя.

4. Коммуникативная неуклюжесть, отсутствие необходимых навыков общения, неумение правильно вести себя в сложных межличностных ситуациях (знакомство, ухаживание), часто сочетаемое с низкой эмпатией, результатом чего бывают разочарование и обманутые ожидания.

5. Недоверие к людям, которые кажутся враждебными и эгоистичными; такой человек не просто избегает людей, но испытывает по отношению к ним озлобление и чувство горечи.

6. Внутренняя скованность, немота, неспособность к самораскрытию, чувство своей абсолютной психической "герметичности" и непонятности, заставляющее личность постоянно разыгрывать чьи-то чужие роли.

7. Трудности выбора партнера ("негде встретить подходящего человека", "никто мне не нравится"), неспособность завязать интимные личные отношения или постоянный выбор неподходящих партнеров, в результате чего возникает чувство бессилия и обреченности.

8. Страх оказаться отвергнутым, связанный с пониженным самоуважением и неудачным прошлым опытом, боязнь новых разочарований, усугубляемые безотчетным чувством вины и сознанием своей малоценности.

9. Сексуальная тревожность, сознание (часто ложное) своей внешней непривлекательности или беспомощности, которое нередко усугубляется стыдом и затрудняет все прочие личные отношения.

10. Боязнь эмоциональной близости ("он хочет больше, чем я могу ему дать"), побуждающая человека избегать углубления дружеских отношений, которые предполагают взаимное самораскрытие.

11. Неуверенная пассивность, постоянные колебания, неопределенность в оценке собственных чувств ("сам не знаю, что я чувствую и чего хочу"), отсутствие настойчивости, инициативы в углублении и развитии личных от-

ношений и настороженность к попыткам такого рода со стороны партнера.

12. Нереалистические ожидания, ориентация на слишком жесткие нормы и требования ("все или ничего"), нетерпимость и нетерпеливость, в результате чего личные отношения не могут обрести устойчивость и часто разрываются без достаточно веских причин.

Хотя все эти синдромы описательны, а соотношение их компонентов проблематично, их перечень показывает, что одиночество так же многообразно, как и общение, от него нет универсальных рецептов. Одному человеку полезно поменьше думать о собственном Я и включиться в деятельную групповую жизнь, а другому, наоборот, – остановиться, оглянуться.

Главная беда многих одиноких и склонных к депрессии людей заключается в том, что у них складывается специфический атрибутивный стиль – склонность объяснять свои неудачи в общении не конкретными ситуативными причинами, а своими якобы неизменными личными чертами, и эта пораженческая установка блокирует, парализует попытки установить новые человеческие контакты с учетом прошлых ошибок. Если в других сферах жизни, скажем в учебе или труде, эти люди трезво оценивают причины своих успехов и поражений и, учась на своих ошибках, могут достигать высоких результатов, то в сфере общения, где они особенно уязвимы, негативная установка превращается в самореализующийся прогноз: "У меня все равно не получится, поэтому не стоит и пробовать, чтобы не переживать новых разочарований". С преодоления этой ложной установки начинается всякое самовоспитание или психотерапия.

Наряду с экспериментальной психологией и художественной литературой пониманию индивидуально-личностных факторов дружбы весьма способствует изучение биографических данных и личных документов исторических деятелей, мыслителей, художников и т. д. Мы уже приводили примеры дружбы Маркса и Энгельса, Герцена и Огарева и др. Но далеко не все великие и достойные люди были счастливы в этом отношении.

Хронические и тяжелые коммуникативные трудности переживали М. Сервантес, Г. Мопассан, А. Шопенгауэр, С. Киркегор, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Ф. Ницше, Р. Вагнер, П. И. Чайковский, А. Стриндберг, Г. Ибсен и многие другие выдающиеся деятели культуры.

Обсуждать эту тему очень сложно. Кроме чисто методологических трудностей (насколько вообще надежна психологическая реконструкция целостной личности по фактам ее биографии и интимным документам) жанр психологической биографии нередко вызывает сомнения морального порядка: допустимо ли вообще разбирать личную жизнь великого человека, читать и обсуждать его интимные дневники, переписку и т. д., отнюдь не предназначенные для опубликования? Сомнения эти, безусловно, серьезны: бестактное копание в чужих делах оскорбляет нравственное чувство. Но без психологического исследования подчас непонятны истоки и личностный смысл творчества художника. Кроме того, жизнь замечательных людей поучительна не только их общественными достижениями. Разве не существенно знать, выражал ли тот или иной идеальный художественный образ реальный жизненный опыт его создателя или несбывшуюся мечту художника?

В нашей книге много говорилось о романтическом культе дружбы. Между тем один из провозвестников романтического типа личности Ж. Ж. Руссо сам был в высшей степени некоммуникабелен. "Как могло случиться, что, имея душу от природы чувствительную, для которой жить – значило любить, я не мог до тех пор найти себе друга, всецело мне преданного, настоящего друга, – я, который чувствовал себя до такой степени созданным для дружбы", – спрашивал себя 55-летний Руссо. Любовь и дружба – "два кумира моего сердца...". Однако и то и другое остается для Руссо недостижимой мечтой. Его чувства слишком напряжены и гипертрофированы, чтобы можно было реализовать их в устойчивых взаимоотношениях.

"Первая моя потребность, самая большая, самая сильная, самая неутолимая, заключаю лась всецело в моем сердце: это потребность в тесном общении, таком интимном, какое только возможно; поэтому-то я нуждался скорей в женщине, чем в мужчине, скорей в подруге, чем в друге. Эта странная потребность была такова, что самое тесное соединение двух тел еще не могло быть для нее достаточным; мне нужны были две души в одном теле; без этого я всегда чувствовал пустоту". Неспособный удовлетворяться более или менее "частичными" контактами, Руссо жаждет полного, абсолютного

слияния с другом, но по причинам, понятным каждому читателю "Исповеди", ни перед кем не может раскрыться до конца. Его все время мучает "боязнь обидеть или не понравиться, еще больший страх быть освистанным, осмеянным, опозоренным...". Как бы хорошо ни относились к нему окружающие - а у Руссо было немало искренних доброжелателей, - отношения с ними для него только суррогаты воображаемой подлинной близости. "Не имея возможности насладиться во всей полноте необходимым тесным душевным общением, я искал ему замены, которая, не заполняя пустоту, позволяла бы мне меньше ее чувствовать. За неимением друга, который был бы всецело моим другом, я нуждался в друзьях, чья порывистость преодолела бы мою инертность..." Неудовлетворенные желания создают напряженность в отношениях. Руссо всегда и везде чувствует себя одиноким...

Драматично складывались дружеские отношения В. Г. Белинского с М. А. Бакуниным. Подобно Руссо, молодой Белинский видит в дружбе высшее благо жизни. "Дружба! - вот чем улыбнулась мне жизнь так приветливо, так тепло, и, вероятно, в ней, и только в одной ней, будет сознавать себя моя жизнь до конца своего" Э. Темпераментный, чувственный и одновременно крайне застенчивый, преследуемый мыслью, что природа заклеила его лицо "проклятием безобразия" и поэтому его не может полюбить ни одна женщина, Белинский не может относиться к людям спокойно. "В людях я вижу или друзей, или враждебные моей субъективности внешние явления, - и робок с ними, сжимаюсь, боюсь их, даже тех, которых нечего бояться, даже тех, которые жмутся и боятся меня".

Его дружба обычно принимала характер страстной влюбленности. "Боткина я уже не люблю, как прежде, а просто влюблен в него и недавно сделал ему формальное объяснение", - сообщает он Бакунину. Подобное чувство не признает никакой психологической дистанции. "У меня всегда была потребность выговаривания и бешенство на эту потребность", - жалуется Белинский. Его письма 30 - начала 40-х годов - одна сплошная исповедь, желание вывернуть душу наизнанку. Дружба, по его словам, взаимное право "говорить друг другу все, не спрашивая себя, как это подействует и что из этого выйдет..."

Но за бесконечными интимными излияниями - фактическое невнимание к личности другого. Поэтому дружеские восторги то и дело сменяются отчуждением и горечью. В письме Бакунину от 1 ноября 1837 г. Белинский говорит о любви и дружбе к нему. А уже через две с половиной недели он пишет: "... между мною и тобою был только призрак дружбы, а не дружба, были ложные отношения". Затем ссора преодолевается, сердце Белинского снова наполнено любовью. "Между нами слово мы имеет особенное значение. Наше мы образует какое-то Я". А через два месяца опять: "Нет, не было и нет между нами дружбы... Ложные отношения произвели ложные следствия".

Эти колебания не просто результат идейного развития и выявления мировоззренческих расхождений обоих мыслителей, а свойство самой романтической дружбы, в которой эмоциональное влечение не сочетается с подлинным взаимопониманием. Лишь горький опыт заставляет "неистового Виссариона" понять, что "дружеские отношения не только не отрицают деликатности, как лишней для себя вещи, но более, нежели какие-нибудь другие, требуют ее... Деликатность и свобода - вот основания истинных дружеских отношений". Чтобы преодолеть истерический надрыв, нужно расширить круг значимой эмоциональной коммуникации. Для Белинского важным рубежом в этом отношении была женитьба (в конце 1843 г.), после которой из его писем полностью исчезают самоанализ и психологические признания. В статье "Взгляд на русскую литературу 1847 года" критик окончательно сводит счеты с "романтическим зверьком" и его понятиями о дружбе, подчеркивая, что "истинные друзья не дают имени соединяющей их симпатии, не болтают о ней беспрестанно, ничего не требуют один от другого во имя дружбы, но делают друг для друга, что могут".

Другой хрестоматийный пример в истории русской литературы - отношения Александра Блока с Андреем Белым. Эта своеобразная "дружба-вражда" зародилась, когда поэтам было по 23 года, причем ощущение какой-то мистической близости сочеталось у обоих с пониманием глубокой личной несовместимости. В отличие от Белинского, который мучился потребностью "выговаривания", Блок с детства чувствует неспособность к прямому самораскрытию. Между ним и его близкими всегда висит какая-то пелена, разорвать которую

он не может и не хочет. "Ты... пишешь принципиально, что "немоты не должно быть между людьми"...- обращается он к А. Белому.- Я могу исходить только из себя, а не из принципа... Мне бесконечно легче уйти от любого человека, чем прийти к нему. Уйти я могу в одно мгновение, подойти мне надо очень долго и мучительно..."

Пока молодые люди изъясняются в переписке в отвлеченных выражениях и каждый может вкладывать в туманные формулы другого собственный смысл, им кажется, что они близки. Но как только они пытаются что-то прояснить или заземлить на реальные личные переживания, обнаруживается, что они и мыслят и чувствуют по-разному. Больше того - они не хотят быть понятыми. У Блока это постоянный принцип: "Я... не стараюсь никогда узнавать никого, это - не мой прием. Я - принимаю или не принимаю, верю или не верю, но не узнаю, не умею... Вы хотели и хотите знать мою моральную, философскую, религиозную физиономию. Я не умею, фактически не могу открыть Вам ее без связи с событиями моей жизни, с моими переживаниями; некоторых из этих событий и переживаний не знает никто на свете, и я не хотел и не хочу сообщать их и Вам". Свои тайные переживания Блок выражает лишь обобщенно, переплавив в поэтические образы.

Психологическая биография, как и экспериментальная психология, учит прежде всего терпимости, пониманию того, что люди разные, их нельзя ни подравнять под одну гребенку, ни исчерпать их индивидуальность с помощью нескольких "научных" ярлыков. Моральный кодекс дружбы универсален в своем максимализме, но его реализация всегда сопряжена с какими-то коррективами. Ибо "доминанта на другое лицо", в которой А. А. Ухтомский справедливо видел высший принцип (одновременно психологический и нравственный) человеческого общения, в первую очередь предполагает сострадание, сочувствие, соучастие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Далеко ли ускачет заяц в лесу! Только до середины леса. Ибо дальше он, по сути, скачет уже из леса. О, не хвастайся, что ты углубился и углубляешься дальше. Не будь столь самоуверенным. Ты углубляешься в глубь этого мира, и вдруг ты выходишь на той его стороне. А ты и не знал, что был в центре. Знал бы - может, и не стремился бы дальше... Ведь самое главное - остаться на половине, на половине пути, на полуслове...

И. Зиедонис

Мы рассмотрели важнейшие социально-исторические и психологические закономерности дружбы, стараясь всюду, где только возможно, опираться не на общие рассуждения, а на строгие факты науки. Объективный научный анализ позволяет расчленить явление, выделить его составные части, отделить реальное от воображаемого, идеал - от действительности, сущее - от должного. Сопоставление данных разных наук проясняет сущность многих старых споров и антиномий, а некоторые из них вовсе снимает. Так, исторические данные о жалобах на "оскудение" дружбы в древности заставляют усомниться не только в обоснованности социологических концепций, связывающих этот процесс с урбанизацией и научно-технической революцией, но и в самом существовании такой тенденции. Раздельное изучение ценностно-нормативных канонов дружбы и психологии реальных дружеских отношений проясняет соотношение ее социальных и психологических детерминант. Относительной, зависящей от социально-исторического и личностного контекста оказывается и противоположность инструментальных и экспрессивных функций общения и соотношение дружбы и любви. Вряд ли нужно объяснять, какое важное практическое значение имеют исследования половозрастных, социальных и индивидуально-личностных особенностей дружбы, закономерностей и механизмов аттракции, взаимопонимания и т. д.

Но хотя эмпирические, опытные, науки неплохо описывают и объясняют предпосылки, условия, процессы, механизмы и компоненты дружеских чувств и отношений, интерпретация их жизненного смысла всегда остается проблематичной и многозначной. Рационально объяснить дружбу - значит свести ее к каким-то утилитарным, нормативным или ситуативным соображениям, под-

вести ее под общее социальное или психологическое правило, закон. Наука обязана делать это, и ее прогресс здесь неоспорим. Но при этом за скобками остается как раз та нерассуждающая самооценочность, в которой нравственное сознание усматривает самую сущность дружбы.

Противоречие существует уже на уровне обыденного сознания. С одной стороны, мы говорим, что необходимо знать своих друзей, не бояться упоминать им на недостатки и т. д.

С другой стороны, моральный кодекс дружбы осуждает взгляд на друга со стороны, обсуждение его характера, внутреннего мира и своих взаимоотношений с ним с посторонними и тем более манипулирование его личностью. Отношение к другу как к вещи этика считает безнравственным, приписывая дружбе абсолютную, самодовлеющую ценность.

Почему? Ведь в реальной действительности цели и средства, на разграничении которых покоится разделение ценностей на конечные, терминальные, и служебные, инструментальные, в принципе обратимы и могут меняться местами. Недаром спор о соотношении экспрессивных и инструментальных ценностей дружбы идет на протяжении всей истории этой категории, а в системе индивидуальной мотивации эти функции постоянно переплетаются. Однако, как бы ни определялись конкретные функции дружбы, в чем бы ни усматривалась ее ценность, она неизменно занимает высшие места в иерархии нравственных ценностей. Нравственное сознание человечества видит в ней не просто частный случай морального отношения, а живое воплощение нравственности, ее персонифицированную сущность, нравственность как таковую.

Как сложилось такое представление? Для уяснения этого обратимся к некоторым общим характеристикам нравственности, перечисленным О. Г. Дробницким: идеальный характер нравственной санкции и обусловленная этим "незаинтересованность" морального мотива (отсутствие расчета на компенсацию); единство действенно-регулятивной и мировоззренческой, идеалоплагающей функции; ведущая роль сознания вообще и субъективного мотива в частности; относительная автономия личности от воздействия и психологического давления извне; способность личности к самостоятельному осознанию, постановке и решению нравственной задачи; особая форма личной ответственности, то есть способность человека не только поддаваться влиянию и санкции, но и отдавать себе отчет в своих действиях.

В дружбе эти свойства выражены особенно наглядно. Как моральное отношение дружба возникает лишь после того, как межличностная связь перестает считаться простым проявлением эмоционального влечения, социальной обязанностью или результатом рационального расчета. Ни влечение, ни ритуал, ни расчет не перестают от этого существовать и не утрачивают своего автономного значения. Однако они подчиняются теперь более высоким нравственным соображениям, совмещаются с понятиями долга и добродетели. Отныне "настоящая дружба" становится эталоном, по которому оцениваются все реальные личные отношения. Как бы ни варьировался этот эталон в разных обществах и у разных классов, в нем всегда представлены такие личностные константы, как избирательность, индивидуальность, верность, независимость от ситуативных соображений. Ведь, по выражению К. Маркса, "мораль зиждется на автономии человеческого духа..."

Регулируя поведение людей, всякая мораль постулирует какие-то нормы взаимозависимости, дисциплины, солидарности. При этом, выступая всеобщим эталоном человеческих отношений, дружба являет собой воплощение альтруизма, сотрудничества, мира. Разумеется, эта всеобщность обманчива. Античный человек и подумать не мог о равенстве и дружбе между свободными и рабами. Какие-то ограничения такого рода присущи любому классово-антагонистическому обществу. Кроме того, реальные межличностные отношения всегда предполагают сложную совокупность мотивов. Социально-психологические теории, описывающие дружбу как обмен, взаимное подкрепление или ролевое взаимодействие, отражают реальные поведенческие, эмоциональные и познавательные процессы. Этическая аксиология (учение о нравственных ценностях) говорит о том, что должно быть. А моральный кодекс дружбы не что иное, как изображение идеальных человеческих отношений вообще. Недаром слово "дружба" применяется не только к межличностным контактам, но и к отношениям между народами, государствами и т. д., причем, по данным филологии, такое словоупотребление не является позднейшим, условным нап-

ластованием.

При всей интимности дружеских отношений масштаб дружбы определяется прежде всего социально-нравственной ценностью деятельности, которой посвятили себя друзья, тех идей и интересов, на которых зиждется их союз. Примеры античной дружбы неизменно связаны с героическими деяниями, воинскими подвигами или борьбой за свободу. Романтическая дружба опосредствуется совместными духовными исканиями, протестом против холодного "вещного" мира, художественным творчеством и т. п. Много ярких примеров дружбы дает история революционного движения.

Дружба А. И. Герцена и Н. П. Огарева зародилась как безотчетная эмоциональная привязанность двух одиноких мальчиков-подростков, но судьбой их она сделалась благодаря тому, что верность дружбе стала для них верностью не только друг другу, но и той благородной идее, которой они посвятили свою жизнь. То же самое можно сказать и о дружбе К. Маркса и Ф. Энгельса, отношения которых, по словам В. И. Ленина, превосходили "все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе".

Но если кодекс дружбы – воплощение моральных норм идеального человеческого общежития вообще, то и личные качества друзей не могут быть этически нейтральными. Многие личностные свойства, от которых зависит общение индивида, формируются независимо от его воли и желаний и не могут быть поставлены ему лично ни в вину, ни в заслугу. Это особенно касается таких коммуникативных качеств, как общительность или замкнутость. Однако моральный кодекс дружбы несовместим с эгоизмом, предательством, нестойкостью убеждений. В самом деле. Если дружба предполагает честь и честность, можно ли не согласиться с Цицероном, что "дружба возможна только между честными людьми...".

Сама потребность в дружбе – нравственная потребность, которая возвышает личность, делает ее добрее, гуманнее, щедрее к людям. Как писал В. А. Сухомлинский, "именно дружба является одной из сфер воспитания любви к человеку, взаимного уважения, ощущения тончайших душевных движений в другом человеке".

Образ дружбы, существующий в этике, идеален и потому неизбежно отличается от реальных дружеских отношений, какие мы видим в жизни или в зеркале социологии, психологии и других наук. Однако он не просто плод воображения. Нравственный кодекс дружбы воплощает выработанные культурой представления о том, какими должны быть человеческие взаимоотношения. И степень реализации этого идеала во многом зависит от наших собственных усилий.

1 Экстраверсия и интроверсия – понятия, характеризующие индивидуально-психологические особенности личности – ее преимущественную направленность либо на мир внешних объектов, либо на собственный субъективный мир.

2 В русском переводе И. Анненского: "Он был мой враг, но умирает братом..." – этот важный оттенок смысла пропадает.

3 Транзитивность – перенос чувства или отношения на какой-то другой объект или ситуацию. Это свойство хорошо выражено в пословицах: "Любишь друга – люби и его собаку", "Друг моего друга – мой друг" и т. д.

4 Тао Цянь – китайский поэт (365–427 гг.).